

*10-летию
Факультета международных отношений
Воронежского Государственного Университета
посвящается*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2012 / 10

Политические изменения в Латинской Америке
Научный журнал

№ 10, 2012
Основан в 2006 году

Учредители

Факультет международных отношений Воронежского Государственного Университета;
Воронежское отделение Российской Ассоциации исследователей
Иbero-Американского мира

Редакционная коллегия

Д-р экономической истории **Мириам Дольникофф** (Университет Сан-Паулу, Бразилия)
Д-р политологии **Георги Иванов Коларов** (Болгария)
к.г.н. **И.В. Комов**
к.и.н. **М. В. Кирчанов** (отв. ред., ВГУ)
к.и.н. **А. В. Погорельский**
проф., д.и.н. **А. И. Сизоненко** (ИПА РАН)
проф., д.полит.н. **А. А. Слинко** (главный редактор, ВГУ)
к.и.н. **И. В. Форет**

Editorial Board

Doutorado em História Econômica **Miriam Dolhnikoff** (Universidade de São Paulo, Brasil)
Ass. Pr., Dr. **Georgi Ivanov Kolarov** (Bulgaria)
Dr. **Igor V. Komov**
Dr. **Maksym W. Kyrchanoff** (editor)
Dr. **Irina V. Phoret**
Dr. **Alexander V. Pogorelsky**
Prof., Dr. Sc. in History **Alexander I. Sizonenko** (Institute for Latin American Studies)
Prof., Dr. Sc. in Politics **Alexander A. Slinko** (editor-in-chief)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, к. 105, 107

Все материалы, поступающие в Редакцию, проходят процедуру
анонимного рецензирования.

Электронная версия

<https://sites.google.com/site/latinoamerikamistika/>

ISSN 2219-1976

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Александр Слинько*, Правоцентристская революция в Латинской Америке
Александр Погорельский, Правление Порфирио Диаса в Мексике и его уроки для современности
Виктор Каспарук, Китай – Латинская Америка: между экспансией и глобальным сотрудничеством
Диана Орешева, Основные направления политического развития Боливарианской Республики Венесуэлы в латиноамериканском контексте

Тема номера – I

Бразильская Империя в классической и современной историографии (к 190-летию бразильской независимости)

- А.Б. Томас*, Бразилия под властью империи (1822 – 1889)
Альфред Деберль, Бразилия до 1876 года
Максим Кирчанов, Империя, национализм и идентичность: имперские исследования в современной бразильской историографии

Тема номера – II

«Инвенционистский» поворот и перспективы развития латиноамериканистики

- «Инвенционистский поворот» и изучение национализма: латиноамериканские перспективы и измерения
Келли Фениси, Лиза Лапланте, Перу: борьба за память
Инна Тарасюк, Деколонизация в стиле латино
Дмитро Дроздовський, Четыреста лет одиночества
Изобретенные и воображаемые традиции в Бразилии: музеи и проблемы развития национальной идентичности

Тема номера – III

Куба и кубинская революция: идеология, политика, экономика

- Юрий Райхель*, Закономерный конец кубинского коммунизма
Диана Рэйби, Почему Куба по-прежнему важна
Дэйв Ослер, Когда революция не идет вперед – она идет назад
Диана Рэйби, Куба: ответ Дэйву Ослеру
Дэйв Ослер, Рабочего Рая не существует

Критика и библиография

- «Большой стиль» в латиноамериканистике (синтетическая история и обобщающие исследования)

Неформальная латиноамериканистика

- Новые книги Бориса Иосифовича Коваля

СТАТЬИ

Александр СЛИНЬКО

ПРАВОЦЕНТРИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Автор анализирует проблемы альтернативной политики в Латинской Америке. Особое внимание уделено кризису либерального государства. «Левый поворот» в Латинской Америке анализируется как попытка синтеза представительной демократии и прямой демократии. Автор полагает, что государства Латинской Америки ищут решение социально-экономических проблем в альтернативной политике. Альтернативная политика – политика свободная от устаревших догматических правых и левых моделей развития.

Ключевые слова: Латинская Америка, «левый поворот», «правые», правый центризм, политические процессы, альтернативная политика

The author analyses the alternative politics problems in Latin America. The special attention is paid to the crisis of the liberal state. A «left turn» in Latin America is analyzed as attempt of representative democracy and direct democracy synthesis. The author supposes that Latin America states are in searching for the socio-economic problems decision in alternative politics. An alternative politics is a policy which is free from the out-of-date dogmatic right and left models of development.

Keywords: Latin America, "left turn", "rights", right centrism, political processes, alternative politics

Альтернативная политика в Латинской Америке, связанная с политическими процессами в большинстве стран континента¹, приобретает все более очевидный правоцентристский и центристский оттенки. Подобный тренд был свойственен «левому повороту» изначально, но в связи с уходом в оппозицию испанских социалистов приобрел более четкий и определенный характер. Кризис государства «всеобщего благоденствия» на Западе, заметный еще в 1990-е годы, в то время в России особенно не акцентировался, в том числе и в отечественной научной литературе, поскольку неолиберальный идеал считался полезным для ситуации переходного периода. На Западе также официальная наука лишь изредка обращалась к теме системного кризиса либерального государства², но обвальный демографический спад, декларация отказа и от мультикультурализма, и от ценностей государства «всеобщего благосостояния» в ходе кризиса 2008-2012 годов в Европе сильно изменили политические процессы в ибероамериканском мире.

В недрах государства «всеобщего благоденствия» был констатирован в ходе неолиберальных реформ разрыв между экономическим и социальным миром³. Количество людей, исключенных из активной социальной жизни постоянно увеличивалось, а ответ на вызовы застревал между формулой «рынок все решит» с одной, праволиберальной стороны, и псевдореволюционной риторикой – с левой⁴. За всем этим в Испании стоял исторический компромисс между правительством и институализированными профсоюзами. За создавшуюся ситуацию несут ответственность и правые, и левые, и правительство, и организованное рабочее движение⁵. Мечта о новой политической культуре, которая прервала бы движение государства «всеобщего благоденствия» в пропасть, так и осталась мечтой. Коммунистический реализм, вылившийся в формулы крайнего номинализма догматической левизна в виде «полной занятости» и «непрерывного роста», в конце концов, завел весь ортодоксальный левый спектр или в «башню из слоновой кости», построенную социал-демократией, или на путь поиска антидемократических решений⁶. Социальная исключенность огромных масс населения и в Испании, и в Латинской Америке привела к банкротству идеалы государства социального благополучия. Мистификация понятий левыми – государства, правыми – рынка, вылилась в тупик, выход из которого очень трудно найти. Возникла рутинная политика «антисолидарности» старых институализированных профсоюзов, которые временами всеми правдами и неправдами уходили в сторону от интересов миллионов людей, оказавшихся в положении социально исключенных.

«Левый поворот» в Латинской Америке означал во многом попытку соединить традиционную для Запада политику и практику представительной демократии с политикой и практикой демократии прямой, опирающейся на настроения наиболее социально исключенных слоев общества. Эксперименты в Эквадоре, Боливии, Венесуэле и других странах имели успех. Средний класс этих стран, разочаровавшись в неолиберализме, считал полезным для стабилизации политического процесса расширение демократии. Следует обратить внимание на то, что венесуэльская элита, при всей ее увлеченности кубинскими экспериментами (вплоть до формирования получившей распространение легенды о «Венекубе»), прежде всего, стремится использовать опыт кубинцев в сфере здравоохранения, то есть речь идет о всемирно признанных достижениях, которые заслуживают внимания даже самых развитых стран мира⁷. С другой стороны, обстановка непрерывного межплеменного диалога в индейской среде, вывела на поверхность глубинные политические тенденции в индейском мире, ко-

торые раньше не были известны. Э.Моралес часто реально погружен в индейскую жизнь⁸, раньше находившуюся за пределами политики вообще, а, следовательно, стабилизирует ситуацию в стране. Средний класс Боливии, по мнению экспертов, считает подобный путь верным для цементирования боливийской нации, находящейся в процессе становления. Долгое время пугали перуанского обывателя победой «левого националиста» О.Умалы, но массовые забастовки шахтеров в условиях усиливающегося кризиса заставили бывшего левого популиста решительно повернуть к правому центру. Предпринятые правительством меры: создание Министерства социальной интеграции, повышение минимальной оплаты труда и политика в отношении рабочих, направленная на защиту их прав не перекрывают главного рационального выбора Умалы – поддержка линии на демократическую концентрацию общества и расширение рыночных реформ в глобальном контексте⁹.

В Эквадоре Р.Корреа остался верен основной линии альтернативной политики – выводу политического процесса за пределы традиционной партийно-политической системы. В риторике новой политической элиты это звучит как «баланс между социальной трансформацией и государством». При этом альтернативная политика в условиях Эквадора достигла предела своих возможностей. Как отмечал президент в газете «Эль Телеграфо» в январе 2012 года: «У нас не произошло главное – не изменилась культура, а это самое трудное в современных условиях»¹⁰. Политический тупик усиливается продолжающимся конфликтом с коллективом и журналистами гуайякильской газеты «Эль Универсо», что рассматривается и позиционируется зарубежными СМИ как признак антидемократического характера режима. По данным «Латинобарометро», ныне число эквадорцев, не уверенных в завтрашнем дне, составляет 62%¹¹.

В Аргентине, где зарождалась современная альтернативная политика, где изначально отмечался ее правоцентристский характер, президент К.Киршнер не акцентирует усиливающееся влияние своего сына. Его перонистская левоцентристская фракция «Кампора» укрепляет свои позиции, но держится на втором плане, не имея, по сути, ни одного министерского поста¹².

Правоцентризм и центризм довольно активно способствуют стабильности в Доминиканской республике, где расширяется сектор экономического жилья, общественного питания, доступной инфраструктуры¹³.

В целом, правоцентристская трансформация – это достаточно рациональный выбор латиноамериканской политической элиты в ус-

ловиях ухудшающегося макроэкономического положения. Кризис ослабляет социальную политику, трудовые мигранты все чаще возвращаются из кризисных Европы и США. Феномен усиливающейся криминальной войны, к примеру, в Мексике, сопровождается запредельной технической оснащенностью мафиозных структур. Характерен набор традиционных новостей из провинциальной «Эль Диарио» (Коауила): перестрелка с многочисленными жертвами в одном из баров Монтеррея и обнаружение в отдаленном районе ранчо с полным набором шпионского оборудования¹⁴. Криминальная война и мировой кризис обесценивают реформы. Уход левоцентристов от власти в Гватемале и приход к рычагам управления известного генерала – характерный сдвиг для современной латиноамериканской политики.

В этих условиях центризм и правоцентризм превращаются в единственный путь сохранения революционных завоеваний. Эволюция вправо таких режимов как венесуэльский и эквадорский – это вполне реальная перспектива, но от этого эти режимы не теряют свой альтернативный характер. Они позволяют таким феноменам как возрожденный сандинизм в Никарагуа или революционная Куба медленно и неуклонно эволюционировать в сторону от авторитаризма и репрессивности. При этом выигрывает глобальный процесс интеграции в Латинской Америке, и создаются условия для реальных возможностей превращения континента в политического гиганта, вполне защищенного от имперских захватов и акций типа Мальвинской войны. При этом, как показал пример политики Н.Киршнера, даже самый умеренный центризм и правоцентризм в условиях глобального кризиса приобретает вполне революционный характер, когда отстаивают национальный суверенитет и идеалы гуманизма.

Характерно, что для левых правительств часто присущ правоцентристский крен как во внутренней, так и во внешней политике. Порой левые в своей деятельности руководствуются традиционными либеральными ценностями. Так, левый президент Уругвая Х.Мухика постоянно декларирует и близкие отношения с Соединенными Штатами, и сближение с бразильским левоцентристским правительством, отталкиваясь от ставшего традиционным экономического противостояния с соседней Аргентиной¹⁵.

К системному традиционному центризму и правоцентризму Латинская Америка двигалась достаточно давно. И перонистской движение, и апризм имели своей особенностью сочетание общедемократических, националистических и революционных тенденций. Однако именно последний цикл мирового кризиса, начавшегося в 2008 году, привел к формированию на континенте многослойной политической

палитры, которая, тем не менее, образовала некий прообраз единого политического будущего континента. Одной из особенностей возникшей альтернативной политики является осознание недопустимости ликвидации феноменов кубинской и никарагуанской революций. Альтернативный, в нынешних условиях даже революционный центризм и правоцентризм готовы ассимилировать опыт антиамериканских социалистических революций 1960-70-х годов с целью недопущения их ликвидации с позиции европейского и североамериканского псевдодемократического и протестантского фундаментализма.

Защита сектора самого беднейшего населения самых бедных стран в рамках формирования альтернативной экономической системы – рациональная и социально востребованная задача бизнес-элит всего континента, группирующихся вокруг идей социальной концентрации и общеконтинентальной консолидации.

Наконец, революционно-центристский крен смог существенно подвинуть проамериканский курс экс-президента Колумбии А.Урибе. Х.М.Сантос – нынешний президент страны – склоняется к тактике разрыва с агрессивной триумфалистской политикой предыдущей администрации. «Вывод старых урибистов из новой администрации, прогрессирующее сближение с Каракасом, акцентирование внимания на создании большой коалиции во главе с либералами, стремление сделать великий политический проект от центра до левых и правых привели к дистанцированию»¹⁶ Сантоса от курса экс-президента Урибе.

Круг латиноамериканской политики замкнулся. Все государства Латинской Америки без заметных исключений ищут решение социально-экономических проблем в рамках альтернативной политики, свободной от привязки к устаревшим догматическим правым и левым моделям и конфигурациям.

¹ См.: Слинко А.А. *Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке: монография* / А.А. Слинко. – Воронеж: Научная книга, 2010. – 119 с.

² См.: Хабермас Ю. *Расколотивший Запад* / Ю.Хабермас. – М.: Весь мир, 2008. – 192 с.

³ См.: Maestre A. *El vertigo de la democracia* / A. Maestre. – Madrid, 1996. – P. 67.

⁴ *Ibid.* – P. 68.

⁵ *Ibid.* – P. 70.

⁶ *Ibidem.*

⁷ "Venecuba", a single nation // *The Economist*. – 2010. – February 11. - (<http://www.economist.com/node/15501911>)

⁸ См.: *El Diario*. – 2012. – 2 de febrero.

⁹ Zavaleta Alegre J. *Un viraje al centro-derecha* / J. Zavaleta Alegre. – (http://cambio16.es/not/1085/un_viraje_al_centro_derecha/)

¹⁰ *El Telegrafo*. – 2012. – January 15.

¹¹ *El Expreso*. – 2012. – 3 de febrero.

¹² *El Pais (Bs.As.)*. – 2012. – January 17.

¹³ *Nuevo Diario (Santo Domingo)*. – 2012. – 3 de febrero.

¹⁴ *El Diario (De Coahuila)*. – 2012. – 3 de febrero.

¹⁵ *El País (Montevideo)*. – 2012. – 7 de febrero.

¹⁶ Angoso R. De la ineficencia a la nostalgia / R. Angoso. –
(http://cambio16.es/not/1191/de_la_ineficencia_a_la_nostalgia/)

ПРАВЛЕНИЕ ПОРФИРИО ДИАСА В МЕКСИКЕ И ЕГО УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Данная статья посвящена истории правления президента Мексики Порфирио Диаса. Автор показывает основные вехи его политической биографии и объясняет, каким образом ему удавалось в течении нескольких десятилетий беспрерывно оставаться у власти.

Ключевые слова: Мексиканская революция, диктаторский режим, централизация власти, коррупция, олигархия

This article is devoted to the history of rule of the president of Mexico Porfirio Dias. The author shows the basic landmarks of his political biography and explains how it was possible for him to remain in power for several decades.

Keywords: Mexican revolution, dictatorship, centralization of the power, corruption, oligarchy

В мае 2011 году исполнилось сто лет с начала Мексиканской революции, в результате которой был свергнут президент Порфирио Диас, правивший с небольшим перерывом с 1877 по 1911 годы. Восхождение Диаса к президентской власти было похоже на карьеры многих его предшественников. Он родился в городе Оахака 15 сентября 1830г. В 1846 году пошёл в армию, участвовал в войне против США, которая длилась в 1846 по 1848 год, в 1854 принял деятельное участие в восстании против президента Санта-Ана. В 1861 году получил чин бригадного генерала. С прибытия французских войск в Мексику в 1862 году Диас участвовал в войне с ними, был два раза взят в плен, бежал, одержал ряд побед над войсками императора Максимилиана Габсбурга и в 1867 взял город Мехико. Во время президентства Бенито Хуареса (до 1872), а позднее и Лердо де Техеды (1872 – 1876) Порфирио Диас не играл заметной политической роли, но когда президент Техада вопреки конституции устроил свое вторичное избрание на президентский пост, то Диас стал во главе повстанцев, взял Мехико, принудил Техаду бежать и 12 мая 1877 года популярный генерал был впервые избран президентом Мексики.

Став президентом, он обещал народу не только избавление от многолетнего хаоса, но и игру по честным правилам - в частности, закон, согласно которому глава государства мог находиться у власти только один срок. Однако на практике президент Диас действовал согласно убеждениям одного из своих предшественников, генерала Сан-

та-Анны, говорившего о мексиканцах: «Пройдут сотни лет, прежде чем мой народ будет достоин свободы. Они не знают, ни что такое свобода, ни кто они сами такие. Поэтому деспотизм является подходящим родом власти для них». Но генерал Порфирио Диас был человеком более хитрым и расчетливым. Он оплел Мексику сетью клиентских связей, расставив на ключевые посты своих людей. Им он позволил кормиться со своих должностей - в обмен на поддержание порядка во вверенных им провинциях и отраслях управления.

Сутью политики Диаса была жесткая централизация власти. Демократические институты при этом формально сохранялись. Проходили выборы в парламент (на которых сторонники Диаса неизменно одерживали победы), издавались газеты (в условиях то более, то чуть менее жесткой цензуры), существовала даже оппозиция – в виде фигур вроде Николаса Суньиги, которого мало кто воспринимал всерьез и именно поэтому ему позволяли каждый раз баллотироваться в президенты. В 1880 году Порфирию Диас сделал широкий жест и ушел в отставку, сохранив за собой пост в правительстве и добившись избрания президентом своего соратника Мануэля Гонсалеса. При его правлении коррупция, вечная болезнь Мексики, достигла совсем невиданных размеров. Четыре года спустя Диас вернулся, приветствуемый большинством мексиканского общества. Естественно, о былых обещаниях не избираться более чем на один срок он быстро забыл.

Эпоха правления Диаса «Порфириато» длилась несколько десятков лет. Мексика стала более стабильной и богатой. Правда, экономический подъем приносил дивиденды прежде всего нескольким десяткам семей, связанных с президентом Диасом и его окружением. О нищете крестьян и городской бедноты, не говоря уже об индейцах, мало кто задумывался. Порфирию Диас правил, руководствуясь лозунгом: «Собака, у которой в зубах кость, не лает и не кусает». Он раздавал сытные кости своему окружению, держал под контролем армию и полицию, а остальное было для него не важно. Себя президент тоже не обижал, покупал поместья, коллекционировал оружие и даже картины.

В 1908 году Диас, которому было уже под 80, вновь решился на широкий жест и объявил, что больше не будет баллотироваться в президенты, - семи сроков достаточно. И тут же пожалел об этом. Оказалось, что многие его подчиненные только и ждали, когда он уйдет. Система, основанная на благоволении первого лица и личных связях, лишенная институциональной основы и не опирающаяся на закон, быстро дала сбой. Старый президент решил вновь взять ситуацию под контроль и, нарушив собственное слово, пошел на выборы 1910 года.

И, естественно, «победил». Подтасовки на этот раз были такими, что вернувшийся в Мексику из эмиграции в феврале 1911 года оппозиционный кандидат Франсиско Мадеро, сам по себе фигура не слишком убедительная, стал символом общенародного движения против диктатуры. Инициатива стала переходить к противникам Диаса. Становилось все очевиднее, что дни его диктатуры сочтены. В этой ситуации остро встал вопрос о характере будущей власти. В мае 1911 года Франсиско Мадеро сформировал свое правительство. Между ним и Диасом начались переговоры, которые привели к следующему соглашению: Диас уходит в отставку, боевые действия прекращаются, до избрания нового президента страной управляет Временное правительство. Однако выполнять эти соглашения Порфирио Диасу не пришлось. 24 мая 1911 года в Мехико вспыхнуло восстание. Диас, не дожидаясь прибытия Ф. Мадеро, был вынужден бежать из страны – вначале в Испанию, затем в Париж, где четыре года спустя в 1915 году умер и был похоронен на кладбище Монпарнас.

Эпоха Порфирио Диаса «Порфириато» оказалась длительным, но все же только затишьем перед бурей. Однако бесконечно управлять обществом без самого общества, сводя политику к сделкам в узком кругу правящей олигархии, оказалось невозможно. Система с грохотом рухнула. Финал правления Диаса является напоминанием, для некоторых современных «национальных лидеров», которые воспользовавшись кредитом доверия избирателей, создали коррумпированные диктаторские режимы и всеми силами цепляются за власть, о том, что рано или поздно их всех ожидает судьба мексиканского «дона Порфирио».

КИТАЙ - ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: между экспансией и глобальным сотрудничеством*

Китай принадлежит к числу важных экономических партнеров Латиноамериканских государств. Китайская экономика пребывает в состоянии динамичного роста. Китайское правительство заинтересовано в расширении сферы экономического влияния. Современные китайские корпорации активно проникают в Южную Америку. Сотрудничество Китая и стран Латинской Америки характеризуется взаимовыгодным характером. С другой стороны, перспективы многосторонних отношений остаются неясными.
Ключевые слова: Латинская Америка, Китай, экономика, глобализация, экономическая экспансия

China belongs to the number of important economic partners of Latin-American states. Chinese economy is in a state of dynamic growth. Chinese government is interested in expansion of economic influence sphere. The contemporary Chinese corporations are very active in the South America. Collaboration of China with countries of Latin America is characterized by mutually beneficial character. On the other hand, prospects of multilateral relations are not clear.
Keywords: Latin America, China, economy, globalization, economic expansion

Во многом благодаря поддержке своих друзей в Латинской Америке Китай вступил в 2001 году в ВТО и быстро начал проникать в регион благодаря дешевой рабочей силе и большому и перспективному потребительскому рынку.

Венесуэла стала плацдармом и финансовым каналом Китая в Латинской Америке, выступая в роли проводника своеобразной экономической «оккупации». Между тем, Латинская Америка и Китай смотрят друг на друга с увлечением и с некоторой обеспокоенностью. Ведь в своей истории Латинская Америка обрела не один, а сразу целых три стимула для экономического роста.

К 80-м годам XX века Соединенные Штаты были главным партнером Латиноамериканского региона. Позднее, в следующем десятилетии, имел место бум европейских инвестиций к Латинской Америке. Теперь Китай занял главное место на латиноамериканском континенте.

* Печатается по: Каспрук В. Китай – Латинська Америка: між експансією і глобальною співпрацею. Зв'язки між Китаєм і Латинською Америкою нині є найкращими за увесь період історії / В. Каспрук // Український Тиждень. – 2010. – 30 листопада. – (<http://tyzhden.ua/World/327>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

Страны Латинской Америки интересны для Китая не только своими энергоносителями, минералами и сельскохозяйственной продукцией. Они интересуют китайскую сторону, как важный объект двустороннего экономического сотрудничества выгодное место для китайских инвестиций.

Еще в ноябре 2008 года китайским правительством была разработана стратегия «Политики Китая в Латинской Америке и Карибском бассейне». В ней представлена позиция Китая относительно Латинской Америки, четко определены приоритеты, предложены основные принципы для налаживания сотрудничества в разных отраслях и со стратегической точки зрения начерчены возможности для последующего развития.

Китайская стратегия совпала по времени с началом финансового кризиса. И совпадение этих событий не может быть случайным. В упомянутой выше программе в частности отмечается, что развитие зависит от многих факторов. И наиболее важными факторами являются взаимодополняемость и торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Латинской Америкой.

В то время, когда финансовый и экономический глобальный кризис идет на спад, эта взаимодополняемость получает последующее развитие, что способствует более производительной работе китайских предприятий в Латинской Америке. В целом же привлекательность Латинской Америки для Китая представлена тремя пунктами.

Во-первых, Латинская Америка богата природными ресурсами. Мексика и Венесуэла являются одними из крупнейших стран-производителей нефти в мире. Кроме нефти Венесуэла имеет еще и большой газовый потенциал. Бразилия занимает шестое место в мире по запасам железной руды. Чили и Перу владеют соответственно вторыми и четвертыми по величине запасами меди в мире. Мексика богата серебром, серой и селитрой, Куба – никелем, Венесуэла – железной рудой и другими большими запасами полезных ископаемых.

Китайская экономика продолжает расти, поэтому с ее развитием в будущем будет постоянно ощущаться рост потребности в латиноамериканской нефти и газе, железной руде, меди и других полезных ископаемых.

Важным вопросом является то, как Китай сможет обеспечить стабильное снабжение этими ресурсами, которые находятся за тысячи километров в Латинской Америке. Китайцы планируют сотрудничать с латиноамериканскими странами, создавая на местах предприятия для переработки этих ресурсов, что будет способствовать ускорению

экономического развития Латинской Америки и безопасности каналов поставок этих ресурсов.

Во-вторых, Латинская Америка является огромным потенциальным рынком для Китая. Общая численность ее населения сегодня составляет около 570 миллионов человек и суммарный ВВП всех латиноамериканских стран составляет 4,4 триллиона долларов. В настоящее время Латинская Америка является более процветающей, чем Китай: в более чем 10 государствах региона ВВП на душу населения составляет больше 5 тысяч долларов. И хотя финансовый кризис затронул и Латинскую Америку и мощности ее экономик в целом снизились, однако значительный потенциал сбыта все же остался.

Хотя в Латинской Америке существует большой разрыв между уровнем благосостояния разных групп населения, и она требует, как качественных товаров так и предметов роскоши, однако потребность в большом количестве дешевых китайских товаров на латиноамериканском континенте предоставляет большие возможности для ведения бизнеса.

В-третьих, Латинская Америка имеет большие финансовые потребности. Финансовый кризис повлиял на Латинскую Америку, в результате чего некоторые латиноамериканские государства испытали трудности в финансировании. Ряд стран региона, придерживаясь стратегии диверсификации, пытается найти альтернативу традиционной зависимости от американского капитала.

Кроме того, несколько стран, такие как Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа и Куба, в силу напряженности отношений с Соединенными Штатами остро нуждаются в китайском финансировании. Эти факторы создали спрос на китайский капитал в Латинской Америке. В то же время Китай, имея огромные валютные резервы, в условиях финансового кризиса заинтересован в поддержке китайских предприятий в Латинской Америке.

Венесуэла заслуживает особого внимания со стороны Китая. Здесь политика и бизнес должным образом срослись, а общность коммунистической идеологии стала цементирующим фактором для входа китайских компаний на латиноамериканский «плацдарм».

Однако, несмотря на то, что президент Венесуэлы Уго Чавес очень доброжелательно относится к Китаю и посещал его с визитами уже многократно, китайцы не желают закрывать глаза на те риски, которым подвергаются их инвестиции в Венесуэле.

На первом месте то, что в настоящее время Венесуэла имеет напряженные отношения с Соединенными Штатами и Колумбией. На втором – политическое будущее президента Уго Чавеса, которое явля-

ется неопределенным, несмотря на то, что он планирует руководить Венесуэлой еще многие десятилетия. В третьих, правовая система в этой стране является несовершенной и изменчивой, управление неэффективным, а коррумпированность власти слишком большой. Также существует серьезная проблема организованной преступности, которая дестабилизирует венесуэльское общество.

Однако риски слишком большого сближения с Китаем понимают и в латиноамериканских странах, несмотря на то, что экспортировать нефть, полезные ископаемые и зерно им выгодно. Тем не менее, некоторые латиноамериканские эксперты и бизнесмены начинают откровенно говорить о рисках подобного партнерства с Китаем.

Конкуренция промышленной продукции, поставляемой на экспорт, с китайскими компаниями, большинство которых основано с государственным участием, является достаточно специфической. Не следует забывать и о варьировании цен на акции, проблемах собственности на землю и природные ресурсы. И хотя китайцы заявляют, что как жертвы колонизации в прошлом, не хотят колонизировать кого-то, все выглядит совсем не так.

Латинская Америка, которая всегда так остерегалась избыточных экономических и политических влияний Соединенных Штатов, теперь попадает в зону влияния другого экономического гиганта. И Китай приходит на латиноамериканскую землю не один. Массово завозятся китайские специалисты, разворачивается китайская инфраструктура и в то же время китайские нефтяные, горно-добывающие и пищевые компании скупают земельные участки в Латинской Америке.

В середине первого десятилетия XXI века китайские компании получили указание расширяться внешне, и государство помогает этому расширению всеми доступными методами. В результате азиатский гигант стал вторым по величине торговым партнером Латинской Америки. Первым является Европейский Союз, а третье место досталось Соединенным Штатам.

В то же время, на протяжении последнего десятилетия, Китай имеет профицит в финансовом взаимодействии почти со всеми странами Латинской Америки, за исключением Аргентины, Бразилии, Чили и Перу. Но если инвестиции Китая в латиноамериканские государства за всю историю сотрудничества до 2009 года составляли 22 миллиарда долларов, то лишь за девять месяцев 2010 года они стремительно взлетели вверх. В Латинскую Америку поступило 17 миллиардов долларов инвестиций.

В сущности, Китай стал своеобразным двигателем экономического роста для Латинской Америки в XXI веке. Но латиноамериканских

экспертов беспокоит тот факт, что страны континента в этой структуре экономического обмена становятся сырьевым придатком так же, как это уже было в XIX веке, то есть в период британской промышленной революции.

Теперь Китай размещает свои заводы в странах «третьего мира». Азиатский гигант проникает также и в Африку, где условия труда наемных рабочих не отвечают принятым в развитых странах экологическим стандартам и стилю ведения бизнеса. Этот стиль больше напоминает колониальную политику.

В Латинской Америке осознают эту опасность и до этого времени пытались избегать ситуации, подобной африканской. В отличие от Африки в латиноамериканских государствах сильны политические партии, общественные организации и профсоюзы.

Так же латиноамериканцы противостоят и имущественным домогательствам со стороны Китая. Поэтому, например, в Бразилии в 2010 году было введено ограничение на продажу больших земельных территорий иностранцам. Уругвай стремится запретить куплю земли гражданами других государств, а в настоящее время в Конгрессе Аргентины обсуждается закон относительно ограничения доступа иностранцев к покупке земельной собственности. Это вовсе не означает, что правительства стран Латинской Америки отказались от своих отношений с Китаем – они пытаются ввести эти взаимоотношения в определенные рамки, за которые переходить не стоит.

Несмотря на то, что латиноамериканцы разделяют идеи роста социальной интеграции, они считают, что сценарий, в соответствии с которым экспорт сырья является ее основой, может привести к негативным последствиям. Так 80 % экспорта Бразилии в другие страны железа и соевых бобов приходится на Китай. В свою очередь Бразилия импортирует из Китая электронику и компьютеры. Тем не менее, если Латинская Америка экспортирует 46 % своих промышленных товаров, то на долю Китая приходится из них лишь 11 %.

Между тем, хотя политика Китая в Латинской Америке в настоящее время, по разным показателям, напоминает экспансию во времена колонизации различных частей мира ведущими государствами – ее главные выводы заключаются совсем в другом.

Глобальная экономическая экспансия Китая и раньше имела место в других регионах мира, в первую очередь, в Соединенных Штатах и Европе, где дешевая продукция из Китая является неотъемлемой частью ежедневного быта, не говоря уже об экспертно-импортных и других отношениях в экономике. Однако никто не ставит вопрос о колонизации Китаем Соединенных Штатов или объединенной Европы.

Основной составляющей в этих отношениях следует признать то, что Китай, который на современном этапе стал одной из мощнейших растущих экономик, сейчас, как каждая растущая система находясь в детском возрасте, пробует окружающий мир на предмет того, какие действия в нем могут привести к успеху.

И то, что сегодня Латинская Америка обеспокоена не столько экономической экспансией, сколько ее структурой, то есть взаимовыгодностью и недопущение излишнего проникновения, говорит о том, что отношения пока основаны на здоровой основе. Ведь в свое время (свыше трех десятилетий назад), с этим самым столкнулись японские, а затем и южнокорейские корпорации – как в Соединенных Штатах и Европе, так и по всему миру.

Но если в Америке и Европе эти вопросы быстро были отрегулированы не только вмешательством сторон, экспортом и импортом, но и размещением производственных мощностей в самых Соединенных Штатах и Европе, что определенными кругами в свое время расценивалось, как чуть ли не поглощение экономик, то подобное сегодня кажется нормальным и абсолютно безопасным.

Но некоторые отдельные моменты сотрудничества и в настоящее время вызывают конфронтацию [...] Позиция большинства стран Латинской Америки указывает на то, что ни одна колониальная экспансия не будет успешной, даже, несмотря на желание китайских корпораций: латиноамериканские страны имеют большой исторический опыт и достаточно мощные государственные и общественные институты, чтобы предварительно урегулировать эти вопросы.

Не вызывает сомнения и то, что проникновение китайской экономики в Латинскую Америку будет усиливаться, поскольку на сегодня китайские товары (причем не только дешевые, но и высокотехнологичные), являются часто намного выгоднее, чем товары завезенные из других регионов мира.

В этом смысле Китай, бесспорно, выиграл, но и выигрывают и латиноамериканские государства: такой экспорт в их страны будет стимулировать их же развитие. И, в отличие от стран Африки, в которых это вызывает определенные проблемы, этих проблем в Латинской Америке, скорее всего, можно будет избежать. Китайская сторона придерживается и прагматической, и очень взвешенной политики, что проявилось в осторожном проникновении в идеологически дружественную Венесуэлу.

Следовательно, фактически Китай делает то же, что 25 лет назад не смог сделать распавшийся Советский Союз, а в дальнейшем и независимая Украина, которая не использовала свой большой промыш-

ленный потенциал (возможно остаточный, но реально существующий) для международного сотрудничества и, как следствие, решения своих проблем. Использует ли это Украина в дальнейшем зависит от того, какой будет сама Украина, и какими интересами она будет руководствоваться.

Диана ОРЕШЕВА

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОЛИВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЕНЕСУЭЛЫ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Автор анализирует основные проблемы политического развития современной Венесуэлы. Феномен Уго Чавеса пребывает в центре авторского внимания. Проанализирована специфика и основные направления развития венесуэльского популизма и национализма. Современный венесуэльский национализм развивается в форме антиамериканизма. Боливарианская модель – альтернатива либерально-неоконсервативной и американской глобализации.

Ключевые слова: Венесуэла, политические процессы, Уго Чавес, авторитаризм, национализм

The author analyses the main problems of political development in contemporary Venezuela. Hugo Chavez phenomenon is in the center of the author attention. The specific and basic directions of development of Venezuelan populism and nationalism are also analyzed. Contemporary Venezuelan nationalism develops in the form of anti-Americanism. The Bolivarian model is the alternative development of liberal-neoconservative and American globalization.

Keywords: Venezuela, political processes, Hugo Chavez, authoritarianism, nationalism

Зарождение боливарианской модели можно отнести к концу 1990-х годов, когда в Венесуэле была образована новая политическая организация – Движение V республики (МКР), которая победила на выборах в Национальный Конгресс, а на президентский пост провела полковника Уго Чавеса Фриаса, победившего с результатом в 56,5 %, набравшего 3,6 миллионов голосов. Будущие боливарианцы начинали как военные заговорщики, попытавшиеся в феврале 1992 г. свергнуть правительство, проводившее либеральные реформы и жестоко подавившее выступления бедноты, что вызвало большие человеческие жертвы. После провала мятежа чависты и создали МКР, в основу которой положили идеи о необходимости создания в Венесуэле новой V республики.

Необходимость учреждения боливарианской V республики Чавес и его сторонники видели в предательстве идеалов Симона Боливара всеми режимами, существовавшими после него. Эти режимы оценивались как олигархические и поэтому мечта Боливара о новом справедливом обществе осталась нереализованной. Были намечены контуры будущей боливарианской республики¹.

В политической области предполагалось строительство «партиципативной демократии», то есть демократии с не формальным, а реальным участием широких масс в принятии решений². Демократия не могла считаться подлинной без принципов социальной справедливости. Экономической базой V республики должна была стать гуманистическая, самоуправляющаяся и конкурентноспособная экономика. Гуманистический характер экономики предполагал поставить в центр достижение достойных условий жизни для человека, обеспечить ему нормальный уровень доходов, удовлетворять потребности граждан в соответствии с их способностями и вкладом в развитие общества³. Самоуправление предполагало стимулирование альтернативных экономических форм – кооперативов, трудовых ассоциаций. Конкурентный характер экономики должен быть достигнут за счет максимального использования внутренних возможностей и международного разделения труда, ускорения научного и технического развития, инвестиций и повышения производительности труда. Производство предполагалось перестроить для нужд населения, а также конкурировать с импортными товарами. Именно с этой программой Движение V республики победило на выборах.

Реализацию своей программы чависты начали с политических реформ. Согласно одобренному общенациональным референдумом 1999 года новому Основному закону страны, Венесуэла провозглашалась Боливарианской Республикой Венесуэлой, взамен двухпалатного парламента в качестве высшего законодательного органа получила однопалатную Национальную ассамблею, избираемую на 5 лет на основе пропорционального представительства, причем депутаты этого органа могут быть отозваны избирателями, а срок их бессменного пребывания в Национальной ассамблее ограничен 2 сроками⁴.

Значительно расширил свои полномочия президент: период его мандата увеличился с пяти до шести лет, он имеет право роспуска Национальной ассамблеи, назначения исполнительного вице-президента и (с предварительного согласия НА) Генерального прокурора, как верховный главнокомандующий обладает исключительной прерогативой присвоения высших воинских званий (что очень важно для Латинской Америки, где армия традиционно принимает активное участие в политическом процессе).

Конституцией вводится пост исполнительного вице-президента, который замещает главу государства в его отсутствие, выполняет его поручения, руководит работой Государственного совета, обладающего функцией высшего консультативного органа при правительстве, и Федерального правительственного совета. С трех до четырех лет про-

длен срок полномочий губернаторов и законодательных органов штатов, на 4 года избираются и главы местных администраций.

Президент в Венесуэле избирается простым большинством голосов в ходе прямого всенародного голосования и является главой государства и правительства. Срок президентских полномочий – 6 лет. Президент может быть переизбран неограниченное число раз. Президент назначает вице-президента, принимает решения о структуре и составе правительства и назначает его членов с согласия Парламента. Президент обладает правом законодательной инициативы и может предлагать изменения в существующее законодательство, однако его предложения могут быть отвергнуты простым парламентским большинством. Высший судебный орган – Верховный Трибунал Юстиции (Tribunal Supremo de Justicia). Его магистраты избираются парламентом на один 12-летний срок.

На президентских выборах 1998 победу одержал харизматический военный лидер Уго Чавес Фриас, выступивший от имени новой организации – созданного в 1997 Движения Пятая Республика (ДПР). Программные положения ДПР носили общий характер: оно обещало проведение конституционной реформы, очищение страны от коррупции и злоупотребления политических элит, создание демократического общества социальной справедливости, привлечение масс к управлению государством. Опорой ДПР стали «боливарианские комитеты», созданные сторонниками Чавеса, в первую очередь, в бедных городских кварталах.

ДПР возглавило блок Патриотический полюс, в который вошли различные левые и популистские партии, в том числе МАС и отколовшаяся от Радикального дела партия Родина для всех. Уго Чавес победил, набрав более 55 % голосов, однако его коалиция не смогла завоевать большинства мест в Национальном конгрессе. После принятия новой конституции в 2000 в стране были проведены новые президентские и парламентские выборы, победу на которых одержало правящее ДПР: Уго Чавес собрал почти 60 % голосов, а его движение завоевало 92 из 165 мандатов в Национальной ассамблее⁵.

После новой победы преобразования развернулись в социально-экономической области. Вице-президент Венесуэлы Хорхе Родригес сообщил 5 февраля 2007 года, что правительство разрабатывает пакет мер, которые призваны обуздать инфляцию, стабилизировать валютный рынок и снабжение население основными продуктами питания по фиксированным ценам. На состояние экономики негативное влияние оказывает рост инфляции, составляющий, по официальным данным, 2 % в месяц, и быстрый рост курса доллара на чёрном рынке, что в

свою очередь вызвало перебои в снабжении и рост цен на продовольствие. Мясо, молоко, сахар исчезли с полок магазинов или продаются по цене, почти вдвое превышающей установленную государством.

Среди мер, призванных стабилизировать денежное обращение, – квотирование покупки валюты населением. Венесуэльцы смогут покупать валюту для поездок за границу в пределах до 5,6 тыс. долларов в год и для приобретения товаров по Интернету – до 4 тыс. долларов в год. В целях поддержания регулируемых цен на основные продукты питания в 2007 году отменяется НДС на производство различных мясных продуктов, птицы и ряд других продовольственных товаров⁶. Для снабжения населения дефицитными продуктами правительство объявило о закупке крупной партии говядины и продовольствия за рубежом.

Наряду с экономическими мерами правительство, по заявлению вице-президента Хорхе Родригеса, «ведет фронтальную борьбу с укрывателями продовольствия», незаконными валютными операциями. По обвинению в незаконной трате валюты на покупку компьютерной техники на сумму в 27 млн долларов в начале 2007 года был арестован председатель венесуэльского банка «Боливар» Элихио Седеньо. Министр легкой промышленности и торговли Мария Иглесиас заявила, что нечистоплотные фирмы взвинчивают цены. Отказ сети супермаркетов торговать мясом и мясными продуктами по госценам, она расценила, как незаконную забастовку предпринимателей «лишающую население конституционного права на снабжение продуктами питания». Спекуляцию и укрывательство продовольствия Иглесиас расценила как покушение на «боливарианскую революцию» и действия, направленные на дестабилизацию обстановке в стране, объявившей о переходе к социализму.

Чавес считает, что предыдущие два этапа боливарианской революции (первый – с 1999 по 2006 годы, второй – с 2007 по 2009 годы) уже успешно завершены. Главным их итогом стала победа революции, обретение независимости страны и начало построения местной версии социализма. Комментируя особенности пребывания У. Чавеса у власти левый американский политолог Джеймс Петрас подчеркивает то, что сам режим, уставленный в стране, отличается значительной мировоззренческой и идеологической спецификой: «президент Чавес – первый и главный защитник и практический исполнитель нового века. Хотя следующие за ним президенты и публицисты в Латинской Америке, Северной Америке и Европе подхватывают его слова, не существует единой практики, соответствующей этой риторике на публику.

Во многих отношениях речи Чавеса и политика правительства Венесуэлы определяют крайние границы XXI столетия, как во внешней политике – вызове вашингтонской политике войны, так и во внутренних социально-экономических реформах. Тем не менее, хотя в венесуэльской модели 21с есть новые и новаторские черты, она также весьма напоминает прежние реформы радикальных популистско-националистических режимов в Латинской Америке и европейских»⁷. Традиционные разновидности латиноамериканского революционаризма (анархистский, либеральный, консервативный) в настоящее время дополняются его региональными типами. Революционаризм в Латинской Америке – это массовое настроение, объединяющее «верхи» и «низы», направленное против отсталости и реакции, имеющее целью реализацию «политического идеала» процветания латиноамериканских обществ.

Революционаризм может вдохновлять и оппозицию, и правящую элиту. Ныне сторонники различных оттенков революционаристских партий и движений находятся у власти в большинстве стран Латинской Америки. Венесуэльский народный революционаризм У. Чавеса означает попытку преодоления кастового раскола страны, где итальянские предприниматели, испанские буржуа и «черные» льянерос представляют собой изолированные группы. Кастовый раскол делал Латинскую Америку беззащитной перед США, а Чавес раскрыл корни этой слабости⁸.

«Венесуэльский эксперимент» (или как его еще называют «феномен Чавеса») практически не имеет аналогов в новейшей истории латиноамериканских стран. Идеология национализма и лозунги «третьего пути» уже не раз использовались теми или иными «харизматическими лидерами» для укрепления своей личной власти и влияния, либо для слома «изжившей себя системы» (Перон, Варгас, перуанские, панамские «военные революционеры»). В конечном итоге победу праздновала все та же «формальная демократия», со всеми присущими ей изъянами.

В основу же «феномена Чавеса» изначально закладывался «латиноамериканизм» и присущее ему стремление не ломать систему «до основания», до отказа от демократических процедур, а усовершенствовать ее применительно к национальным реалиям. Интерес эксперимента – в намерении критически переосмыслить историю государственного строительства латиноамериканских стран, вернуться к истокам – в начало XIX в. – в эпоху становления их независимой государственности. Никак иначе и не назвать попытку создания «боливарианской» демократии, в отличие от заимствованного англо-

саксонского образца. Мало кто, даже из наиболее горячих сторонников либерализма, смог бы сегодня утверждать, что этот образец сумел обеспечить Латинской Америке искомые экономическое благоденствие и политическую стабильность.

Боливар актуален и как горячий поборник латиноамериканского единства. Вне этого единства, реализующегося сегодня в форме региональных интеграционных проектов, «свободное плавание» латиноамериканских стран «по волнам» либерализма грозит им маргинализацией в системе международных политических и экономических отношений, скатыванием до положения поставщиков дешевого сырья и рабочей силы на рынки развитых государств. Имя Боливара, будучи начертано на знамени реформаторов, придает их национализму общелатиноамериканское звучание в период, когда идеологическое влияние Кубы, также в свое время инициировавшей общелатиноамериканский дискурс, однако с принципиально иных – марксистских позиций, практически сошло на нет.

«Боливарианизм» как, возможно, новая зарождающаяся идеология Латинской Америки XXI в., а такая перспектива напрямую зависит от практической политики венесуэльских реформаторов, соответствует идее многополюсного мира, с которой сегодня выступает Россия, Китай, Индия, Бразилия и многие другие страны. Общие ценности, несомненно, могли бы ускорить формирование «латиноамериканского полюса», которое сегодня встречает на своем пути известные трудности. И наконец, имена Боливара и Миранды способны, как представляется, открыть новую страницу в двусторонних российско-венесуэльских отношениях.

Россия и Венесуэла придерживаются одинаковых или схожих позиций по многим актуальным вопросам современных международных отношений. Они выступают против идеи так называемого «благожелательного гегемонизма», который пытаются утвердить сегодня сторонники «однополярности», и в этом контексте ратуют за усиление роли ООН и ее реформу в соответствии с реалиями сегодняшнего дня. Они отстаивают необходимость сохранения и в новых условиях основополагающих принципов международного права – суверенитета, невмешательства во внутренние дела и территориальной целостности государств. Расценивая терроризм, религиозный фундаментализм и сепаратизм, наркоторговлю и преступность вызовами безопасности государств и народов, Россия и Венесуэла выступают против того, чтобы ограничивать борьбу с этими «побочными эффектами» процесса глобализации линейными, силовыми подходами, признавая необходимость последовательной работы по искоренению глубинных при-

чин таких явлений. Отвергая практику так называемых «гуманитарных интервенций», Россия и Венесуэла настаивают на необходимости использования мирных средств решения международных споров, признавая легитимным применение силы лишь с санкции Совета Безопасности ООН.

Наконец, и это немаловажно, Венесуэла и Россия являются крупными нефтедобывающими странами, которые не могут не иметь общих интересов, так или иначе затрагивающих перспективы развития мировой энергетики и цен на энергоносители. А учитывая то, что Венесуэла – один из учредителей ОПЕК, и ее представитель занимает сегодня в этой организации высший административный пост, наши страны просто «обречены» на сотрудничество⁹.

Наличие политически близких режимов позволило «красным странам» (Куба, Венесуэла и Боливия) заключить союзнический договор, а также приступить к формированию новой модели интеграции, которая, по мнению Чавеса «должна находиться в руках народов, а не правительств». Этими же странами в 2005 г. был создан торгово-экономический союз, известный также под названием Боливарианской альтернативы для Америки (АЛБА).

Суть этого проекта, названного в честь латиноамериканского героя освободительной борьбы XIX века Симона Боливара, заключается в развитии региональной интеграции с учетом реальных возможностей национальных экономик. По словам президента Венесуэлы Уго Чавеса, АЛБА призвана служить противовесом планам США создать в Западном полушарии Зону свободной торговли Америк, в основу которой закладываются неолиберальные принципы свободной торговли. По мнению американского исследователя Д. Петраса, «самая яркая новаторская и оригинальная черта венесуэльского варианта 21с – густая смесь «исторического» боливарианского национализма, марксизма 20 века и латиноамериканского популизма. Концепция Чавеса исходит из и оправдывается его внимательным изучением сочинений, речей и действий Симона Боливара, отца-основателя венесуэльской независимости в 19 веке. Чавесовская концепция решительного разрыва с империалистическими державами, опора на массовую поддержку против ненадежных местных элит, способных продать свою страну для защиты своих привилегий, глубоко укоренена в его изучении восхождения и падения Симона Боливара. Хотя Чавес не пытается отождествить Боливара и марксизм, он горячо отстаивает местные, национальные корни своей идеологии и практики. Поддерживая кубинскую революцию и сохраняя тесные отношения с Фиделем Кастро, он явно не пытается применить или повторить кубинскую модель, да-

же приспособливая к венесуэльской действительности некоторые черты массовой организации»¹⁰.

Все эти факты позволяют сделать вывод, что мы имеем дело с новым этапом революционного процесса, захватывающего латиноамериканский континент. Причинами нового революционного взрыва стал провал неоконсервативной модернизации 1970-80-х годов и тяжелейшие социальные и экономические последствия неолиберальных реформ конца прошлого века. Начавшийся по характеру как антиимпериалистическая борьба с иностранной зависимостью, с диктатом США этот процесс закономерно перерастает в социалистический этап. В отличие от предыдущих периодов современный революционный подъем в Латинской Америке приобрел интернациональный характер, а по форме представляет собой мирный легитимный путь победы на выборах и закрепления реформ мерами прямой демократии. Боливарианская модель является серьезной попыткой альтернативного развития навязываемой либерально-неоконсервативной глобализации.

¹ Слинко А.А. *Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке: монография* / А.А. Слинко. – Воронеж: Научная книга, 2010.

² Подробнее о правовой системе Венесуэлы см.: Форет И.В. *Действие международно-правовых норм в национальной правовой системе Боливарианской Республики Венесуэлы в условиях глобализации* / И.В. Форет // *Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова* / А.А. Слинко (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2007. – Вып. 2. – (<https://sites.google.com/site/latinoamerikanistika/arhiv-nomerov/2007-2>)

³ Corrales J., Penfold M. *Dragon in the Tropics: Hugo Chávez and the Political Economy of Revolution in Venezuela* / J. Corrales, M. Penfold. – Washington, 2010.

⁴ Сударев В.П. «Левый поворот» и новые геополитические построения / *Латинская Америка в современной мировой политике* / В.П. Сударев. – М., 2009. – С. 96.

⁵ Полиновская Е.А. *Боливарианская альтернатива для Латинской Америки* / Е.А. Полиновская // <http://prepod.nspu.ru/mod/resource/view>

⁶ Trinkunas H.A. *Crafting Civilian Control of the Military in Venezuela: A Comparative Perspective* / H.A. Trinkunas. – NY., 2005; Wilpert G. *Changing Venezuela by Taking Power: The History and Policies of the Chávez Government* / G. Wilpert. – L. – NY., 2007; Woods A. *The Venezuelan Revolution: A Marxist Perspective* / A. Woods. – L., 2006.

⁷ Петрас Д. *Латиноамериканский социализм 21 века в исторической перспективе* / Д. Петрас. – (<http://left.ru/2009/10/petras192.phtml>)

⁸ Дабагян Э.С. *Уго Чавес. Политический портрет* / Э.С. Дабагян. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 52.

⁹ Слинко А.А. *Правая и левая альтернативы* / А.А. Слинко // *Латинская Америка*. – 2008. – №7.

¹⁰ Петрас Д. *Латиноамериканский социализм 21 века в исторической перспективе* / Д. Петрас. – (<http://left.ru/2009/10/petras192.phtml>)

ТЕМА НОМЕРА – I

БРАЗИЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (к 190-летию бразильской независимости)

А.Б. Томас

БРАЗИЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРИИ (1822 – 1889)*

[...] История Бразилии характеризуется неуклонным развитием ее демократических институтов. Фундамент для этой эволюции был заложен еще в колониальный период тем, что среди бразильского населения утвердились отношения, основанные на терпимости. Бразильская церковь, столь непохожая на церковь в колониях Испании, терпела и даже поддерживала либеральные идеи конца XVIII столетия. Расовая терпимость стала одной из отличительных черт развития Бразилии еще в колониальные времена. Первая бразильская конституция допускала самую широкую терпимость в вопросах свободы слова и печати и даже защищала принцип свободы религии. Несколько позднее, в том же XIX столетии, бразильцы уничтожили институт рабства, причем не в результате яростного вооруженного столкновения, а путем законодательного процесса. Когда империя была свергнута, бразильцы создали республику, на форму которой повлиял республиканский строй Соединенных Штатов.

Национальная история Бразилии открылась с конфликта между коренными бразильцами и доном Педру I, являвшимся пережитком португальского владычества. Несмотря на то что бразильцы приняли империю, созданную им после установления независимости страны, они были преисполнены решимости сами участвовать в управлении государством. В то же самое время бразильцы были разделены на ряд общественных групп с различными экономическими и политическими интересами. Самой влиятельной группой являлась бразильская аристократия, представлявшая собой по существу феодальный, землевла-

* Публикуется по: Томас А.Б. *История Латинской Америки* / А.Б. Томас. – М., 1960. публикуется в сокращении.

дельческий социальный элемент; самую древнюю и, пожалуй, самую богатую прослойку ее составляли владельцы рабовладельческих плантаций в северо-восточной части страны. Центр Бразилии – провинция Минас-Жераис – был средоточием магнатов горнорудного дела. Наконец, на юге паулисты, продвинувшие границу своих владений на юг и запад, поработили индейцев и занимались выращиванием сельскохозяйственных культур и разведением крупного рогатого скота [...]

[...] Дон Педру I, не желавший поступиться своей единоличной властью, в 1823 году распустил конституционную ассамблею, выслал из страны ее лидеров, включая братьев Андрада, и назначил десять человек для разработки нового основного закона государства. Эта конституция, провозглашенная в 1824 году, облекла монархию фактически неограниченной властью. По конституции император мог распускать парламент, лишать избирательных прав не католиков и назначать широкий круг должностных лиц. Но самая важная прерогатива императора покоилась на отведенной ему конституцией роли «верховного арбитра», которая давала ему право сохранять «независимость, гармонию и равновесие» органов политической власти, созданных самой конституцией. Уступкой либеральным веяниям эпохи, однако, явилось признание принципов свободы слова и печати.

Но основе предоставленного монарху конституцией права назначать должностных лиц дон Педру повел решительное наступление на бразильскую аристократию испокон веков землевладельцы занимали господствующие позиции в «камара» — провинциальных и муниципальных советах. Президенты провинций в колониальный период также лишь немногим отличались от марионеток. Но по новой конституции дон Педру I сам назначал президентов, которые, опираясь на королевскую армию, подчинили своей власти местные и провинциальные собрания. Особую ненависть могущественных землевладельцев внутренних областей вызывали наемные войска императора; последние рекрутировались из прусаков, швейцарцев и ирландцев, дополняя состоявшую из португальских солдат королевскую армию.

Еще до того как император провозгласил свою конституцию, он силой водворил собственного ставленника на пост президента в богатой сахаропроизводящей провинции Пернамбуку. Местные «камара» отказались признать его полномочия и избрали президентом Мануэла Карвалью. Карвалью организовал восстание, которое получило поддержку в провинциях Сеара, Риу-Гранди-ду-Норте, Параиба, а также в провинции Мараньян — сильном центре республиканизма. Надеясь воспользоваться республиканской оппозицией монархии, Карвалью в 1825 году выдвинул проект создания «Конфедерации экватора». В та-

ком государстве власть автоматически вернулась бы к составляющим его штатам, и таким образом удалось бы утвердить традиционный политический режим. Однако дон Педру I направил на подавление мятежа лорда Кокрейна, находившегося в то время на службе Бразилии в качестве главнокомандующего ее военно-морским флотом. Миссия Кокрейна увенчалась полным успехом: он безжалостно казнил республиканских лидеров, но дал возможность Карвальу спастись бегством.

Несмотря на то, что ядром оппозиции оставалась аристократия, торговый класс также отказал монархии в поддержке в связи с вопросом об английском долге и утратой Уругвая. Проблема долга возникла в связи с вопросом о признании. Когда дон Педру обратился к Соединенным Штатам с просьбой о признании, американское правительство, после некоторых споров об удобности признания империи в Америке, ответило согласием. Англия же, жаждавшая защитить свои экономические интересы, согласилась признать Бразилию в обмен на ряд уступок со стороны последней. Прежде всего, Англия оказала давление на Португалию, чтобы добиться от нее признания независимости Бразилии. [...] Договор этот предусматривал отмену работорговли и предоставлял обоим государствам право обыска торговых судов с целью проверки, не используются ли они для перевозки рабов. В соответствии с договором 1827 года Бразилия в марте 1831 года приняла закон о запрещении работорговли [...]

[...] Система управления дон Педру и его частная жизнь оскорбляли всех бразильцев. Правда, его жена, императрица Леопольдина, пользовалась большим уважением, но дон Педру полностью подпал под влияние своей любовницы — маркизы Сантус, красивой, но честолюбивой женщины. Мало того что сам дон Педру часто совершенно не считался с пожеланиями конгресса, — он позволил маркизе подбирать себе советников и, повинаясь ее капризам, увольнял своих министров. В 1831 году, презираемый бразильцами, окруженный со всех сторон насмешками и резкими голосами осуждения. Дон Педру воспользовался удобным случаем отречься от престола, когда дочь обратилась к нему с просьбой спасти свой португальский трон. 7 апреля, покинутый своим последним оплотом — армией, дон Педру сошел со сцены; престол он передал своему пятилетнему сыну дону Педру II, которому суждено было стать одним из крупнейших деятелей Бразилии.

Отречение от престола дон Педру I освободило экономические и политические силы, заложенные в борьбе за независимость. Впервые за всю свою историю бразильцы взяли в собственные руки управление

государством. Пока дон Педру II оставался несовершеннолетним, правило регентство, но решающей властью в стране стал конгресс. Возникли политические партии как консервативного, так и либерального толка. Первые были представлены либеральными монархистами, которые требовали вернуть провинциям всю полноту власти в вопросах местного управления. Либералы были расколоты на две партии: умеренных, выступавших в защиту конституционной монархии, и крайних либералов, являвшихся приверженцами федеративной республики [...]

[...] Когда дон Педру II стал императором, он был развит не по летам. Император отличался скромностью, предпочитал простоту в одежде в обращении и чурался всякой помпезности [...] Дон Педру II сделал ряд важных приращений к территории Бразилии. После ликвидации восстания «фаррапос» он принял решительные меры для защиты южного выхода Бразилии к морю по реке Парана, который оказался под угрозой в результате вторжения Росаса в Уругвай. Как уже было отмечено в соответствующей главе, дон Педру вступил в союз с Риверой и Уркисой, силами которого Росас был разбит при Монте-Касеросе в 1852 году [...] Это продвижение ознаменовало высшую точку территориального роста Бразилии в южном направлении [...]

[...] Экономические перемены и рост населения привели к изменению системы образования, которое до этого было доступно в основном лишь богатым элементам населения. Интересы среднего класса и квалифицированных и полуквалифицированных рабочих требовали расширения сети школ. В итоге число государственных школ, составлявшее в 1860 году 3 тысячи, к 1888 году превысило 6 тысяч. Высшие учебные заведения были представлены традиционными университетами, рядом педагогических училищ и горной академией в провинции Минас-Жераис. Университеты давали подготовку в области юриспруденции, астрономии, медицины и агрономии. Император лично являлся покровителем училищ музыки, изящных искусств и живописи в Рио-де-Жанейро [...]

[...] Начиная с 1871 года либеральная и республиканская партии, соединив свои усилия, вынудили осуществить ряд политических и социальных реформ. Первой из них явился закон Риу-Бранко 1871 года, более известный под названием «Закона о свободном рождении»; по нему все дети, родившиеся в рабстве, получили свободу. Позднее видный либеральный лидер Жоакин Набуку окрестил этот закон полумерой, но тем не менее его оказалось достаточно, чтобы расколоть консервативную партию и вызвать ярость рабовладельческой аристократии, державшей в своих руках производство сахара [...]

[...] Свержению империи содействовал ряд причин: рост могущества либерального лагеря, главную силу которого составлял средний класс; деятельность республиканской партии по распространению либеральных идей среди интеллигенции, армии и новых иммигрантов; враждебное отношение церкви после дела епископов. Но самым решающим фактором явилась отмена рабства. Руководство движением, увенчавшимся достижением обеих целей — отменой рабства и свержением империи, — принадлежало Сан-Паулу, провинции, где могущественные владельцы кофейных плантаций были возмущены тем, что император, используя свое право назначать губернатора, подчинил штат своей власти. Недовольство, хотя и в меньшей степени, вызывали также налоги, которыми центральное правительство облагало экспорт кофе. Однако производители кофе были бессильны добиться принятия общегосударственного законодательства, защищающего то, в чем они усматривали свои интересы. Поэтому они развернули борьбу за отмену рабства, видя в этом одно из средств ослабить консервативную партию. С другой стороны, сама сахарная олигархия была ослаблена в результате совокупности многих событий. Производство сахара в других странах, особенно на Кубе и в свеклосахарных районах Западной Европы, оказалось дешевле, чем в Бразилии, где сахарные плантации обрабатывались непроизводительным трудом рабов. Экономическое положение владельцев сахарных плантаций было фактически подорвано еще до того, как их сразил окончательный удар — отмена рабства [...]

[...] Основная причина крушения Бразильской империи заключалась в тех коренных переменах, которые произошли в экономике самой Бразилии. Рост производства кофе побудил влиятельные и богатые семейства южных районов выдвинуть требование о передаче им всей полноты власти в вопросах местного управления и об участии их в разработке общегосударственного законодательства в соответствии со своими интересами. Эти круги получили поддержку со стороны возникающих промышленных групп, связанных с железными дорогами, пароходными линиями, банками и каучуковым промыслом, а также финансовых дельцов, занятых в освоении бразильского Запада [...]

Непосредственной причиной свержения империи явилась революция 1889 года. Последний кабинет, возглавлявшийся Оуру Прету, прилагал отчаянные усилия предотвратить катастрофу. Он предложил ряд реформаторских законопроектов — о расширении власти штатов, лишении императора прав верховного арбитра и другие аналогичные мероприятия. Однако подготовка заговора против дона Педру шла уже полным ходом. Во главе заговорщиков стояли маршал Деодору да

Фонсека из провинции Риу-Гранди-ду-Сул и Бенжамен Констан, который своей пропагандой позитивистских учений в военной академии в весьма значительной степени содействовал развитию республиканской идей в армии. И самом правительстве действовал один из министров кабинета, Флорипму Пейшоту; он рассеивал страхи, заверяя премьер-министра, что слухи о восстании лишены всякого основания. Когда наступил момент для государственного переворота, бдительность правительства оказалась усыпленной; Фонсека ввел войска, занял правительственные здания, бросил в тюрьму дон Педру, а затем издал приказ о его высылке из страны. Дон Педру, не желая ввергать любимую отчизну в гражданскую войну, покорился своей участи. Так завершилась 15 ноября 1889 года самая спокойная революция во всей истории Америки; не было пролито фактически ни одной капли крови, на и победного ликования было не столь уж много.

БРАЗИЛИЯ ДО 1876 ГОДА^{*}

[...] Бразильская конституционная империя, и по своей политической организации, и по нравам, и по обычаям, и по языку во многом отличалась от старых испанских колоний, но в отношении экономических задач, которые ей приходится решать, она имеет с ними много общего. И здесь, как и там, та же непропорциональность между продуктивным трудом человека и поразительным богатством почвы. Если в политическом отношении Бразилия перед большинством из них имеет преимущество правильной, определенной и устойчивой системы правления, то это еще не значит, чтобы лузитанская империя совсем не знала никаких волнений, кризисов и столкновений. Вся разница в том, что ее волнения, как во внутренней, так и во внешней жизни, всегда носят правильный характер, даже тогда, когда они достигают довольно значительной степени. Борьба партий никогда не имела в ней иных последствий, кроме смены министерств.

[...] Бразилия, которая могла бы прокормить население в 300 миллионов, имела по переписи 1874 г. всего 10 196 327 жителей, в числе которых полтора миллиона рабов. 500 000 индейцев еще находятся в совершенно диком состоянии. Все это население, крайне рассеянное, распределяется в двадцати провинциях, к которым нужно прибавить нейтральную муниципию, т. е. город Рио-де-Жанейро и его пригороды. В 1876 г. имелось в виду образование нового административного округа, составленного из частей провинций Пернамбуко, Байа и Минос-Гераес; в него входят плодородные берега р. Сан-Франциско, именем которой он и должен называться [...]

[...] В 1808 г. португальский двор, бежав от французской армии, явился искать убежища в своей богатой колонии Нового Света. Пребывание Жуана VI в Бразильской земле, находившейся до тех пор под иггом самой варварской и нелепой колониальной системы управления, имело своим последствием открытие ее портов для иностранцев. Бразилия перестала быть колонией; семь лет спустя, декретом от 15 декабря 1815 г., она была сделана королевством [...]

Непроницательные и недалёковидные кортесы снова хотели подчинить Бразилию прежнему игу метрополии. Рассчитывая на оставленные в ее городах войска, они посылали самые неполитичные и да-

^{*} Публикуется по: Деберль А. *История Южной Америки от завоевания до нашего времени* / А. Деберль. – СПб., 1899. Публикуется в сокращении.

же вызывающие декреты и вскоре присоединили к этому требованию о возвращении принца-регента в Европу. 9 января 1822 г. Педро объявил, что он останется в Бразилии. Рио, Пернамбуко, Сан-Пауло, Багиа взяли за оружие и выгнали португальские гарнизоны. Сам регент, с фитилем в правой руке, а левой опираясь на лафет, объявил, что он первый будет стрелять в португальский отряд, засевший в своих траншеях, если тот немедленно не покинет Бразилию. Затем Педро отправился усмирять роялистское восстание в Минас-Герозс. В это время в Рио-де-Жанейро сторонники прежнего режима пытались снова взять верх; поэтому возвращение Педро приветствовалось с громадным энтузиазмом. 13 мая он получил от созванных в столицу представителей провинций титул постоянного защитника Бразилии, 12 октября национальное собрание провозгласило его конституционным императором, а декретом от 1 августа был признан окончательный разрыв колониальных отношений к Португалии.

[...] сын Жуана VI не был тем человеком, который при данных обстоятельствах мог бы создать империю. Воспитанный в духе и предрассудках старых европейских дворов, пылкий и необузданный, послушный всякому движению своего чувства и без всякой устойчивости в намерениях, бесхарактерный и нерешительный, он совсем не подходил к роли конституционного монарха. В начале, желая привлечь к себе народные симпатии, он показывал склонность к свободным учреждениям и даже объявил себя великим магистром франкмасонов; но как только он получил власть, так тотчас же вернулся к своим прежним абсолютистским понятиям, закрыл все масонские ложи, окружил себя фаворитами и скомпрометировал все свое царствование роспуском первого бразильского национального собрания (ноябрь 1823 г.). Конституция, которую он обнародовал (в марте 1823 г.) и которую он сам составил, не могла, несмотря на свою либеральность, победить оскорбленного чувства страны. Пернамбуко и пара не захотели признать ее, после того как была поправа верховная власть народа. Пернамбуко провозгласило у себя республику и призывало северные провинции присоединиться к нему для образования Экваториальной конфедерации. Парагиба, Сеара и северная Рио-Гранде выразили свое сочувствие. Это возмущение было подавлено с варварской жестокостью; императорское правительство прибегло к террору и подвергло виновных самым ужасным казням. Тогда недовольство сделалось всеобщим, и положение осложнилось еще восстанием цисплатинской провинции, объявившей себя независимой. Участие правительства Ла-Платы не подлежало сомнению. В конце 1825 г. дон Педро объявил войну Аргентинской республике; Англия, со своей сторо-

ны, подливала масла в огонь. Эта война была лишь рядом бесполезных действий и унижительных неудач [...]

[...] Несмотря на царствующую в его стране анархию и все возрастающую затруднительность своего положения, Педро I объявил о своем намерении защищать поправленные права своей дочери с помощью оружия. Бразильцы же боялись, что средства страны будут растрачены из-за династических интересов, к которым они были совершенно равнодушны. В это самое время был подписан договор, который, признавая независимость Монтевидео, положил конец несчастной южной войне. Теперь дон Педро Пыл обвинен в том, что он пожертвовал лучшим портом Ла-Платы, пунктом чрезвычайной важности, как для безопасности границ, так и для распространения бразильской торговли. Вторичный брак императора дал повод к новому недовольству. Дон Педро, потеряв в 1826 г. свою жену, вступил в новый брак с Марией-Амелией Лейхтенбергской, дочерью Евгения Богарнэ (1829 г.). Страна встретила этот союз очень несочувственно, предвидя новый наплыв ко двору иностранцев и занятие ими общественных должностей. Конгресс, являясь выразителем общественного мнения, высказал недовольство и был немедленно распущен (сентябрь 1829 г.). Население взволновалось; положение грозило возмущением и император был принужден принять какое-нибудь решение. После многих колебаний, он избрал министерство из рядов республиканцев, составив его почти всецело из бразильцев; но уже было поздно. Быстро переменяя тактику, он в самом начале законодательной сессии, в мае 1830 г., представил законопроект об ограничении свободы печати. Таково уж обычное явление, что погибающие правительства всегда обрушиваются своей мезтью на печать, которая их предостерегает. Правительство Карла X погибло после изданных им ордонансов и отзвук революции почувствовался в Бразилии. Гроза, наконец, разразилась. 6 апреля 1831 г. столица взялась за оружие; на улицах появились вооруженные толпы, и войска, которые должны были охранять императорский дворец, присоединились к восставшим гражданам. Педро I понял, что его роль в Америке окончена навсегда. Он хотел по крайней мере не дать восторжествовать республиканцам и спасти монархический принцип. На другой же день он отрекся от престола в пользу своего сына Педро II, которому шел в то время шестой год, и 13 марта того же месяца покинул Бразилию, чтобы лично вести войска против узурпатора Мигеля и с оружием в руках оспаривать у него португальскую корону [...]

[...] Конгресс 1834 г. внес важные изменения в конституцию, даровав каждой провинции свои особые законы и предоставив каждой

из них полную независимость в ведении ее внутренних, административных, судебных, финансовых и муниципальных дел. Эта смелая реформа спасла единство Бразилии и императорский трон в тот самый момент, когда целая могущественная партия хотела разделения империи на известное число федеральных штатов наподобие Соединенных Штатов Северной Америки. Реформа была большей частью принята хорошо, хотя в некоторых округах она подала повод к неудовольствию и беспорядкам, которые, впрочем, были легко подавлены, за исключением южного Рио-Гранде, где гражданская война приняла громадные размеры и продолжалась в течение десяти лет. В рядах риограндцев одно время сражался Гарибальди. Благоразумно Даная амнистия прекратила наконец эту борьбу, стоившую многих жертв. [...]

Юный император торжественно короновался 18 июля 1841 г. последовавший вслед за тем роспуск палат вызвал восстания в провинциях Сан-Пауло и Минас-Гераес, где число республиканцев было очень велико. Генерал Каксиас овладел Сан-Пауло, но война еще продолжалась в Минас-Гераесе, где сенатор Феличиано собрал вокруг себя шесть тысяч войска. В 1842 г. решительная победа Каксиаса при Сан-Луции нанесла окончательный удар партии федеративной республики, лишив ее последних сил. Шесть лет спустя, гордая и пылкая провинция Пернамбуко попробовала сделать еще одну, последнюю попытку. Всякие следы всех этих волнений были уничтожены амнистиями, так что усмирение и успокоение совершались без всякого ограничения свободы. Эта политика забвения, мудрости и великодушия создала величие Бразилии, тогда как военные суды, массовые казни и жестокие акты мщения 1817 и 1824 гг., при Жуане VI и Педро I, приводили ее, напротив, к новым катастрофам.

Мягкий, добрый, либеральный и просвещенный Педро II правил страной чрезвычайно разумно. И ретроградная, и передовая партии поочередно ставили его в очень затруднительное положение, чем он, однако, ни разу не воспользовался, чтобы превратить свое правительство в военную диктатуру. Его прекрасное понимание дел, возвышенность характера, его такт и умеренность дали ему возможность счастливо избежать тех подводных камней, которые погубили столько правителей. Военное положение сделалось неизвестным в Бразилии; право думать и писать было неприкосновенно; многие республиканские журналы издавались там, не страшась преследования. Педро II понял, что свобода есть самое лучшее и верное средство для укрепления его власти и упрочения престола. Заботливость, с которой император охранял парламентский режим, завоевала ему уважение бразильцев. Он царствовал, но не правил. Однако, если в чисто политиче-

ской сфере он и не выходил из своей, указанной ему по конституционному договору, роли первого представителя «политической ассоциации всех бразильских граждан», то влияние его на дела тем не менее было очень значительно. Его старания были направлены главным образом на развитие земледелия, торговли и мореходства Бразилии и на укрепление за ней первенствующего значения среди южноамериканских стран.

Конституция, которой Педро II оставался верен, была до последнего времени одной из старейших конституций всего цивилизованного мира. Она зиждилась на тех же основных законах, которые были изданы Педро 1 25 марта 1824 г., и затем исправлены дополнительными актами 12 августа 1834 г. и 12 мая 1840 г. глава государства именовался в ней конституционным императором и постоянным защитником Бразилии. Он являлся первым представителем нации, которой принадлежит верховная власть. Законодательная власть находилась в руках палаты депутатов из ста двадцати двух членов, избираемых двухстепенным голосованием на четыре года, и сената из пятидесяти восьми пожизненных членов; но право инициативы в деле установления новых налогов, рекрутского набора, предания суду министров и выбора новой династии в случае прекращения императорской фамилии принадлежало одной палате депутатов. Выборы не прямые. Все население выбирает выборщиков, которые избирают депутатов; что же касается сенаторов, то избиратели составляют списки из трех лиц, из которых император указывает одного. Принцы императорской фамилии становятся по праву рождения сенаторами в двадцать пять лет. Соединение обеих палат составляет общее собрание, которое обладает особыми функциями и правами, отличными от функций и прав каждого из этих учреждений в отдельности [...]

Провинции на которые делится вся бразильская территория, имели каждая свои законодательные собрания, избираемые на два года, в компетенцию которых входило учреждение, уничтожение, перемещение и изменения границ приходов, бургов и округов. Главой этих собраний являлся президент, назначаемый центральным правительством; он приводил в исполнение решения провинциального собрания. Каждый приход разделялся на комаркасы или округа, имеющие свои муниципальные палаты, свои административные, судебные и полицейские трибуналы. Муниципальные палаты, избираемые на четыре года, состояли из девяти членов или эшевендов в городах и из семи в бургах; получивший при выборах наибольшее число голосов, считался президентом. Эти палаты ведали муниципальное хозяйство и полицию и имели свои особые доходы. Все провинции и комаркасы были связа-

ны со столицей, которая представляла нейтральную муниципию, — местопребывание центрального правительства, — и управлялась сенатом и министерством империи. Центральное правительство имело под своим специальным заведыванием высшее образование, почтовое ведомство, администрацию и общую финансовую систему, дипломатические и консульские дела, полицию и, наконец, военные силы. В духовных делах на нем лежало назначение столичного архиепископа и епископов [...]

В царствование Педро II Бразилия вела две войны, одну против Розаса, который вооружал и поддерживал Орибе с очевидным намерением исключить Уругвай в Аргентинскую Конфедерацию и другую (1865— 1869) против Парагвая и его президента Лопеса. Все, что мы говорили об этом раньше, позволяет нам не входить в дальнейшие подробности этих войн. Достаточно будет констатировать, что об этом вмешательстве лужитанской империи в дела Ла-Платы судили различно. Бразилию всегда подозревали в желании следовать традициям Португалии времен колонизации и в намерениях расширять свои пределы за счет соседних республик. В этом отношении опасения Лопеса, по-видимому, до некоторой степени оправдываются одной секретной бумагой, вышедшей из канцелярии министерства Монтевидео. Португальские писатели стараются опровергнуть эти обвинения. «Бразилия, говорят они, обладает слишком обширной территорией и, желая сохранить ее, она вполне сознает до какой степени эта обширность составляет ее слабую сторону, до тех пор, пока она не будет в состоянии населить свои пустыни, усеять цветущими городами свои необозримые равнины, провести дороги через необитаемые леса, пустить по прорезывающим их во всех направлениях рекам пароходы и внести, таким образом, цивилизацию, жизнь и промышленное движение в свои пустынные центральные области и некультурные земли» (Перейра да Сильва).

Тем не менее не подлежит сомнению, что завоевательное честолюбие государственных людей Бразилии было постоянно направлено в сторону Ла-Платы. Но они сознают, какие громадные затруднения встают перед ними и выжидают. То, что они думают про себя, то громко высказывается некоторыми публицистами. Известные территориальные изменения кажутся этим кабинетным завоевателям роковой необходимостью, вытекающей из антагонизма англосаксонской и испанопортугальской рас. Эти изменения необходимы», объявляют они, так как Бразилия до тех пор не будет в состоянии оказывать успешного противодействия Соединенным Штатам, пока она не установится в своих естественных границах. А так как эти границы прости-

раются к западу далее реки Парагвай, то государство, носящее имя Парагвай, должно исчезнуть, точно так же, как и штаты Корриентес, Энтре-Риос и Банда-Ориентале, отделяющие империю от ее естественной границы, реки Парана. Об этой необходимости заявлялось много раз, но бразильское правительство всякий раз отвечало на это энергичными протестами. Несмотря на очевидную искренность этих протестов и на наилучшие обещания, которыми они сопровождаются, все же они, поскольку касаются самой Бразилии, доказывают лишь крайнее нежелание монарха и его советников приступить к выполнению, быть может трудной, но тем не менее необходимой, задачи» (Дюто). Все это легко говорить; но весьма может быть, что это «крайнее нежелание» есть ни что иное, как благоразумие и, во всяком случае, честность [...]

[...] насилие было чуждо бразильскому правительству, с чем его можно было приветствовать. Как во внешних, так и во внутренних делах, оно, одерживая победы, умело быть великодушным. Результатом этого явился тот внутренний мир, который представляет столь разительный контраст со слишком частыми и бесплодными волнениями некоторых соседних стран. Значит ли это, что Бразилия не переживала у себя волнений? Если она не переходила от революции к революции, как Боливия, то конечно, она, не менее Чили, переживала различные кризисы. Лишь мертвые народы пребывают в неподвижности. Несмотря на некоторые перемены в распределении партий, несмотря на то, что разбившиеся мнения образовывали новые комбинации, трудность установить равновесие между либеральными стремлениями и консервативным противодействием вызывала тем не менее такие парламентские бури и такие министерские кризисы, которые доходили в некоторых случаях до роспуска палат. Педро II вообще далеко не охотно давал свое согласие на подобные серьезные меры. Бурный 1862 г. прошел среди множества перипетий. Различные министерства, которым приходилось распутывать последствия столкновения с Англией, имевшего место в июне предыдущего года, несколько раз свергались почти немедленно после формирования. При открытии сессии в мае 1853 г. оппозиционные элементы оказались в значительном большинстве. В виду серьезных внешних осложнений, император дал, наконец, свое согласие на то, в чем он отказал двум предыдущим министерствам, и 12 мая, до открытия заседаний палат, они были распущены [...]

[...] На империи еще оставалось позорное пятно рабовладельчества, которое она теперь отчасти смыла. В 1852 г. торговля неграми были уничтожена. Бразилия была в то время единственной страной

южно-американского континента, где она еще существовала. В похвалу Педро II следует сказать, что он не раз высказывался за освобождение рабов. Ему принадлежит заслуга понуждения к тому крупных землевладельцев, причем для устранения того сопротивления, которое он встречал в них и доставления рабочих рук для земледелия, он содействовал найму шести тысяч китайских кули. Ему принадлежит инициатива проекта закона, долженствовавшего в принципе уничтожить рабовладение, сохраняя его временно и устанавливая способ постепенного освобождения рабов. Со дня издания этого закона, 28 сентября 1871 г., все, рождавшиеся от рабынь дети признавались свободными. Это был акт громадной важности, но истинная гуманность требовала большего. Освободить дитя, не освобождая тех, кто дал ему жизнь, далеко не достаточно и, во всяком случае, безнравственно и противно законам природы и семьи. Как бы то ни было, этот важный акт 28 сентября был единогласно принят плантаторами и приведение его в исполнение совершилось вполне мирно; случаи добровольного освобождения всех рабов были очень многочисленны. Бенедиктинский орден освободил своих рабов в числе 1.600 человек. Император в то время путешествовал по Европе и закон утвердила принцесса-регента. Громадный энтузиазм охватил Рио-де-Жанейро: по окончании голосования, трибуна сената была усыпана цветами и дипломатический корпус принес свои поздравления женщине, подписавшей свое имя под этим актом справедливости и гуманности [...]

[...] В последние двадцать пять лет в истории Бразилии преимущественное значение имеют три главных факта: постепенное уничтожение рабства, поощрение, оказываемые европейской колонизации, и наконец объявление республиканской формы правления [...] Уничтожение рабства не имело таких важных экономических последствий, каких можно было ожидать. Правда, во время самого освобождения замечался наплыв негров в городах и сбор кофе был прекращен, но из опасения конкуренции белых рабочих, бывшие рабы уже вскоре возвратились, в качестве вольнонаемных, к своим прежним хозяевам [...] Либеральные идеи приобрели в империи много сторонников; они уже проявились во времен вопроса о рабстве и в то же время особой популярностью пользовались идеи позитивистской школы Огюста Конта. Главным пропагандистом контизма был Бенжамен Констан [...]

Революции предшествовала парламентская борьба. Консервативное министерство под председательством Жоао Альфредо заведывало делами с 1889 года. За год до революции оно добилось отмены рабства. Это министерство подвергалось сильным нападкам со стороны либералов; дон Педро отказал министрам в роспуске палаты и тогда для

консерваторов сделалось невозможным составить министерство. Власть перешла к либералам, которым удалось освободиться от консервативной оппозиции, склонив императора дать согласие на роспуск палаты.

Этими обстоятельствами воспользовалась республиканская партия; она развивалась под руководством двух журналистов Рюи Барбоза и Квин-тино Бакайува, которые вместе вели журналы *Diário* и *O País*. На улицах стали происходить республиканские манифестации, вследствие чего префект Рио-де-Жанейро должен был издать постановление, воспрещающее публичные возгласы «Да здравствует республика! Долой монархию!»! Выборы окончились торжеством либералов; в палате, кроме их, заседало только семь консерваторов и два республиканца.

Казалось, что императора нельзя было винить ни в чем, так как он был на стороне либералов и согласно желанию страны предоставил им власть; но армия была одушевлена крайне враждебными чувствами к династии. Она находилась как бы в подозрении, между тем как сама она гордилась своими успехами во время парагвайской войны; император к ней не благоволил и его побудили принять гибельную меру в виде отправки в отдаленные и иногда нездоровые провинции Матто-Гроссо и на верховья Амазонки недовольных полков, офицеры которых проявляли оппозиционные наклонности.

Республиканцы воспользовались таким настроением армии и заключили союз с высшими офицерами. Уже ранее было сослано большое число генералов, потом пришла очередь адмирала ван ден Колька и наконец маршала Деодоро да Фонсека, бывшего уже с некоторого времени в оппозиции и долженствовавшего отправиться вместе с несколькими батальонами, состоявшими под его командой, в отдаленные части государства.

Как только состоялось соглашение, дело было поведено очень решительно. Маршал да Фонсека, Бенжамен Констан и республиканцы арестовали министров и принудили дону Педро, прибывшего из Петрополиса, подписать акт отречения. Императорская фамилия была посажена на корабль и отправлена в Лиссабон, куда и прибыла 17 декабря. Население оставалось спокойным [...]

Максим КИРЧАНОВ

ИМПЕРИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: *имперские исследования в современной бразильской историографии*

История независимой Бразилии началась в 1822 году как история Империи. Имперский период был важным этапом в развитии бразильской идентичности, национализма и нации. Бразильские исследователи особое внимание уделяют истории империи. Бразильская Империя занимает уникальное место в исторической и национальной памяти бразильцев.

Ключевые слова: *Бразильская Империя, историческая память, историография, национализм, идентичность*

History of independent Brazil began in 1822 as history of Empire. An imperial period was an important stage in development of Brazilian identity, nationalism and nation. Brazilian scholars paid the special attention to history of Empire. Brazilian Empire occupies unique seat in historical and national memory of Brazilians.

Keywords: *Brazilian Empire, historical memory, historiography, nationalism, identity*

В истории Бразилии особое место занимает период Империи. Именно в имперскую эпоху были заложены системообразующие элементы бразильской государственности, институционализована сама идея независимости. Бразильская Империя – первый этап в истории независимого бразильского государства. Несмотря на то, что имперский период закончился крахом выстраиваемой имперской системы, его значение, тем не менее, не следует преуменьшать. Этот факт осознается бразильскими историками. Начиная с 1890-х годов и до настоящего времени, Бразилия развивается в рамках республиканской модели. В стране сложилась устойчивая политическая идентичность, в основе которой лежат ценности бразильского национализма, среди которых одной из центральных следует признать республиканизм. Доминирование республиканских политических настроений не привело к демонизации имперского прошлого как то, например, имело место в СССР после ликвидации Российской Империи, которая в политическом воображении советской эпохи фигурировала в качестве универсального «Другого». В подобной ситуации в бразильской историографии утвердились традиции преимущественно научного изучения Империи, что не сопровождается политизацией и не ведет к политиче-

ским спекуляциям относительно имперского прошлого. В центре авторского внимания в настоящей статье – основные проблемы восприятия Империи в современной бразильской историографии.

В тематическом плане современная бразильская историография, сфокусированная на изучении Империи, крайне разнообразна, варьируясь от теоретических исследований по имперской истории, интегрирующих американский опыт изучения империй¹, до работ, посвященных конкретным проблемам и аспектам истории Бразильской Империи. Значительное внимание бразильскими историками уделяется проблемам генезиса Бразильской Империи. Традиционно в научной литературе в отношении борьбы Латинской Америки за независимость предпринимались попытки представить ее как простое или крайне упрощенное перенесение идей европейского Просвещения в испанские и португальские колонии в Новом Свете. Современными бразильскими авторами подобный схематический подход ставится под сомнение. Фактор европейского интеллектуального и политического влияния, конечно же, признается, но более не воспринимается как определяющий.

Бразильский историк Эдуарду Ромеру де Оливейра², анализируя проблемы генезиса бразильской независимости, склонен искать ее истоки не во влиянии европейского Просвещения, но в своеобразном португальском политическом наследии, связанным с идеями монархии и народной, преимущественно – крестьянской, верой в доброго короля³. Кроме этого во внимание следует принимать и фактор весьма своеобразной романской религиозности, которая была привнесена в Бразилию из Португалии. Ценности народного, традиционного монархизма в сочетании с высоким уровнем религиозности на фоне территориальной отдаленности от Европы и, как следствие, определенной социально-культурной замкнутости, создало условия для установления в Бразилии в начале 1820-х годов не республиканской, а монархической формы правления. Специфика ситуации состояла в том, что ни португальская, ни позднее бразильская монархии не развивались в условиях интеллектуального вакуума. Они испытали влияние, в том числе, и со стороны идей Просвещения. Именно поэтому монархическая (имперская) модель развития в Бразилии отличалась значительной спецификой, связанной с тем, что власть императора не имела абсолютного характера. Это было вызвано попыткой бразильского правящего класса на раннем этапе своей истории облачить Империю в некие светские политические одеяния, связанные, в том числе, и с идеей прав свобод. В подобной ситуации совершенно естественным

было то, что наравне с Империей в Бразилии получила развитие и идея политического гражданства.

Особое внимание бразильскими историками уделяется проблемам республиканской идее как форме политической оппозиции в имперский период. Республиканская идея в современной бразильской исторической науке воспринимается как своеобразный индикатор политической модернизации. Сильвия Карла Перейра де Бриту Фонсека полагает, что идея республики тесно связана с ценностями светского государства⁴. Республиканские настроения, которые не только апеллировали как к национальному, так и европейскому политическому наследию, но и оказались весьма распространенными⁵, в Бразильской Империи развивались в целом в рамках широкого спектра протестных и антиимперских движений. Именно поэтому в современной историографии история Империи – это и история антиимперских политических идей. Значительное внимание бразильскими историками уделяется проблемам движения 1835 года на территории Белена, в результате которого была уничтожена значительная часть местного населения, в том числе – и элит, а прежняя численность смогла быть восстановлена только к 1860-м годам⁶.

Анализируя историю протеста в Белене на протяжении второй половины 1830-х годов, бразильские историки указывают на то, что в его основе лежали различные причины, важнейшие из которых были связаны с социальными и расовыми противоречиями. Именно поэтому протесты 1830-х годов были и протестами против доминирования белого населения, говорившего на португальском языке. Широкое протестное движение, которое в бразильской историографии известно как *Sabanagem*⁷, в историческом воображении обрело почти революционный статус, что было связано с трансформациями исторической науки, начиная с 1930-х годов – с усиления социально-экономических школ, которые испытывали сильнейшее влияние со стороны марксизма. Именно поэтому, начиная с работ Каю Праду Жуниора⁸ протестные движения второй половины 1830-х годов изучаются в широком социально-экономическом контексте. В 1970-е годы, как продолжение более ранних интерпретаций, были предприняты попытки изучения подобных явлений в категориях классовой борьбы⁹.

В подобной ситуации феномен *Sabanagem* начинает восприниматься как революция. Соединение принципов светскости и республиканизма в истории протестных движений периода Бразильской Империи позиционируется в качестве индикатора начала современной истории. С другой стороны, империя воспринимается как тип государственности, основанный на принципах социальной и политической

иерархии. Именно поэтому появление европейской идеи в Бразилии привело к разрыву в исторической традиции, связанной с существованием колониальной Португальской Империи в основе которой лежали именно иерархические ценности. Генезис республиканизма в Бразильской Империи традиционно связывается с замедленной динамикой политического развития в 1820-е годы и несовпадением ожиданий общества с действиями политических элит. В подобной ситуации распространение республиканской идеи стало формой несогласия с первой Конституцией, которая в определенной мере строилась на игнорировании интересов политического класса.

Значительное место в изучении истории Бразильской Империи занимают исследования, связанные с развитием идентичности в имперский период. Центральным фактором в развитии национального воображения в эпоху Империи были переписи¹⁰. Переписи населения способствовали унификации территориального пространства, трансформации Империи в национальное государство. Особую роль в становлении идентичности играли различные гуманитарные исследования в сфере истории, литературы, этнографии и археологии, которые были предприняты в Империи. По мнению бразильского исследователя К.Р. Каллари, гуманитарные науки в Империи, проводимые, главным образом, в Историко-географическом институте, сыграли особую роль в развитии бразильской идентичности. В период Империи бразильская идентичность начала обретать и такое измерение как национальный пантеон. Среди первых фигур, которые в условиях написания национальной истории, были подвергнуты значительной мифологизации и возведены в ранг негласных отцов нации, был Тирадентис, чему поспособствовал и второй бразильский император – Педру II¹¹.

С другой стороны, во время Империи бразильская идентичность обрела и мифическое измерение, связанное с соединением националистического воображения и гуманитарного знания. В особой степени эта мифологизация проявилась в археологии¹², а именно – в «мифе о потерянном городе Байа». Согласно наиболее распространенной версии, рукопись, положившая начало первому археологическому мифу Империи, была найдена в 1839 году в Публичной библиотеке (позднее – Национальной библиотеке) и доставлена в Историко-географический институт. Рукопись представляет собой описание некоего города, существовавшего на территории впоследствии Байи, въезд в который состоял «из трех арок большой высоты». Бразильский историк Ж. Лангер полагает, что события, связанные с этой рукописью, имели принципиально важное значение для развития бразильской идентичности, соединив принцип мифа и легитимности¹³.

Интерес к подобным текстам, которые в XIX столетии появились не только в Бразильской Империи, но и в США, а также в Европе, свидетельствует не только о небывалом взрыве националистического воображения в первой половине XIX века, но также и о стремлении современных бразильских интеллектуалов использовать методы интеллектуальной истории и истории идей для изучения национальной истории. Не менее значимую роль в развитии идентичности сыграло Общество празднования независимости империи, созданное в 1869 году¹⁴. В имперский период были предприняты так же попытки и интеграции индейцев в большой контекст национальной истории Бразилии. Параллельно в Империи формировался особый романтический ареол вокруг индейцев, что вело к появлению своеобразного индейского мифа¹⁵. Деятельность Института способствовала систематизации и каталогизации как прошлого Бразилии, так и бразильской географии, что вело к развитию националистического воображения и формированию идеальных образов Бразильской Империи как правильного и воображаемого Отечества.

Изучение истории Империи немислимо без обращения к социально-экономическим процессам. Важнейшей особенностью развития экономики в Бразильской Империи было использование труда рабов. Бразильские исследователи полагают, что, несмотря на существование рабства, этот институт фактически не определял развитие экономики Империи. Бразильский историк Жозе Мендиш полагает, что экономика Бразилии в период Империи переживала постепенный переход от рабства к использованию наемного труда¹⁶. Переходу к наемному труду способствовал и переход от монокультуры сахара к монокультуре кофе¹⁷. Не менее важным фактором кризиса рабства была и иммиграция из Европы¹⁸, в результате которой Империя оказалась наводнена свободными европейцами, которые на рынке труда конкурировали с рабами.

Значительное внимание в современной бразильской историографии уделяется и проблемам развития народной культуры в период Империи, истории повседневности, исторической антропологии¹⁹. Подобные исследования придают ей междисциплинарный характер. В результате широкого применения методов междисциплинарного синтеза в бразильской исторической науке созданы исследования, отражающие, например, проблемы религиозности в повседневной истории Бразильской Империи. Например, Алберту да Кошта и Силва исследует фактор, казалось бы, чуждой для Империи как части романского и католического мира, мусульманской культуры. Алберту да Кошта и Силва полагает, что бразильское общество периода Империи интере-

совалось Востоком, что выразилось в феномене успеха Корана на бразильском книжном рынке²⁰. Коран, изданный в 1869 году, был раскуплен очень быстро. Коран был интеллектуальным продуктом весьма узкого потребления. Мусульманское сообщество в Бразильской Империи отличалось значительной внутренней закрытостью. Кроме этого в условиях значительной роли Католической Церкви в Бразильской Империи получил развитие т.н. латентный ислам, а многие мусульмане были вынуждены скрывать свою принадлежность к умме. Специфика ситуации состояла в том, что большинство покупателей составили рабы или бывшие рабы²¹, а часть экземпляров была продана в кредит. С другой стороны, значительная часть покупателей не умела ни писать, ни читать, что отражает уровень традиционности и замедленное протекание процессов модернизации в Империи.

История чтения и восприятия художественных текстов в Бразильской Империи привлекает особое внимание со стороны бразильских историков. Бразильская исследовательница Ана Каролина Эйраш Коэлью Соариш²², используя методологические и теоретические работы французских историков²³, анализируя историю литературы, полагает, что художественные тексты в Империи имели принципиальное значение для развития гендерных идентичностей, чему в значительной степени способствовали произведения Жозе де Аленкара²⁴. Бразильские исследователи полагают, что женские образы в бразильской литературе эпохи Империи в значительной степени были подвержены политизации. С другой стороны, значительная часть текстов Жозе де Аленкара была адресована женщинам. В такой ситуации форматерами политической и национальной идентичности были исключительно политики и писатели-мужчины в то время как женщины были вынуждены играть роль пассивных реципиентов уже созданных для них идентичностей.

Интересными следует признать работы бразильских историков, посвященные истории народной медицины в Империи²⁵. Народная медицина была самым тесным образом связана с традиционной культурой, привнесенной португальцами из Европы в Южную Америку. В Бразильской Империи, вместе с тем, сложилась уникальная ситуация сосуществования двух медицинских традиций, которые в одинаковой мере были продуктами европейской культурной трансплантации. В Империи сосуществовали академическая медицина, связанная с научными исследованиями, проводимыми в университетах, и народной медициной, которая в большей степени отличалась неформальным характером, развиваясь преимущественно на низовом, локальном уровне.

С другой стороны, бразильскими историками, которые занимаются историей Империи, ведутся исследования междисциплинарного характера, связанные с историей медицины в Империи, с общественным восприятием феномена безумия²⁶. Бразильские исследователи Моник де Сиквейра Гонсалвиш и Флавиу Коэльму Эдлер полагают, что первые шаги в Империи к организации психической помощи были предприняты в 1830-е годы²⁷. Результатом стало начавшееся в 1841 году строительство т.н. «дома дураков» в Прайя-де-Саудади. Особую роль в развитии психиатрии в Империи сыграл император Педру II, который инициировал компанию по сбору средств.

Подводя итоги настоящей статьи, во внимание следует принимать ряд особенностей развития современной бразильской историографии Империи. Изучение истории Бразильской Империи является важным фактором развития исторических исследований в современной Бразилии. Имперский период следует признавать неотъемлемой частью современной модели исторической памяти в Бразилии. Империя в историческом воображении современных бразильских интеллектуалов ассоциируется не только с появлением независимой государственности, но и с начальным этапом развития бразильской идентичности и бразильского национализма. Изучение истории Бразильской Империи в современной бразильской историографии носит системный характер. Особое внимание бразильскими историками уделяется широкому кругу проблем, связанных с историей империи, а именно – вопросам регионализации, развитию идентичности, политической власти.

Характерной чертой современной историографии Империи в Бразилии является ее междисциплинарный характер, активное использование бразильскими историками методов и исследовательских практик, предложенных в рамках истории идей, интеллектуальной истории, региональной истории. Междисциплинарный синтез, активное использование наследия классической бразильской историографии, применение теории империй, национализма и идентичности, предложенных западными интеллектуалами, является залогом успешного и динамичного развития имперских исследований в современной Бразилии. Вместе с тем выводы и достижения современных бразильских историков, которые занимаются изучением Бразильской Империи, практически неизвестны в современной российской латиноамериканистике. С другой стороны, теоретические концепты и конкретные выводы бразильских авторов, специализирующихся в изучении Империи, могут оказаться полезными для современной российской историографии, которая испытывает определенный дефицит идей в изучении столь отдаленных регионов как Бразилия. Таким образом, изуче-

ние истории Бразильской Империи и ее восприятие в современной историографии следует признать актуальной задачей для российского бразиловедения.

¹ Schiavinatto I.L. *Entre trajetórias e impérios: apontamentos de cultura política e historiografia* / I.L. Schiavinatto // *Tempo*. – 2009. – Vol. 14. – No 27.

² Oliveira E.R. de, *A idéia de império e a fundação da monarquia constitucional no Brasil (Portugal-Brasil, 1772 – 1824)* / E.R. de Oliveira // *Tempo*. – 2005. – Vol. 9. – No. 18.

³ Pereira J.E. *O pensamento político em Portugal no século XVIII: Antonio Ribeiro dos Santos* / J.E. Pereira. – Lisboa, 1983; Vianna Lyra M. de L. *A utopia do poderoso Império – Portugal e Brasil: bastidores da política, 1798 – 1822* / M. de L. Vianna Lyra. – Rio de Janeiro, 1994.

⁴ Brito Fonseca S.C.P. de, *A linguagem republicana em Pernambuco (1824 – 1835)* / S.C.P. de Brito Fonseca // *Varia história*. – 2011. – Vol. 27. – No 45.

⁵ Basil M. *O bom exemplo de Washington: o republicanismo no Rio de Janeiro (c.1830 a 1835)* / M. Basil // *Varia história*. – 2011. – Vol. 27. – No 45.

⁶ Ricci M. *Cabanagem, cidadania e identidade revolucionária: o problema do patriotismo na Amazônia entre 1835 e 1840* / M. Ricci // *Tempo*. – 2007. – Vol. 11. – No 22.

⁷ Rocque C. *Cabanagem: epopéia de um povo* / C. Rocque. – Belém, 1984; Chiavenato J.J. *Cabanagem: o povo no poder* / J.J. Chiavenato. – São Paulo, 1984; Di Paolo P. *Cabanagem: a revolução popular da Amazônia* / P. Di Paolo. – Belém, 1985.

⁸ Caio Prado Júnior, *Evolução política* / Caio Prado Júnior. – São Paulo, 1978.

⁹ Guimarães R. *Dois estudos para a mão esquerda. Cabanagem. Guerrilha ou luta de massas* / R. Guimarães. – Rio de Janeiro, 2000.

¹⁰ Botelho T.R. *Censos e construção nacional no Brasil Imperial* / T.R. Botelho // *Tempo Social*. – 2005. – Vol. 17. – No 1.

¹¹ Callari C.R. *Os Institutos Históricos: do Patronato de D. Pedro II à construção do Tiradentes* / C.R. Callari // *Revista Brasileira de História*. – 2001. – Vol. 21. – No 40.

¹² *О роли археологии в развитии идентичности и националистического воображения в Бразильской Империи см.: Langer J. O mito do Eldorado* / J. Langer // *Revista de História*. – 1997. – No 136. – P. 25 – 40; Langer J. *As cidades imaginárias do Brasil* / J. Langer. – Curitiba, 1997; Langer J. *Mitos arqueológicos e poder* / J. Langer // *Clio – Série Arqueológica*. – 1997. – Vol. 1. – No 12. – P. 109 – 125; Langer J. *Enigmas arqueológicos e civilizações perdidas no Brasil oitocentista* / J. Langer // *Anos 90*. – 1998. – No 9. – P. 165 – 185; Langer J. *Os enigmas de um continente: as origens da arqueologia americana, 1750 – 1850* / J. Langer // *Estudos Ibero-Americanos*. – 2001. – Vol. XXVII. – No 1. – P. 143 – 158; Langer J. *Ruínas e mito: a arqueologia no Brasil império. Tese de doutorado em História* / J. Langer. – Curitiba, 2000; Langer J. *A Esfinge atlante do Paraná: o imaginário de um mito arqueológico* / *História, questões e debates*. – 1996. – Ano 13. – No 25. – P. 148 – 163; Langer J. *As origens da arqueologia clássica* / J. Langer // *Revista do Museu de Arqueologia e Etnologia*. – 1999. – Np 9. – P. 95 – 110.

¹³ Langer J. *A Cidade Perdida da Bahia: mito e arqueologia no Brasil Império* / J. Langer // *Revista Brasileira de História*. – 2002. – Vol. 22. – No 43.

¹⁴ Kraay H. *Alferes Gamboa e a Sociedade Comemorativa da Independência do Império, 1869 – 1889* / H. Kraay // *Revista Brasileira de História*. – 2011. – Vol. 31. – No 61.

¹⁵ Moreira V. *O ofício do historiador e os índios: sobre uma querela no Império* / V. Moreira // *Revista Brasileira de História*. – 2010. – Vol. 30. – No 59.

¹⁶ Ramos Mendes J.S. *Designios da Lei de Terras: imigração, escravidão e propriedade fundiária no Brasil Império* / J.S. Ramos Mendes // *Cadernos CRH*. – 2009. – Vol. 22. – No 55.

¹⁷ Beiguelman P. *A formação do povo no complexo cafeeiro* / P. Beiguelman. – São Paulo, 2005.

¹⁸ Cruz M.A. *Agruras dos emigrantes portugueses no Brasil* / M.A. Cruz // *Revista de História*. – 1986. – Vol. 7; Klein H. *A integração social e econômica dos imigrantes portugueses no Brasil nos finais do século XIX e no século XX* / H.A. Klein // *Revista Brasileira de Estudos de População*. – 1989. – Vol. 6. – No 2. – P. 17 – 37; Levy M.S.F. *O papel da imigração internacional na evolução da população brasileira (1872 a 1972)* / M.S.F. Levy // *Revista de Saúde Pública*. – 1974. – No 8. – P. 49 – 90.

¹⁹ Alencastro L.F. *Vida privada e ordem privada no Império* / L.F. Alencastro // *História da Vida Privada no Brasil* / org. F.A. Novais. – São Paulo, 1997. – Vol. 2. – P. 67 – 78.

²⁰ Costa e Silva A. da, *Comprando e vendendo Alcorões no Rio de Janeiro do século XIX* / A. da Costa e Silva // *Estudos Avançados*. – 2004. – Vol. 18. – No 50.

²¹ *О факторе рабовладения в развитии Бразильской Империи и социо-культурной специфике развития негров см.: Bastide R. As religiões africanas no Brasil* / R. Bastide / trad. Maria Eloisa Capellato e Olívia Krähenbühl. – São Paulo, 1971; Ramos A. *O negro brasileiro* / A. Ramos. – Recife, 1934; Ramos A. *As culturas negras do novo mundo* / A. Ramos. – São Paulo, 1946; Rodrigues N. *Os africanos no Brasil* / N. Rodrigues. – São Paulo, 1932.

²² Coelho Soares A.C.E. *Nos caminhos da pena de um romancista do século XIX: o Rio de Janeiro de Diva, Luciola e Senhora* / A.C.E. Coelho Soares // *Revista Brasileira de História*. – 2010. – Vol. 30. – No 60.

²³ *Práticas da leitura* / org. R. Chartier. – São Paulo, 2001; Chartier R. *A aventura do livro: do leitor ao navegador* / R. Chartier. – São Paulo, 1999; Chartier R. *A história cultural: entre práticas e representações* / R. Chartier. – Rio de Janeiro, 1988; Chartier R. *A ordem dos livros: leitores, autores e bibliotecas* / R. Chartier. – Brasília, 1994; Chartier R. *História da leitura no mundo ocidental* / R. Chartier. – São Paulo, 1999.

²⁴ Ribeiro L.F. *Mulheres de papel: um estudo imaginário de José de Alencar e Machado de Assis* / L.F. Ribeiro. – Rio de Janeiro, 1996.

²⁵ Guimarães M.R.C. *Os manuais de medicina popular do Império e as doenças dos escravos: o exemplo do "Chernoviz"* / M.R.C. Guimarães // *Revista Latinoamericana de Psicopatologia Fundamental*. – 2008. – Vol. 11. – No 4.

²⁶ *Об истории психиатрии в Бразильской Империи см.:* Berchere P. *Os fundamentos da clínica: história e estrutura do saber psiquiátrico* / P. Berchere. – Rio de Janeiro, 1989; Castel P. *A ordem psiquiátrica: a idade de ouro do alienismo* / P. Castel. – Rio de Janeiro, 1978; Costa J.F. *História da psiquiatria no Brasil: um corte ideológico* / J.F. Costa. – Rio de Janeiro, 1989.

²⁷ Siqueira Gonçalves M. de, Coelho Edler F. *Os caminhos da loucura na Corte Imperial: um embate historiográfico acerca do funcionamento do Hospício Pedro II de 1850 a 1889* / M. de Siqueira Gonçalves, F. Coelho Edler // *Revista Latinoamericana de Psicopatologia Fundamental*. – 2009. – Vol. 2. – No 2.

ТЕМА НОМЕРА - II «ИНВЕНЦИОНИСТСКИЙ ПОВОРОТ» И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКИ

«ИНВЕНЦИОНИСТСКИЙ ПОВОРОТ» И ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА: *латиноамериканские перспективы и измерения*

В этой статье Автор анализирует проблемы «инвенционистского поворота» как фактора в развитии методологии латиноамериканских исследований. Британские историки Эрик Хобсбаум и Теренс Рэйнджэр в 1983 году опубликовали сборник статей «Изобретение традиции». Эта книга стала не только классической, но и привела к началу «инвенционистского поворота» в исследованиях национализма. Воображение и изобретение стали важными факторами в развитии национализма. Изобретение традиций содействовало укреплению идентичности. Изобретение традиций было формой открытия национальной истории и мифологизации прошлого.

Ключевые слова: *нация, национализм, изобретение, воображение, традиция, изобретение традиции, историческая память*

The Author analyses problems of «inventionist turn» as factor in development of methodology of Latin American studies in this article. The British historians Eric Hobsbawm and Terence Ranger in 1983 published collection of articles «The Invention of Tradition». This book became classic and also assisted to beginning of «inventionist turn» in Nationalism Studies. The imagination and invention became important factors in development of nationalism. The invention of traditions assisted to strengthening of identity. The invention of traditions was the form of national history discovery and mythologization of the past.

Keywords: *nation, nationalism, invention, imagination, tradition, invention of tradition, historical memory*

Констатация того, что отечественная латиноамериканистика развивается иначе или по ряду направлений даже в значительной степени уступает западным *Latin American Studies*, стало уже общим местом для многих статей автора¹. Тем не менее, Автор вновь вынужден повторить, что отечественные исследования в сфере изучения национализма и нациестроительства в странах Латинской Америки невозможно сравнивать с теми работами, который создаются европейскими и американскими исследователями. Российские исследования в этом

направлении проигрывают как в методологическом, так и в чисто количественном отношении. Некоторые работы автора², посвященные национализму, национальной и исторической памяти в Южной Америке, фактически незамечены российскими авторами, что свидетельствует о значительной фрагментации латиноамериканистского сообщества в России, превалировании негативной консервативной динамики в его развитии.

В настоящей статье Автор вновь предпримет попытку переноса западных методов исследования, их популяризации в контексте изучения истории Латинской Америки. Речь пойдет о т.н. «инвенционистском повороте» в западном гуманитарном знании и его потенциале в контексте развития латиноамериканистики. Гуманитарные науки Запада (а российские гуманитарные исследования, как полагает автор, даже и в советский период существовали и функционировали в рамках западной модели) – это в определенной степени науки «turns» или «поворотов». Не вызывает сомнения роль антропологического, перформативистского³, имперского⁴, постколониального⁵ поворотов в развитии и функционировании различных сфер гуманитарного знания. Настоящая статья в большей степени имеет теоретический характер и в качестве своей цели имеет попытку объяснения, как методологических оснований рассматриваемого подхода, так и сфер его возможного применения для изучения истории стран Латинской Америки.

«Инвенционистский поворот» в западном гуманитарном знании начался в 1983 году. 1983 год стал знаковым для развития изучения национализма на Западе, хотя его значения в Восточной Европе стало осознаваться и пониматься несколько лет спустя – после падения СССР и ликвидации методологической монополии идеологизированных форм знания. Именно в 1983 году увидели свет три знаковые и культовые книги – «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера⁶, «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона⁷ и собственно – первая работа, написанная в стиле только начинавшегося инвенционистского поворота и фактически положившая ему начало – «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума и Тэрэнса Рэйнджера⁸. Оригинальное название последней книги – «Invention of Tradition». Позднее на английском языке вышло немало работ⁹, которые эксплуатировали именно эту – «инвенционистскую» составляющую.

Каковы же основные положения классического инвенционизма и какую роль в развитии изучения национализма сыграл «инвенционистский поворот»? Примечательно то, что авторы книг 1983 года, упомянутых выше, говорили на одном методологическом и теоретиче-

ском языке, придя в значительной степени к сходным и близким выводам. Нации воспринимались ими не как костные, незыблемые и вечно существующие явления, а как продукты современности, результаты постепенного распада традиционного общества. Бенедикт Андерсон писал непосредственно о нациях как о «воображаемых сообществах», что актуализировало сам факт их современности, искусственности, изобретенности и придуманности. Эрик Хобсбаум и его единомышленники писали о нациях как об изобретаемых традициях. Различие было исключительно и только в терминах, а методологические и теоретические подходы к изучению феномена национального в значительной степени были схожи и имели немало общего.

Итак, обратимся непосредственно к тексту первоисточника. Издание 1983 года в значительной степени носит теоретический характер. К настоящему времени оно, к сожалению, не переведено на русский, но переведено на романские (португальское издание вышло очень быстро – в 1984 году¹⁰) и некоторые славянские языки. При написании этой статьи автор использовал украинское издание 2005 года¹¹.

Эрик Хобсбаум занимает особое место среди исследователей национализма¹², которые полагают, что национализм и все связанные с ним политические мифы и традиции относятся к числу новых явлений. В этом отношении традиции – это искусственно созданные ритуалы¹³, связанные с национальной идентичностью, которые в одинаковой степени содействуют ее укреплению, развитию, а также мифологизации. В связи с этим в первой половине 1980-х годов он подчеркивал, что «традиции, которые кажутся древними или претендуют на то, чтобы быть таковыми, довольно часто оказываются новыми и изобретенными»¹⁴. Изобретенные традиции, как полагает Э. Хобсбаум, в зависимости от ситуации могут «устанавливать или символизировать социальное единство или членство в группах, реальных или искусственных сообществах... устанавливать или легитимизировать институции, статус или государственные связи... социализировать, навязывать убеждения, системы ценностей и правила поведения»¹⁵. «Нет эпох и земель, известных историкам, которые не знали бы “изобретения” традиций»¹⁶, – подчеркивает Э. Хобсбаум, указывая на универсальность процесса изобретения и конструирования традиций. В этом отношении опыт по намеренному созданию традиций, историзации прошлого, ритуализации его наиболее важных с точки зрения национальной консолидации и укрепления идентичности событий характерен для истории большинства национализмов. Роль национализма в становлении традиции / ритуала как необходимой составляющей на-

ционального государства исследована в отношении европейских¹⁷, восточных¹⁸ и африканских национализмов¹⁹. Современные европейские и американские (в том числе – латиноамериканские) национализмы и традиции – исторические ровесники. Развитие национализма и создаваемых им наций и национальных / национализирующихся государств шло рука об руку. Комментируя термин «изобретенная традиция» Э. Хобсбаум подчеркивал, что этот термин может использоваться для обозначения изобретенных, то есть сознательно разработанных традиций. Расширяя эту дефиницию, Э. Хобсбаум подчеркивает, что изобретение традиций связано с формализацией и ритуализацией прошлого²⁰. О ритуализации в контексте развития идентичности писал и Дэйвид Кеннедайн²¹. С другой стороны, «изобретенная традиция» – это и совокупность «практик ритуального или символического характера», которые стремятся утвердить определенный набор ценностей и норм, автоматически предусматривающих «связь с прошлым». Примечательно, что это прошлое, которое интегрировано в «новую традицию может быть не очень далеким и не скрываться в тумане столетий»²². Именно поэтому изобретенные традиции самым тесным образом связаны с «относительно недавним историческим новообразованием»²³ – нацией – и связанными с ней феноменами – национализмом, национальным государством, национальной символикой и национальной историей. Кроме этого, оно, точнее – факт осознания его существования, предусматривает со стороны граждан необходимость формальных процедур, которые периодически повторяются с целью стимулировать идентичность и периодически пробуждать национальную и историческую память.

Подобные эксперименты с прошлым, фактически направленные на его создание и написание национальной истории или ее различных версий в значительной степени характерны для относительно молодых национальных государств, к числу которых относятся и страны Латинской Америки, где большинство «изобретенных традиций» связано с развитием национальной идентичности как политической, что в массовом сознании, например, бразильцев ассоциируется с совокупностью идеалов коммеморации, публичного вспоминания тех исторических моментов, которые связаны с борьбой за независимость. К числу упомянутых выше периодически используемых методов стимулирования памяти, вероятно, следует относить празднования дня независимости, разного рода юбилеи.

Завершая настоящую статью, автор считает необходимым не только отразить теоретическую роль инвенционистского подхода, но и показать его потенциал в деле изучения Латинской Америки. Какова

специфика инвенционизма? Инвенционизм представляет собой пересечение нескольких сфер гуманитарного знания. В этом отношении не вызывает сомнения его междисциплинарный потенциал. Инвенционистские исследования строятся на использовании методов исторических и политических наук, социологии и культурных исследований. Центральную роль инвенционистская парадигма может играть в изучении истории наций, национализма и национальных идентичностей в странах Латинской Америки. Если мы воспринимаем нации, тем более – латиноамериканские, как продукты современной эпохи, то потенциал инвенционизма не может вызывать сомнения.

Современные нации формируются и функционируют как воображаемые сообщества, создаваемые националистически ориентированными интеллектуалами и политиками. В этом отношении участие в нации, осознание идентичности исторически не predetermined, это преимущественно результаты сознательного, осознанного и осознаваемого выбора. Именно поэтому латиноамериканские нации – это результаты почти невидимых ежедневных рефлексий и спекуляций как простых латиноамериканцев, так и местных интеллектуалов относительно того, кто мы, какова наша история и каково наше место в мире – среди других наций, которые фактически являются такими же воображаемыми и воображенными сообществами. Формы этих осознанных или неосознаваемых, не ежедневных, но плебисцитов относительно нации – в значительной степени универсальны, хотя меняются от одной латиноамериканской страны к другой, что связано со спецификой их национальных историй.

Плебисциты, о которых идет речь, связаны с работой исторической и национальной памяти, формированием и функционированием целого комплекса политических традиций. Одной из форм этого национального плебисцита следует признать разного рода праздники, связанные с коммеморацией различных событий из национальных историй южноамериканских наций, связанных, как правило, с утверждением независимости и созданием независимых государств. Речь идет о празднованиях достижения независимости различными южноамериканскими странами. Не менее важную роль наряду с праздниками в деле коммеморации прошлого и укрепления национальной идентичности играют разного рода музеи, призванные предлагать некоторые сознательно музеифицированные формы истории массам посетителям, часть из которых должна стать гражданами той или иной страны, воспринимая как свою и, как следствие, воспроизводя последующим поколениям ее идентичность.

Перечисленные проблемы – не единственные, которые можно исследовать в рамках инвенционистского подхода. История национальных литератур стран Латинской Америки, история политических традиций также относятся к примерам сознательного изобретения и в дальнейшем массового, серийного (при помощи образования) воспроизводства идентичности. Таким образом, инвенционистский поворот, ставший важным этапом в изучении европейских национализмов, имеет немалый потенциал и для развития отечественной латиноамериканистики. Возможное появление исследований, написанных и выполненных в инвенционистском стиле, может стать важным фактором для развития российской латиноамериканистики.

М.К.

¹ Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С.11 – 21; Кирчанов М.В. Российское бразиловедение: между консервативной стабильностью, методологическим кризисом и маргинализацией / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 6. – С. 84 – 94; Кирчанов М.В. *Ordem e Progresso*. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008.

² Кирчанов М.В. *No raz, o progresso... na guerra, a vitória*: бразильские военные *lieux de memoire* в контексте развития политического национализма / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 6. – С. 18 – 24.

³ Кирчанов М.В. Восстание как акт, бунтарь как социальная роль: социальная перформативность в истории Бразильской Империи / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 7. – С. 69 – 84.

⁴ Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação*. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2008. – 155 с.

⁵ Кирчанов М.В. Руритания vs Мегаломания: политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке (литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 179 с.

⁶ Gellner E. *Nations and Nationalism* / E. Gellner. – L., 1983. Эта и другие работы Э. Геллнера переведены на несколько языков (Геллнер Э. *Нации и национализм* / Э. Геллнер. – М., 1991; Геллнер Э. *Пришествие национализма. Мифы нации и класса* / Э. Геллнер // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 146 – 200; Геллнер Э. *Нациите и национализмот* / Э. Геллнер. – Скопје, 2001; Геллнер Э. *Условията на свободата: Гражданското общество и неговите съперници* / Э. Геллнер / прев. от англ. Л. Шведова. – София, 1996; Геллнер Э. *Нации и национализм* / Э. Геллнер / прев. Ив. Ватова и Алб. Знеполска. – София, 1999; Геллнер Э. *Срещи с национализма* / Э. Геллнер / прев. Ивелина Ватова. – София, 2002; Gellner E. *Uvijeti slobode. Civilno društvo i njogovi suparnici* / E. Gellner. – Zagreb, 2001) в том числе – и на романские (Gellner E. *Nacionalismo* / E. Gellner. – Barcelona, 1998; Gellner E. *O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe* / E. Gellner // *Um mapa questão nacional* / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Gellner E. *Nacionalismo e democracia* / E. Gellner. – Brasília, 1981).

⁷ Anderson B. *Imagined Communities* / B. Anderson. – NY., 1983. Эта, ставшая классической, книга переведена на несколько языков (Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. *Замислени заедници* / Б. Андерсон. – Скопје, 1998; Андерсон Б. *Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму* / Б. Андерсон. – Київ,

2001; Андерсън Б. Въобразените общности: Размишления върху произхода и разпространението на национализма / Б. Андерсън / прев. Я. Генова. – София, 1998) в том числе – и на романские (Anderson B. *Nação e consciência nacional* / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. *Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo* / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. *Problemas dos nacionalismos contemporâneos* / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: *um inquito observador de estrelas* // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15).

⁸ *The Invention of Tradition* / eds. Eric Hobsbawm, Terence Ranger. – Cambridge, 1983. Другие работы Э. Хобсбаума переведены на иностранные языки (Хобсбаум Е. *Нации и национализм от 1780* / Е. Хобсбаум. – Скопје, 1993; Хобсбом Е. *Нации и национализм от 1780 до днес: Програма, мит, реалност* / прев. от англ. М. Пупева и Е. Георгиев. – София, 1996), в том числе – и романские (Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo desde 1780* / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990; Hobsbawm E. *Naciones y nacionalismo desde 1780* / E. Hobsbawm. – Barcelona, 1992; Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E. *Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995).

⁹ Brudny Y. *Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953 – 2001* / Y. Brudny. – Cambridge, 1998; Wong D. *Of Irish extraction: translation, selection and re-invention* / D. Wong // ISR. – 2004. – Vol. 12. – No 2. – P. 213 – 224.

¹⁰ *A Invenção das tradições* / org. E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984.

¹¹ *Винайдення традиції / за ред. Е. Хобсбаума та Т. Рейнджера* / пер. з англ.; наук. ред. М. Климчука; наук. конс. А. Галушка, О. Толочко, Т. Цимбал. – Київ, 2005.

¹² *О роли Эрика Хобсбаума и связанных с ним историков см.: Климчук М. «Паст енд Презент»: винахідники традицій* / М. Кличук // *Винайдення традиції / за ред. Е. Хобсбаума та Т. Рейнджера* / пер. з англ.; наук. ред. М. Климчука; наук. конс. А. Галушка, О. Толочко, Т. Цимбал. – Київ, 2005. – С. 6 – 11.

¹³ Тревор-Роупер Г. *Винайдення традиції: горська традиція Шотландії* / Г. Тревор-Роупер // *Винайдення традиції*. – С. 29 – 58; Морган П. *З небуття на поверхню: пошуки валлійського минулого в період романтизму* / П. Морган // *Винайдення традиції*. – С. 59 – 123.

¹⁴ Гобсбаум Е. *Вступ: винаходження традицій* / Е. Гобсбаум // *Винайдення традиції*. – С. 12.

¹⁵ Гобсбаум Е. *Вступ: винаходження традицій*. – С. 22.

¹⁶ Гобсбаум Е. *Вступ: винаходження традицій*. – С. 17.

¹⁷ Гобсбаум Е. *Масове традицієтворення: Європа, 1870 – 1914 рр.* / Е. Гобсбаум // *Винайдення традиції*. – С. 303 – 352.

¹⁸ Кон Б. *Репрезентування влади в вікторіанській Індії* / Б. Кон // *Винайдення традиції*. – С. 192 – 242.

¹⁹ Рейнджер Т. *Винайдення традиції в колоніальній Африці* / Т. Рейнджер // *Винайдення традиції*. – С. 243 – 302.

²⁰ Гобсбаум Е. *Вступ: винаходження традицій*. – С. 16.

²¹ Кеннедайн Д. *Контекст, виконання і значення ритуалів: британська монархія і «винайдення традиції» в 1820 – 1977 рр.* / Д. Кеннедайн // *Винайдення традиції*. – С. 124 – 191.

²² Гобсбаум Е. *Вступ: винаходження традицій*. – С. 13.

²³ Гобсбаум Е. *Вступ: винаходження традицій*. – С. 27.

Келли ФЕНИСИ
Лица ЛАПЛАНТЕ

ПЕРУ: БОРЬБА ЗА ПАМЯТЬ^{*}

7 апреля 2009 г. бывший президент Перу Альберто Фухимори был признан виновным в том, что в течение десяти лет своего правления (1990-2000 гг.) по его приказу убивали и похищали людей; это событие имеет большое значение для страны, которая стремится восстановить справедливость после преступлений и нарушений, совершенных за время горьких внутренних конфликтов, раздиравших прошлое поколение.

Суд над Фухимори, продолжавшийся пятнадцать месяцев, завершился приговором – тюремное заключение сроком на двадцать пять лет, но этого еще недостаточно, чтобы положить конец борьбе перуанцев за примирение. Многие раны прошлого еще не затянулись; «войны памяти», имеющие зачастую политическое значение, делают эти раны еще более болезненными. Что именно необходимо помнить о том периоде (приблизительно 1980 – 2000 гг.), на который пришёлся пик вооружённых конфликтов между государством и партизанскими отрядами (в первую очередь, «Сияющего пути» («Сендеро луминосо»), но также и Революционного движения имени Тупак Амару, MRTA). Каким образом следует увековечить память об этих конфликтах и их жертвах? Что представляют собой эти «правда и примирение», к которым стремятся перуанцы?

В Перу никогда не было такого процесса, какой имел место в постфранкистской Испании и получил название «пакт забвения». Наоборот, в 2001 г. была создана «Комиссия по правде и примирению», целью которой было исследовать конфликт между повстанцами и регулярной армией. По оценкам, содержащимся в ее итоговом отчете, опубликованном в 2003 г., в ходе этого конфликта было убито почти 70 000 человек; жертвами обычно становились члены исторически маргинализованной части общества – местные крестьяне, едва образованные или вообще не имеющие образования. Комиссия поставила перед собой и страной амбициозную задачу – обратиться к прошлому, с тем чтобы построить более справедливое, честное и безопасное будущее. В частности, она рекомендовала всеми средствами сохранять национальную память о политическом насилии; сюда отно-

^{*} Публикуется по: Фениси К., Лапланте Л. Перу: борьба за память / К. Фениси, Л. Лапланте. – (<http://www.polit.ru/article/2009/04/14/peru/>)

сятся уголовные процессы, полная компенсация, а также символические меры.

С тех пор, как Комиссия завершила свою работу, многие перуанские художники, писатели и ученые обращались в своих работах к темам, связанным с насилием. К числу таких произведений относится удостоенный гран-при на Берлинале-2009 фильм «Молоко скорби», который показывает, какой ущерб был нанесен психическому здоровью пострадавших. Но ни эти образные, ни какие-либо другие исследования всё еще не решили спор о противоречивом прошлом.

О том, сколько эмоций всё еще вызывает этот период, напомнил эпизод, когда поступило предложение построить музей, который бы рассказывал и показывал историю конфликта и хранил бы память о его влиянии на Перу. Идея создать музей возникла благодаря еще одному громкому мероприятию – выставке под названием *Yuyanapaq*, на которой представлены картины и фотографии, собранные Комиссией. Правительство Германии выделило своим перуанским коллегам 2 млн. долларов, чтобы они претворили в жизнь этот новый проект.

Вначале перуанское правительство скептически отнеслось к предложению создать музей; президент Алан Гарсиа Перес назвал это мероприятие «данью жертвам терроризма, не отражающей национальных представлений об этом периоде». Далее, он утверждал, что страна всё еще «заражена» духом «мести», и призывал перуанцев помириться друг с другом. Он предлагал перенаправить выделенные деньги на более необходимые социальные программы.

Тот факт, что Алан Гарсиа не одобрил проект, повлек за собой яростную дискуссию. Министр обороны страны, Антеро Флорес-Араос, следуя довольно любопытной логике, согласился, что музей попросту неприоритетен: «Если люди хотят ходить в музеи и при этом ничего не едят, они умрут от голода». Архиепископ Лимы Хуан Луис Сиприани – сторонник тогдашних правительственных бесчинств – также поддержал позицию президента и сказал, что музей не будет способствовать примирению среди перуанцев. В наиболее дипломатичном тоне высказался премьер-министр Еуде Симон – один из тысяч перуанцев, незаслуженно заключенных в тюрьму во время президентства Фухимори: от лица перуанского правительства он сказал, что они примут финансовую помощь, но будет лучше, «если она достанется жертвам насилия» в иной форме (например, в виде денежной компенсации).

Сторонники создания музея стали возражать. Знаменитый романист Марио Варгас Льоса утверждал, что если бы все следовали логике министра обороны, то не было бы ни Прадо в Мадриде, ни Лувра в

Париже, ни Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Перуанцам нужен музей памяти, - писал он, - «чтобы противостоять нетерпимости, слепоте и тупости, которые развязывают руки политическому произволу».

Перуанские журналисты, ученые и активисты также критиковали позицию правительства. Актриса Магали Сольер, которая выросла в регионе Аякучо, где конфликт проявлял себя в наиболее жесткой форме, в одном из интервью высказала предположение, что Алан Гарсиа, вероятно, «боится вспоминать, что он сам делал». Действительно, если музею при самом пристальном историческом подходе ничто не будет угрожать, он может вскрыть такие аспекты прошлого, о которых нынешний президент предпочел бы умолчать. Так, во время первого президентства Алана Гарсиа в Перу был самый высокий в мире уровень исчезновения людей, а также самые высокие темпы инфляции. Некоторые случаи были исследованы еще Комиссией, и теперь они ожидают решения Межамериканского суда по правам человека.

Музей – это всего лишь один из примеров проблем, с которыми сталкивается Перу на пути к достижению первоочередной цели процесса, инициированного Комиссией по правде: к формированию коллективной памяти. Подобным образом, радикальные расхождения проявились и в случае с судом над Альберто Фухимори. В соответствии с рекомендациями Комиссии, у государства была возможность обеспечить экстрадицию Фухимори, чтобы он предстал перед судом по обвинению в нарушении прав человека во время своего пребывания у власти. Но это оказалось трудной задачей. Неожиданностью стало то, что после начала судебного процесса в декабре 2007 г. популярность Фухимори возросла; например, опрос за июль 2008 г. показал, что хотя 53% перуанцев считают Фухимори виновным в нарушении прав человека, почти 65% сказали, что они одобряют действия его правительства, так как они уверены, что он боролся с группировками, ведущими подрывную деятельность, и спасал страну. Позднее в *El Comercio* были опубликованы результаты опроса, в соответствии с которыми 38% перуанцев считают, что Фухимори организовывал заказные убийства и должен быть лишен свободы, и 14% полагают, что он абсолютно невиновен.

Кроме того, дочь Альберто Фухимори Кейко, по данным опросов, сейчас обгоняет нынешнего мэра Лимы как наиболее популярный кандидат на президентских выборах, которые должны состояться в 2011 г. Она заявляет, что в случае победы на выборах она амнистирует своего отца; она повторила это обещание после того как 7 апреля был вынесен приговор. Во многих уголках Перу сторонники Фухимо-

ри выступают с одним и тем же лозунгом: «Кейко – сила Перу, Фухимори невиновен».

Противники Фухимори, со своей стороны, тоже давили на суд, добиваясь, чтобы он признал в нем «интеллектуального лидера» политических чисток. Во время демонстрации в Лиме, в знаменитом парке Campo de Marte (там находится памятник жертвам насилия) участники несли плакаты с нарисованным изображением Фухимори, облаченного в полосатую арестантскую одежду. Позднее прошла демонстрация в поддержку обвиняемого. Политическая война и война памяти неразрывно связаны между собой.

Постоянная критика со стороны перуанского гражданского общества увенчалась встречей Алана Гарсиа и Марио Варгаса Льоса, состоявшейся 25 марта. После этого президент подписал «высочайшее разрешение» продолжать музейный проект и назначил специальную комиссию для его «координации, оформления, осуществления» и управления им. Варгас Льоса возглавит комиссию, которая, по его словам, будет работать в интересах «максимальной объективности» и стараться, чтобы музей представлял «различные версии» развития внутреннего вооруженного конфликта. Этот план получил одобрение со стороны самых разных представителей общества, даже со стороны армии. «Если этот проект позволит перуанцам объединиться, его необходимо всячески приветствовать», - заявил один перуанский генерал.

Наконец-то все сошлись на том, что музей должен быть. Но непростой процесс, который привел к этому решению, сам по себе свидетельствует о том, что в стране всё еще есть проблемы с вовлечением в диалог по поводу ее спорного прошлого и с формированием общей памяти об этом конфликте, - проблема, которая осталась несмотря на все усилия

Известный перуанский социолог Гонсало Портокарреро более десяти лет назад написал, что Перу не удастся «сформировать коллективную память», то есть сделать некое обобщение истории страны, выявляющее «повторяющиеся, симптоматичные ситуации с большими последствиями». Говоря в терминах долгосрочной перспективы, относительным успехом Комиссии можно считать то, как страна теперь обращается со своим прошлым; это также открывает новые возможности для достижения примирения, и одна из таких возможностей, вероятно, заключается в музейном проекте.

Перу всё еще пытается «договориться со своим прошлым», если использовать фразу, которая описывала проблему Германии после Второй мировой войны. С тех пор, как СМИ вышли из-под жесткого

контроля, прошло почти десять лет, и то, что сегодня в Перу так свободно можно высказывать самые разные мнения, внушает большие надежды; частично эта свобода проявляется и в том, что после осуждения Альберто Фухимори вновь послышались голоса в защиту «стабильности», которую он установил. Но свобода и открытость, помимо огромных благ, несут также ответственность и риск. Для Перу важно создать такие гражданские условия, которые служили бы ресурсом для развития либеральной демократии; перуанцы не должны позволить использовать их как инструмент для возобновления конфликта.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ В СТИЛЕ ЛАТИНО*

Страны Латинской Америки в прошлом были колониями Испании и Португалии. Европейские колонизаторы уничтожали культуру коренного населения как языческую и нехристианскую. В современной Южной Америке активно развиваются тенденции деколонизации. Индейские культуры и языки пребывают в состоянии своеобразного этнического ренессанса.

Ключевые слова: Южная Америка, индейцы, колонизация, деколонизация

The countries of Latin America were colonies of Spain and Portugal in the past. The European colonialists destroyed the culture of native population as pagan and non-Christian. The tendencies of decolonization actively develop in contemporary South America. The Indian cultures and languages are in a phase of ethnic Renaissance.

Keywords: South America, American Indians, colonization, decolonization

Украинцам мало что известно об общественно-политических процессах, которые происходили и происходят в настоящее время в странах Южной Америки, но, несмотря на расстояние и, на первый взгляд, отличие культур, у нас немало общего. Во-первых, и самое главное – это горький опыт колониальной зависимости. Латинская Америка уже проходила то, что должна сделать в настоящее время Украина, и нам стоило бы выучить горькие уроки этих стран.

В начале XIX века по страна Южной Америки прокатилась волна революций во главе с Симоном Боливаром – лидером борьбы за независимость от Испании. Характерно то, что эти так называемые войны за независимость проводили те же испанцы-завоеватели. При этом коренное население фактически к этим войнам причастным не было, а после получения независимости от испанской короны они очутились вне процессов государственного строительства. Два десятка лет назад Украина тоже объявила независимость от российской метрополии, но коренное население – украинцы – так и остались за бортом государственного корабля. Как и в том, так и в нашем случае, изменение элиты не состоялось. Латинской Америке понадобилось еще 200 лет, чтобы прийти в себя от тяжелого колониального забвения.

Во-вторых, причины войн за независимость. Зачем сами испанцы вели войну против своей же страны? Ответ заключается в банальных меркантильных интересах. Дешевый труд рабов, в первую очередь индейцев, давал огромные прибыли от плантаций, поэтому в один

* Печатается по: Тарасюк І. Деколонізація в стилі латино / І. Тарасюк // Український тиждень. – 2011. – 6 червня. – (<http://tyzhden.ua/World/24136>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

прекрасный момент правители решили, что отдавать часть своих богатств испанской монархии невыгодно. Следовательно, правящая элита прибегла к заигрыванию с низшими слоями населения, обещая им свободу и всевозможные социальные блага по получении независимости. Неудивительно, что, достигнув цели, все обещания счастливого будущего для индейцев были забыты [...]

[...] В-третьих, поражает также подобие постколониальной жизни. Потомки колонистов остались у власти. При этом всячески запрещались местные языки, символы, уничтожались и грабились индейские территории. Коренные жители не имели возможности получить хорошее образование, им навязывали испанский язык, а о какой бы то ни было карьере индейцы не могли и мечтать. Ничего не напоминает?

И только 200 лет по получении независимости страны Южной Америки начинают понемногу возрождать свою древнюю культуру. Недавно была пересмотрена официальная история, написанная завоевателями, и уже современные дети изучают в школе, что Америку никто не открывал, что есть сведения, что викинги еще за 500 лет до Колумба плавали в Америку, что европейцы фактически как разбойники и пираты грабили, прибегая к насилию и мошенничеству, уничтожили величественные культуры инков (в Перу, Чили, Боливия, Эквадор и частично Аргентина), майя (современные Гватемала, Гондурас, частично Сальвадор и Центральная Мексика), ацтеков (Мексика, частично Гватемала), а местных жителей превратили в рабов и пытались всячески унижить их духовное наследие.

Очевидно, что в настоящее время происходит переосмысление прошлого стран Южной Америки на разных уровнях: в Боготе, столице Колумбии, осквернен памятник Америго Веспуччи [...] После этого стало понятно, как население относится к своим «открывателям». В городе Куско в 1991 году (примерно через 500 лет после вторжения испанцев) установили памятник последнему императору инков, а в региональном музее появилась прекрасная экспозиция под названием «500 лет порабощение: история сопротивления». Те, кому интересно, могут узнать (для туристов надписи сделаны на английском языке), как была уничтожена элита инков, как четвертовали последнего правителя империи, как запрещали язык кечуа, как местное население тайком рисовало на горшках и мисках свои древние символы и как детям шепотом пересказывалась правдивая история, как были разрушены храмы и святилища инков, а вместо этого миссионерами строились церкви. В Мексике в ресторанах все меню в ресторанах подаются на двух языках – на испанском и на языке науатль – или исключительно

на последнем. В Перу большинство улиц имеет индейские названия, а в селах можно услышать язык инков.

Конечно, в латиноамериканских странах есть свои проблемы. Это та же коррупция, лишь не такая масштабная, как в Украине [...] и наркоторговля, и проблема получения образования индейцами, и преодоление границы между зажиточными потомками испанцев, которые обогатились за счет грабежа коренного населения, и бедными аборигенами.

Хотелось бы, чтобы Украина не столкнулась с подобными проблемами, от которых пострадали страны Южной Америки. То, что переживают в настоящее время украинцы, уже было когда-то с другими. Чем быстрее мы простимся с нашим колониальным прошлым, тем быстрее начнем жить в нормальном государстве. А начать следует с того, чтобы признаться самим себе, что мы, к сожалению, бывшая колония, которой руководят ставленники метрополии.

ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА*

Страны Латинской Америки имеют значительные трудности в деле формирования национальной идентичности. Постколониальное политическое, культурное, социальное и интеллектуальное наследие играет важную роль в процессах формирования идентичности. Постколониальные пережитки (дискриминация, расизм) тормозят процесс национального строительства. Перу – страна, которая в XX веке получила уникальный опыт строительства нации и синтеза индейского и испанского наследия.

Ключевые слова: Латинская Америка, Перу, идентичность, национализм, постколониализм

The states of Latin America have considerable difficulties in formation of national identity. The post-colonial political, cultural, social and intellectual legacies play an important role in processes of identity formation. The post-colonial vestiges (discrimination, racism) brake the process of nation-building. Peru is a country which in the 20th century got unique experience of nation-building and synthesis of the Indian and Spanish legacies.

Keywords: Latin America, Peru, identity, nationalism, post-colonialism

Перу – особенная страна Южной Америки. Это – и не Бразилия с ее грандиозными карнавалами и невероятной бедностью окраин мегаполисов. Это – и не Венесуэла с авторитарными манерами ее президента. Перу – страна-медиум, которая сегодня вместе с другими государствами Латинской Америки ищет свое национальное мотто. Еще Гарсиа Маркес в Нобелевской речи говорил о проблеме «одиначества Латинской Америки» как особенном геополитическом и культурном субъекте, который для мира остается чужим и экзотичным. Одиначество Перу, страны, которую Паскуаль де Андогоя открыл в 1522 году, длится уже четыре века.

Сегодня мы понимаем, что «экзотичность» живет лишь в колонизаторском сознании. Еще Эдвард Саид описывал этот феномен: когда нам что-то кажется «удивительным», «чарующим», то это свидетельствует, скорее всего, о приписывании нашего значения определенным объективным реальностям. Восток есть Восток. Латинская Америка есть Латинская Америка. Они не загадочны и не удивительны. Но сознание западноевропейского человека часто стремилось обозначить «Другого» как такового. Исследования постколониальной проблематики стран Латинской Америки и до сих пор остаются невспаханным

* Публикуется по: Дроздовський Дм. 400 років самотності / Дм. Дроздовський // Український тиждень. – 2010. – 13 серпня. – (<http://tyzhden.ua/Publication/1419>). Перевод с украинского языка М.В. Курчанова.

полем в украинском гуманитарном пространстве. Опыт этого региона для нас кажется слишком далеким.

В настоящее время Перу стремится выстроить отношения не только с соседями, но и со странами Северной Америки и даже Россией. Два года назад на саммите Ассоциации стран тихоокеанского сообщества Россию представлял Дмитрий Медведев. В Лиме можно было увидеть билл-борды с портретами президентов стран АТР. Медведев на них был изображен в центре, бросался в глаза его высокий рост. Тогда визит российского президента вызывал незаурядный резонанс. В отличие от Украины, для России страны Латинской Америки – не заоблачные высоты или спрятанные в загадочном Эльдорадо земли, а регион, в национальной памяти которого она пытается оживить социалистическое прошлое, когда СССР был его надежным партнером.

А вот об отношениях Перу с США нельзя сказать, что они весьма успешны. Американским гражданам виза для въезда в Перу не нужна. Перуанцы даже не могут находиться в аэропортах США без транзитной визы. Граждане США часто и с претензией отмечают в разговорах с представителями Латинской Америки: «We are citizens of America», а перуанцы добавляют: «И мы». Америка – это часть света, которая состоит из двух материков: Южной и Северной Америк. Перу сегодня стремится сформулировать свою интерпретацию истории, сконструировать перуанскую национальную идентичность, чтобы лишиться комплексов неполноценности.

Первое впечатление от страны формируется в аэропорту. Международный аэропорт Лимы ничем не отличается от лучших аэропортов Европы. Несколько лет назад немецкая компания приобрела этот аэропорт и превратила его в «европейскую куколку». А вот сама столица Лима – это город-мегаполис со сложной экологической ситуацией, с пробками в час-пик, с типичными латиноамериканскими дебрями, куда туристам лучше не заходить.

Как известно, Перу – страна инков. Мачу Пикчу – древний город инков, поселение затерянное в горах. Город существовал до вторжения испанцев в 1532 году. После появления захватчиков его населения таинственно исчезло. До наших дней сохранилась столица империи инков Куско. Город пережил и испанских конкистадоров, и многочисленные землетрясения.

В Перу реально ощутима проблема диалога этносов и выработки общей идентичности. Там до сих пор можно заметить неприязнь со стороны потомков конкистадоров к туземному населению. Образованные жители Лимы (потомки европейцев) встречают представите-

лей автохтонного населения в магазинах взглядами, преисполненными пренебрежения. Почему-то именно в Лиме встает вопрос: откуда у Европы, наделенной христианской моралью, умом, столько агрессии, способной уничтожить цивилизацию? Неужели вся причина в золоте инков? При этом лица коренного населения излучают особенный свет. Они будто привыкли к своему подчиненному положению, но сберегли душу.

В целом формирование идентичности в Латинской Америке (в частности в Перу) является одной из самых болезненных проблем. Еще в начале XX столетия в странах этого континента философы начали задумываться над проблемой сосуществования сообществ в пределах одной страны, над диалогом между туземным населением и потомками конкистадоров. Тогда же логически встал вопрос: как быть с национальным языком в Латинской Америке? Если за основу взять испанский, то в таком случае национальной будет речь, чуждая для туземцев. В конечном итоге, исторически испанский язык – это язык колонизаторской Испании, а не Латинской Америки. Дискуссия относительно этого фактора продолжается и по сей день.

Начало XX века в Перу ознаменовалось попыткой преодолеть колониальное сознание и выстроить новую политическую модель. Тогда началось конструирование перуанидада – перуанской идентичности. Кроме этого, в 1930 – 1940-е годы многие жители страны заинтересовались Советским Союзом и социалистическими моделями развития.

В 1910-е годы сформировался кружок интеллектуалов «Группа Трухильйо» (С. Вальехо, В. Айя де ла Торре, А. Оррего). Его представители не уделяли особого внимания культурным проблемам индейского населения, прибегая к «индихенистской» риторике лишь при общении с представителями юга страны.

Но в 1920-е годы при Министерстве экономики Перу был основан отдел по делам индейцев. В Перу 1920 – 1930-х годов был взят курс на утверждение индейской, а не метисной сущности национальной культуры. Именно «индихенизм» становится первым течением, направленным на решение проблемы национальной самоидентификации. Кризис европоцентристской картины мира на определенное время отодвинул в тень европейскую составляющую перуанской культуры. В середине 1920-х годов появляется немало «индихенистских» журналов. В частности, 1925 году в Куско выходит «Кечуанская душа», в 1926 году в Пуно – «Бюллетень Титикаки».

В 1930-е годы в Перу возникает «челизм» – явление хронологические не столь длительное, но важное для понимания политических процессов. Термин «чело» объясняют по-разному. Так называют ме-

тисов перуанской Сьерры, а также индейцев, которые покинули свое локальное сообщество и стали торговцами или ремесленниками. Перуанский чело может быть испанским монолингвом, билингвом или даже плохо владеть испанским языком, пользуясь кечуа, и в любом случае он осознает свое смешанное происхождение, хотя индейская сущность в чем-то все-таки преобладает.

В период от 1940-х до 1990-х годов история Перу – это всплески и падения, драмы военных противостояний и стремлений к утверждению национальных ценностей. Президент Хосе Бустаманте, который пришел в 1945 году к власти, отменяет цензуру, восстанавливает гражданские права и освобождает политических узников. Правительство в то же время усиливает контроль над ценами, укрепляет государственный сектор экономики, повышает минимальный уровень зарплат. В октябре 1948 года при поддержке Народной партии, с которой Бустаманте был в конфликте, восстали моряки Кальяо. Придушив восстание, армия сбросила президента. К власти пришла военная хунта во главе с генералом Мануэлем Аполинарио Одрия, которого, в конечном итоге, избрали президентом страны (1950 – 1956). Военные упразднили гражданские свободы, распустили профсоюзы, запретили оппозиционные партии и арестовали оппонентов. Была вновь восстановлена цензура. Однако во внешней политике режим Одрии ориентировался на США. В 1960 году Перу разрывает дипломатические отношения с Кубой.

После этого в стране произошли два военных переворота: в 1968 и в 1975 году. Реальные социально-экономические изменения начались после президентских выборов 1980 года, на которых победил Фернандо Белаунде. Придя во второй раз к власти (впервые он занимал должность президента в 1963 – 1968), Белаунде (1980 – 1985) упразднил результаты большей части реформ военного правительства. Он стремился создать новые рабочие места, положив начало масштабным строительным проектам в зоне тропических лесов. Но вскоре начался экономический спад. Правительство было вынуждено приостановить выплаты внешних долгов. Тогда же под давлением США Перу принимает меры по сокращению в стране плантаций коки – главного источника доходов многих индейцев.

Весомые демократические сдвиги начались после прихода к власти в 2001 году Алехандро Толедо. Именно с ним связан период в истории Перу, когда начались процессы формирования независимой национальной политики в области экономики и гуманитаристики, конструирования национальной идентичности с осознанием постколониальности. За это время удалось укротить инфляцию, осуществить ряд

важных социальных изменений, направленных на борьбу с бедностью, привлечь инвестиции в медицину и повысить уровень образования. Толедо – первый президент Перу, который занял этот пост в результате демократических президентских выборов, будучи этническим представителем коренного индейского населения.

Весь мир наблюдал за выборами в апреле 2000 года – за тем, как Алехандро Толедо боролся с Альберто Фухимори, который до того уже дважды занимал президентский пост (1990 – 2000). За неделю до выборов Толедо направил официальное письмо в Национальный избирательный комитет, в котором шла речь, что выборы нечестны. Таким образом, он пытался привлечь внимание Организации американских государств к фальсификациям. Эта Организация объявила, что Национальному избирательному комитету нужно больше времени, чтобы разобраться в ситуации. В итоге Толедо попросил сторонников написать «Нет – лжи» на бюллетенях, а сам снял свою кандидатуру. Он призывал провести «Марш четырех концов света», что и стало наибольшим народным протестом в перуанской истории. Фухимори был объявлен победителем в результате скандальных и сфальсифицированных выборов, но во время третьего срока он был вынужден уйти в отставку и сбежал в Японию, когда председатель Комитета национальной безопасности Владимиром Монтесинос обвинил его в коррупции и нарушениях прав человека.

Победа Толедо на выборах 2001 года – это удар по коррупции. Коррупция и бедность и раньше вызывали народные протесты в Перу, однако по причине невысокого уровня политической грамотности людей, они имели сомнительные формы. Можно вспомнить маоистское движение «Сендеро луминосо» («Светлый путь»), которое, начиная с 1980 года ведет вооруженную борьбу с властью и уничтожило больше бедняков, несогласных с его тоталитарными действиями, чем коррумпированных чиновников.

Алехандро Толедо, выпускник Стэнфордского Университета, на собственном примере показал перуанцам, что, получив образование за границей, они могут вернуться домой и перестроить свою страну. Именно усилиями таких образованных людей можно упорядочить хаос прошлого. На протяжении всего XX столетия Перу все время искала свое мотто после 500-летнего колониального состояния. Теперь эта политика получила шанс стать более последовательной и осмысленной.

Однако после половины своего президентского срока Толедо, человек, который возглавил народное движение, чтобы устранить Фухимори, имел рейтинг популярности только в 7 % – самый низкий

среди перуанских лидеров, начиная с 1980 года, когда в страна вернулась к демократии. Он занял президентское кресло, планируя искоренить коррупцию, но и сам стал участником политических игр. Толедо заявлял, что отправит всех нечестных чиновников в тюрьму. Эти слова пленяли воображение перуанцев, которые пылко желали, чтобы преступных политиков привлекли к ответственности. Но его госаппарат был обвинен в тех же коррупционных сделках, что и предыдущий.

Однако именно в период президентства Толедо перуанская экономика росла в среднем на 6 % в год. Это один из наивысших показателей в Латинской Америке. Инфляция была на уровне 1,5 %, что также является достижением. Одним из главных достижений Толедо считают создание программы борьбы с бедностью JUNTOS. В 2005 году ее помощью воспользовались около 100 тысяч семей, в 2006 – 200 тысяч. Перуанская экономика росла на протяжении 60-ти месяцев, что было обусловлено высокими ценами на минеральные ресурсы, а также интенсивным притоком частных инвестиций. Одним из главных партнеров Перу во время президентства Толедо стали США.

Поэтому, Перу сегодня – страна, которая, прежде всего, стремится создать новую философию развития, отвечая на базовые государственнические вопросы: каковы сознание, язык и культура нации? Эта страна существует на пересечении либерально-демократических и национальных стратегий развития. Стремясь построить крепкие отношения с США, Перу также геополитически является партнером Китая и России. Перуанская история – это путь от империи (хотя «империю инков» вряд ли можно сравнить с мировыми империями XVIII – XIX веков) к колонии, а впоследствии от колонии – к национальному государству. И до сих пор в разговорах людей разных классов можно услышать: «Мы не такие, как испанцы. Наш язык другой». При этом образцом нациостроительства, достойный наследования, они считают Бразилию. Возможно, дает знать о себе колониальный статус, связанный с желанием сформировать собственный нарратив на уже чьем-то опыте. Невзирая на все это, Перу – страна, пребывающая на пути самосозидания, страна с огромным национально-историческим наследием и духовным потенциалом.

ИЗОБРЕТЕННЫЕ И ВООБРАЖАЕМЫЕ ТРАДИЦИИ В БРАЗИЛИИ:

*музеи и проблемы развития
национальной идентичности*

Музеи – это важные социальные институты, которые играют особую роль в развитии исторической памяти и идентичности. Музеи в национальных государствах являются формальными «местами памяти». Деятельность музеев Бразилии – пример того, как музей может быть «местом памяти» и культивировать национальные идеи, стимулируя развитие национальной идентичности.

Ключевые слова: *музей, идентичность, национализм, историческая память*

The museums are important social institutes which play a special role in development of historical memory and identity. Museums in national states are the formal «places of remembrance». The activity of museums in Brazil illustrate how a museum can be «place of remembrance» and cultivate national ideas, stimulating development of national identity.

Keywords: *museums, identity, nationalism, historical memory*

Настоящая статья посвящена латиноамериканской проблематике, но написана, основываясь на методологии разработанной европейскими историками и которая широко применялась для анализа исторических сюжетов, связанных с прошлым именно европейских наций, с историей национальных движений и идентичностей. Перенос европейского научно-исследовательского аппарата на изучение Латинской Америки, а именно – Бразилии, страны со значительной этнической, культурной и исторической спецификой, может показаться несколько искусственным и надуманным.

Однако современные бразильские интеллектуалы, занятые в сфере гуманитарных исследований, позиционируют себя как европейцев, как носителей европейской культуры тесно связанных с Европой и европейской интеллектуальной и культурной традицией. Поэтому, такой методологический перенос кажется автору вполне обоснованным, оправданным и допустимым. С другой стороны, проблематика, находящаяся в центре внимания автора, разнообразна и обширна. Поэтому, настоящий текст затрагивает лишь некоторые ее аспекты, являясь своего рода введением в изучение истории и современного состояния исторической памяти и «мест памяти»¹ в Бразилии. Выбор сюжетов и самих музеев, проанализированных в этом исследовании, результат субъективного мнения автора, что означает, что остальные музеи и

проявления исторической памяти в Бразилии нуждаются в дальнейшем изучении.

Вероятно, следует вновь указать на то, что в западной историографии под национализмом, как правило, понимается явление, при котором национальный и этнический признаки должны совпадать². Зарубежные исследователи, изучая национализм, накопили немалый опыт: создана своя типология национализма, исследованы процессы развития национальной идентичности и национализмов в разных регионах мира. В отличие от отечественной исторической науки, западная рассматривает национализм как широкое явление, имеющее огромное количество проявлений. Национализм, рассматриваясь, как политическая доктрина, признается одним из стимулов развития культур и национальных идентичностей³. Многие явления общественной жизни западными авторами воспринимаются как национализм, в то время как отечественная историография не склонна интерпретировать их в категориях данного концепта.

В зарубежной историографии прочно установилась связь национализма с таким явлением как «места памяти». Автором этого термина следует признать французского историка Пьера Нора, который еще в 1978 году определил места памяти как «места, в которых общество добровольно сосредотачивает те воспоминания, которые оно считает важной и неотъемлемой частью своего индивидуального облика». Конкретизируя эту свою мысль, он писал, что такими местами могут быть «точки на карте, монументы, символические места, функциональные места»⁴. Поэтому, музеи служат и проявлениями особой «институционализации интеллектуального пространства»⁵, где бразильские интеллектуалы пытаются выстраивать прошлое Бразилии в соответствии со своими представлениями о прошлом. К числу таких «мест памяти» относятся и бразильские музеи⁶.

Современный американский исследователь национализма Энтони Смит пишет о том, что историки играли и играют заметную роль в формировании и развитии национализма⁷. Перефразируя слова американского автора, мы можем констатировать, что музеям принадлежит не последняя роль в поддержании национальной идентичности. К тому же среди создателей музеев и среди их современных сотрудников немало историков, формирующих и определяющих их деятельность, которая и состоит в поддержании исторической памяти, иными словами – национальной идентичности. По мнению Д. Томпсона, история в эпоху национальных государств обречена быть националистической⁸. Поэтому особую роль с актуализации национальных чувств признаны играть различные институции, в том числе – и музеи.

В интеллектуальной жизни современной Бразилии существует особый музейный дискурс⁹. Он формируется в определенном местном национальном контексте и поэтому с самого начала развивается как проект определенного типа. Поэтому, перефразируя американского исследователя национализма Дж. Фридмэна, дискурс музея, подобно дискурсу написания истории, играет роль и дискурса идентичности¹⁰. Кроме этого Дж. Фридмэном подчеркивается и то, что история является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент¹¹. В этом контексте особо актуальной становится роль музеев, которые не только сохраняют, но и перерабатывают прошлое, делая его пригодным для массового потребления и предложения идентичности посетителям как потенциальным потребителям тех или иных национальных проектов. С другой стороны, бразильские музеи формируют конкретный круг тем, вокруг которых культивируется идентичность. В такой ситуации, бразильские музеи, будучи «местами памяти», формируют идентичность как самость, культивируя бразильские особенности, материализуя различные аспекты бразильского прошлого и радикально отделяя бразильский исторический опыт от опыта других наций.

Термин, введенный французской историографией, вошел в методологический инструментарий западных исследований национализма¹². В отечественной историографии связь между этими явлениями прослеживается не столь очевидно, хотя переводы западных авторов и написанные под их влиянием отечественные исследования начинают менять ситуацию¹³. Эти публикации посвящены французской или украинской тематике¹⁴, базируются на принципах локальной и интеллектуальной истории¹⁵. На таком фоне изучение этой проблемы в латиноамериканской перспективе приобретает определенную актуальность. Данная статья будет посвящена этой проблеме: в центре нашего внимания будут наиболее важные музеи Бразилии, которые мы рассмотрим как «места памяти», попытавшись выяснить их связь с местными национальными идентичностями и национализмами.

Число музеев, частных и государственных, в странах Латинской Америке велико. Перефразируя слова американских исследователей Л. Хейна и М. Секдена, не только учебники истории, но и музеи – это «важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее»¹⁶. Согласно французским историкам, которые принимали участие в проекте «Места памяти», бразильские музеи могут быть интерпретированы как те места, где граждане Бразилии проявляют свое отношение к прошло-

му: иными словами, признавая его своим, они подчеркивают свою именно бразильскую идентичность¹⁷. В отечественной историографии если музеи и попадали в сферу внимания исследователей, то рассматривались как часть истории культуры, хотя в западной историографии имели место определенные попытки связать их с национализмом и национальными идентичностями¹⁸. В самой бразильской историографии уже имели место попытки проанализировать развитие исторической памяти в связи с динамикой национальной идентичности¹⁹. Эта проблематика бразильскими исследователями преподносится в контексте теорий наций, национализма и памяти, что свидетельствует если не о развитии современной бразильской историографии в рамках западной исторической науки, то об их тесной взаимосопричастности.

Музеи, которые будут в центре внимания автора настоящего исследования, крайне разнообразны содержанием и направлениями деятельности. Нередко в ее рамках преобладает национальная доминанта: Национальный Исторический Музей Бразилии, основанный в 1922 году²⁰, принадлежит к числу наиболее важных национально маркированных культурных комплексов современного бразильского государства. Роль музея как «места памяти» становится очевидной на фоне деятельности, состоящей из исследовательских и просветительских проектов, призванных поддерживать и культивировать интерес к национальной истории: только на 2005 год Национальный Исторический Музей Бразилии заявил четырнадцать проектов, на наиболее важных из которых мы остановимся подробнее.

Используя терминологию Б. Андерсона, эти проекты призваны «политически омузеить»²¹ некоторые, наиболее важные и значимые, аспекты прошлого. С другой стороны, сами бразильские интеллектуалы не чужды анализа проблем исторической памяти в различных ее проявлениях как самостоятельной темы²², так и в более широком историческом контексте²³, что еще раз подчеркивает необходимость изучения феномена «мест памяти» в бразильском дискурсе. Кроме этого во внимание следует принимать и то, что «история всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний»²⁴. Политических и идеологических инструментов для подобной легитимации в современном мире недостаточно. Поэтому не последнюю роль в этом процессе играют музеи. Музеи всегда служили проявлением памяти, воплощением ее различных пластов. Поэтому их развитие в Бразилии так же шло как своеобразное позиционирование памяти и ее материальное воплощение²⁵, которым были заняты деятели бразильской культуры. Бразильские интеллектуалы в формировании и выражении своей идентичности, при материализации историче-

ского прошлого и своей исторической памяти вынуждены постоянно учитывать несколько взаимосвязанных факторов. С одной стороны, они принимают во внимание мультикультурный и полиэтничный характер исторического прошлого Бразилии.

В такой ситуации музеи как «места памяти» становятся тем институтом, который помогает гражданам не просто понять, но и принять свою историю²⁶. Поэтому местные музеи нередко призваны эту особенность подчеркнуть. В такой ситуации стратегия развития, например, Музея Археологии и Этнографии базируется на изучении прошлого Бразилии одновременно на нескольких уровнях: в рамках истории местных индейских этнических общностей, культуры белых потомков португальских переселенцев и культуры потомков черных африканских рабов²⁷. Проект «Присутствие голландцев в Бразилии: память и воображение»²⁸ Национального Исторического Музея перекликается с западными теориями национализма, базирующимися на концептах памяти и воображения. История, как полагают современные исследователи, стала важным «элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности»²⁹. В этом контексте особая роль принадлежит различным специальным проектам музеев Бразилии, которые призваны актуализировать те или иные, наиболее важные, по мнению их кураторов, моменты в национальной бразильской истории. Проект «Бразилия: наша история» позиционируется как проект, в центре которого всеобъемлющее отражение процесса исторического развития Бразилии, начиная от «индейских истоков» и завершая «процессами автономии и институционализации нации». В рамках проекта используется национальная фразеология, и Бразилия рассматривается как «национальное государство». Такая ситуация служит в пользу предположения П. Нора о том, что «места памяти» являются сложными многоуровневыми категориями, расположенными между представлениями интеллектуалов о национальной истории и между самой исторической памятью³⁰.

Национальный Исторический Музей, будучи «местом памяти» и стремясь культивировать бразильскую идентичность, не забывает о европейской, португальской, прародине. В такой перспективе сама Европа начинает осознаваться как символ, одна большая прародина, как место памяти. Поэтому, музеи берут на себя и функции сбережения «символического элемента мемориального наследия»³¹. Например, в рамках Национального музей действует семинар португалобразильского центра. Семинар 2005 года заявлен как «Музеи, память и идентичности». В 2005 году руководство Музея провело круглый стол по теме «Строя идентичности тридцать лет спустя: роль памятных

мест», посвященный португалоязычным государствам Африки³². Музеи склонны позиционировать себя как «места памяти», признавая свою роль в культивировании национальной идентичности.

Наряду с проектами бразильских музеев, постоянные и временные экспозиции являются национально ориентированными и маркированными. Первая в ряду экспозиций 2005 года Национального исторического музея «Колонизация и зависимость» посвящена периоду предыстории – истории колонизации и миграции на территорию современной Бразилии европейцев. Наиболее национальная экспозиция «Память имперского государства» связана с имперским периодом в бразильской истории. Имперский период является неотъемлемой частью бразильской национальной памяти. В этом отношении национальная идентичность в Бразилии в определенной степени развивается отлично от Европы, где «современные политические и идеологические сражения могут быть выиграны благодаря подчеркиванию определенных и замалчиванию других моментов истории»³³. В экспозициях бразильских музеев есть место как для имперских, так и республиканских сюжетов в бразильской истории, что в значительной мере способствует консолидации нации. Часть экспозиций связана с наследием «отцов нации» – наиболее ярких деятелей политической и культурной истории, которые привлекают постоянное внимание местных интеллектуалов. Отдельная экспозиция посвящена конной статуе (Франсиску Манозл Чавес Пинейру, 1886 год) бразильского императора Педро II, приуроченной окружению парагвайских войск в 1865 году. Другая экспозиция повествует о Родольфу Бернарделли (1852 – 1931) – известном бразильском скульпторе, директоре Национальной школы изящных искусств³⁴.

Непостоянные экспозиции так же имеют национальный характер и обращены к национальной истории. Именно история в современном мире «делает существование нации законным»³⁵. В этом отношении роль музея в легитимации обладания историей и наличии национальной независимости не вызывает сомнений. Экспозиция «Memory from Ceará» представляет серию картин Жозе дос Рейса Карвалью – художника и участника научной экспедиции 1859 года. Экспозиция важна для национальной идентичности, так как отражает «живую» историю, свидетельства и рисунки о жизни городов Бразилии 1850-1860-х годов. Вторая выставка – «Ореретама, земля индейцев». Примечателен и перевод названия экспозиции с языка одного индейских племен – «наш дом». Выставка важна обращением к индейской теме, что позиционирует Бразилию как мультикультурный регион. Следующая экспозиция интересна своим названием «Images do Brasil. Historias de

todos nos» – «Образы Бразилии: наша собственная история». Она посвящена наследию итальянского художника Алфреду Норфини (1867 – 1944), который во время путешествий по Бразилии посетил ее важнейшие политические и культурно-исторические центры³⁶. Это превращает его творческое наследие в источник по бразильской истории, но роль музея как института не может в современном мире ограничиваться исключительно просветительскими функциями. Поэтому музеи могут выполнять и политические задачи, «конструируя прошлое» и в такой ситуации, стремясь «обеспечить будущее, основанное на соответствующем образом интерпретированном или реинтерпретированном прошлом»³⁷. В этом отношении роль музеев, как и других форм трансляции исторического знания, не вызывает сомнений.

Наиболее интересные и, вместе с тем, национально окрашенные сюжеты, связаны с имперским периодом истории Бразилии. Сочетание в исторической бразильской памяти как имперского так и республиканского элемента свидетельствует о ее расколотости даже в той ситуации, когда некоторые ее проявления не только признаются государством, но и материализуются им через создание музеев, как институций памяти³⁸. В музеях маркированных как имперские или республиканские находит свое убежище память разных групп бразильских интеллектуалов и ее институционализация служит санкцией на сохранение и неприкосновенность со стороны оппозиционной части научного и интеллектуального сообщества³⁹.

В этом контексте очевидно смыкание музеев как интеллектуального феномена с политической конъюнктурой. Экспозиции в бразильских музеях, посвященные как имперской, так и республиканской истории всегда использовались для легитимации политических процессов и состояний. История, материализацией и наглядным экспонированием которой призваны заниматься музеи, в такой ситуации стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности⁴⁰. Сравнивая историю в музеях с той историей, которая формируется в историографии, приходится констатировать то, что они политизированы. Правда, степень политизации прошлого в музеях, вероятно, ниже, чем на страницах исследований по истории современных интеллектуалов Бразилии.

История империй, история имперского центра и территориальных окраин, история имперского воображения и имперских историографий – сюжеты, которые стали изучаться в отечественной историографии в рамках исследований национализма относительно недавно. Музеи Бразилии в своем обращении к имперскому прошлому стимулируют национальную идентичность гораздо больше, чем сюжеты, свя-

занные с исторической памятью, национальным воображением и колониальными перспективами истории. Экспозиции, связанные с периодом Империи в Национальном музее и специально посвященный имперскому прошлому Музей Империи призваны стимулировать совершенно конкретный тип исторической рефлексии у бразильских интеллектуалов⁴¹.

Они показывают тот дискурс бразильской идентичности, который в силу исторических обстоятельств оказался тупиковым. Империя пала и сюжеты, связанные с имперским прошлым, уступили место республиканскому настоящему и его материализации, в том числе и при помощи музеев. Бразильский Музей республики в такой ситуации выступает в роли контрпроекта тому имперскому дискурсу идентичности, который остается популярным и исторически привлекательным сюжетом для исследователей. При этом имперские экспозиции имеют и еще одну важную функцию при формировании идентичности современного бразильского общества.

Имперский дискурс, представленный экспонатами эпохи империи в музеях как местах памяти, имеет важное политическое значение, так как способствует тому, что интеллектуалы Бразилии воспринимают свою историю как историю одного уровня с историей европейских империй. При этом Бразилия еще в XIX веке пережила своеобразный период духовной и интеллектуальной деимпериализации – приспособления идентичности к факту завершения имперской истории. Кроме этого сочетание столь различных тем и откровенно оппозиционных дискурсов прошлого свидетельствует о том, что восприятие истории и ее материализация были и остаются своеобразным полем битвы за выстраивание идентичности⁴². Поэтому, сочетание имперских и республиканских мотивов в бразильских музеях как национальных «местах памяти» и стало результатом этой ментальной деимпериализации.

Деятельность музеев в Бразилии не ограничивается экспонированием памятников по истории и культуре региона. Национальный Исторический Музей имеет библиотеку, содержащую около пятидесяти тысяч документов и пятидесяти семи тысяч исследований истории, культуры, нумизматики, генеалогии Бразилии. Музей ведет издательскую деятельность. У музея как «места памяти» с информативным компонентом появляется и образовательный компонент, призванный способствовать изучению и популяризации национального прошлого, без которого немыслима бразильская идентичность.

Среди архивных коллекций музея - «Коллекция императорской семьи», которая содержит 1445 документов о двух бразильских императорах – Педру I и Педру II. Архив содержит документы о видных

фигурах бразильской истории: о композиторе Антониу Карлосе Гомесе и политике Мигуэле Калмоне Ду Пин э Алмейды, занимавшем различные министерские посты⁴³. Это свидетельствует о том, что музеи как «места памяти» являются важным фактором при формировании и поддержании т.н. «национального пантеона» - наиболее национально значимых исторических деятелей того или иного национального государства⁴⁴.

При Национальном Историческом Музее Бразилии действует исследовательский и образовательный Португало-бразильский центр, созданный в 1998 году. Организация центра была приурочена к пятидесятилетию прибытия португальцев в Бразилию. В число целей центра входят: сбор, организация и размещение информации, посвященной изучению «португальского мира», популяризация португальской культуры, координация исследовательской деятельности. Центр провел ряд исследований, посвященных португало-бразильской истории. Проект «Калабуз и окрестности – зов памяти» был посвящен изучению окрестностей горы Кастело. Центр проводит постоянный семинар для работников музеев и историков Бразилии и Португалии⁴⁵.

Музеи в качестве «памятных мест» имеют и еще одну перспективу деятельности. Они способствуют утверждению и развитию национального сознания на общегосударственном уровне, интегрируя сюжеты местной локальной истории в общий контекст национальной истории. Они показывают, что локальная историческая память и национальное воображение местных интеллектуалов, локализованное в рамках определенной территории, являются неотъемлемыми элементами общенациональных исторических нарративов. Другими словами, историописание невозможно без «мест памяти», интегрирующих локальные исторические опыты в контекст одной большой истории, как одного проекта, создаваемого местными интеллектуалами.

Музеи как «места памяти» играют немалую роль в культурной жизни Бразилии. Вместе с тем, наряду с культурной функцией они являются важными стимулами для поддержания, сохранения и развития национальной идентичности. Музеи связаны самым тесным образом с национальной и исторической памятью, доказывая и показывая местным интеллектуалам, что их национальные истории не уступают истории соседних наций. Музей - это не просто место памяти, это место памяти исторической, политической и национальной. Поэтому, в зависимости от ситуации и существующего политического режима «памятные места» могут акцентировать внимание граждан на совершенно различных аспектах исторического прошлого. В странах Латинской Америки музеи, как «места памяти», избежали такой зависимости от

политических режимов. Они изначально задумывались как национальные проекты, хотя национальный подтекст и элемент в их деятельности, возможно, стал очевиден относительно поздно, в XX столетии.

Национальный компонент в их активности очевиден: они призваны быть одним из каналов утверждения национальных идентичностей. Поэтому, особое внимание уделяется тем аспектам национальной истории, которые именно национальны. Деятельность Национального Исторического Музея Бразилии – яркий пример того, как музей может играть не просто роль места памяти, но и культивировать национальные идеи, стимулируя развитие национальной идентичности. Этот музей непосредственно обращается к принципиально важным аспектам национальной истории и национального бразильского идентитета. Многие проекты музея призваны стимулировать национальную память и, в данном контексте, они тесно сочетаются с национальным воображением, что выводит нас на новую проблему – проблему Бразилии и других наций и государств Латинской Америки как воображаемых сообществ. Сама постановка темы как синтеза «памяти и воображения» свидетельствует, видимо, о том, что современные бразильские интеллектуалы не только знакомы с теориями Бенедикта Андерсона, но и воспринимают себя как интеллектуалов, воображающих Бразилию.

Память теснейшим образом ассоциируется и с историей. В данном случае история Бразилии прочитывается не просто как история бразильского государства, а именно как «наша», то есть национальная история. Исторические сюжеты и память неизбежно ведут бразильских интеллектуалов к проблеме ранней истории, к колониальным сюжетам, которые, скорее всего, в современной бразильской историографии могут прочитываться в русле постколониальных теорий. Вместе с тем, рассмотренная проблема не ограничивается лишь теми аспектами, которые проанализированы в данной статье. Музеи как «места памяти» нуждаются в дальнейшем изучении и более глубоком анализе, который может показать новые стороны их связи с процессами развития национальных идентичностей и создания национальных историй.

¹ О «местах памяти» как феномене в теоретической перспективе см.: Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки / Э. Франсуа // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 29 – 43; Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: чья история? Чья память? // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 44 – 71; Лоскутова М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о ней / М. Лоскутова // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 72 – 84; Нарский И. В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен / И. Нарский // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 85 – 88. Не следует соотносить термин «места памяти» с исключительно географически и пространственно детерминированными объектами. «Места памяти» – это и участки социальной памяти.

См. об этом подробнее: Marreiro dos Santos P. *Prostituição na Belle Époque manauara: 1890 – 1917* / P. Marreiro dos Santos // RHR. – 2005. – Vol. 10. – No 2. – P. 87 – 108. Это вовсе не исключает того, что «места памяти» могут быть связаны и с реальными географическими ориентирами. См. подробнее: Kyrzczaniw M.W. *Latgale as lieux de memoire: Re-Thinking Histories and Constructing Identities in Nationalistic Imagination* / M.W. Kyrzczaniw // BUPGP SŞSUI. – 2007. – Vol. LIX. – No 1. – P. 125 – 134.

² Gellner E. *Nations and Nationalism* / E. Gellner. – Cambridge, 1983.

³ См. напр.: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Б. Андерсон. – М., 2001; Бройи Д. *Подходы к исследованию национализма* / Д. Бройи // *Нации и национализм*. М., 2002. – С. 201 – 235; Геллнер Э. *Пришествие национализма. Мифы нации и класса* / Э. Геллнер // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 146 – 200.

⁴ *Le nouvelle histoire* / ed. J. Le Goff, R. Chartier, J. Revel. – Paris, 1978. – P. 401.

⁵ Козут З.Є. *Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні* / З.Є. Козут // Козут З.Є. *Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України* / З.Є. Козут. – Київ, 2004. – С. 222.

⁶ *О музеях в контексте национализма см.:* Bennet T. *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics* / T. Bennet. – L. – NY., 1995; Duncan C. *Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums* / C. Duncan. – L., 1995; *Theorizing Museums* / eds. Sh. McDonakd, G. Fyfe. – Oxford, 1998.

⁷ Смит Э.Д. *Национализм и историки* / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 236.

⁸ Thompson D. *Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers* / D. Thompson // *Encounter*. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

⁹ То, что музеи играют роль в развитии и сохранении идентичности признается и бразильскими интеллектуалами. См.: Benedict A. *Memória e narrativa: uma experiência de autoinvenção* / A. Benedict // CP. – 1997. – Vol. IV. – No 3. – P. 87 – 96; Domingues H.M. *Os intelectuais e o poder na construção da memória nacional* / H.M. Domingues // TB. – 1986. – No 87. – P. 43 – 57; Petruski M.R. *A cidade dos mortos no mundo dos vivos: os cemitérios* / M.R. Petruski // RHR. – 2006. – Vol. 11. – No 2. – P. 93 – 108; Pollak M. *Memória e identidade social* / M. Pollak // EH. – 1992. – Vol. 5. – No 10. – P. 200 – 212; Pollak M. *Memória, esquecimento, silêncio* / M. Pollak // EH. – 1989. – No 1. – P. 3 – 15; Santos A.C. *Memória, história e nação* / A.C. Santos // TB. – 1986. – No 87. – P. 5 – 13.

¹⁰ Friedman J. *History, Political Identity and Myth* / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 41.

¹¹ Friedman J. *Myth, History, and Political Identity* / J. Friedman // *Cultural Anthropology*. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

¹² Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past* / P. Nora. – NY., 1996; *Lieux de memoire: in 7 vols* / ed. P. Nora. – Paris, 1986 – 1993.

¹³ Маловичко С.И. *Историография как «участок памяти» (lieux de memoire): евроцентристские конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах* / С.И. Маловичко // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. Вып. 5. – Ставрополь, 2004. – С. 22 – 44.

¹⁴ Екельчик С. *Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху* / С. Екельчик // *Ab Imperio*. 2004. No 2.

¹⁵ См. напр.: *Новая локальная история*. – Вып. 1. *Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции, Ставрополь, 23 мая 2003 г.* – Ставрополь, 2003; *Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной научной Интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г.* – Ставрополь, 2004.

¹⁶ Hein L., Sekden M. *The Lessons of War, Global Power and Social Change* / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

¹⁷ Nora P. *Das Abenteurer der "Lieux de memoire"* // *Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich 19. und 20. Jahrhundert* / hrsg. E. Francois, J. Vogel, H. Siegriest. – Gottingen, 1995. – S. 83 – 92.

¹⁸ См., например: *Guia dos museus do Brasil* / ed. F. de Almeida. – Rio de Janeiro, 1972; Santos M.S. *História, tempo e memória: um estudo sobre museus a partir do observação feita no Museu Imperial e no Museu Histórico Nacional* / M.S. Santos. – Rio de Janeiro, 1989; *Usos de Memórias: política, educação e identidade* / ed. J. Carlos. – Passo Fundo, 2002; Chagas M. *Memória e Poder: dois movimentos* // *Museu e Políticas de Memória. Special issue of CSCES* / eds. M. de Souza Chagas, M. de Sepúlveda dos Santos. – 2002. – No 19. – P. 35 – 68; Chagas M. *Literatura, Museu e Emoção de Lidar* // *Museu e Políticas de Memória. Special issue of CSCES* / eds. M. de Souza Chagas, M. de Sepúlveda dos Santos. – 2002. – No 19. – P. 5 – 34.

¹⁹ См. напр.: Tucci Carneiro M.L. *La Guerra Civil Española a través de las revistas ilustradas brasileñas: imágenes y simbolismos* // EIAL. – 1991. – Vol. 2. – No 2.

²⁰ (<http://www.visualnet.com.br/mhn>)

²¹ Андерсон Б. *Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму* / Б. Андерсон. – Київ, 2001. – С. 226. Во время написания статьи я использовал доступное украинское издание, хотя существ-

ует и русский перевод: Андерсон Б. *Воображаемы сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Б. Андерсон. – М., 2001.

²² См. напр.: Choay F. *A Alegoria do Patrimônio* / F. Choay. – São Paulo, 2001; *Devorando o tempo. Brasil, país sem memória* / eds. S. Benninghoff-Lühl, A. Leibing. – São Paulo, 2001; *Memória e patrimônio: ensaios contemporâneos* / eds. R. Abreu, M. Chagas. – Rio de Janeiro, 2003.

²³ Moritz L. *The Spectacle of the Races: Scientists, Institutions, and the Race Question in Brazil* / trans. Leland Guyer. – NY., 1999.

²⁴ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485.

²⁵ См. про связь памяти и музея: Todorov T. *Les Abuse de memoire* / T. Todorov. – Paris, 1995.

²⁶ Про принятие и понимание истории и роль в этом процессе музеев см.: Klessmann Ch. *Zeitgeschichte in Deutschland nach dem Ende des Ost-West-Konflikt* / Ch. Klessmann. – Essen, 1998.

²⁷ *Divisão Científica*. – (<http://www.mae.usp.br>)

²⁸ О голландском дискурсе в современной исторической памяти в Бразилии см.: Banck G. *Memória e imaginário: pensando a cidadania no espelho do Brasil Holandês* / G. Banck // *República das entias* / ed. P. Reis. – Rio de Janeiro. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 41 – 56; Banck G. *Delemas e símbolos: estudos sobre a cultura política do Espírito Santo* / G. Banck. – Vitória, 1998; Banck G. *Memórias e tradições: Cultura política. Brasil versus Holanda* / G. Banck // *RBCS*. – 2007. – Vol. 22. – No 65. – P. 127 – 169.

²⁹ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор... – С. 485.

³⁰ Nora P. *Between History and Memory: Les Lieux de memoire* / P. Nora // *Representations*. – Vol. 26. – 1989. – P. 7 - 25.

³¹ Nora P. *Comment ecrire le histoire de France* / P. Nora // *Le lieux de memoir*. – Paris, 1993. – Vol. 3. *Les France*. – P. 20.

³² (<http://www.visualnet.com.br/mhn>)

³³ Coakley J. *Mobilizing Past: nationalist images of history* / J. Coakley // *Nationalism and Ethnic Politics*. – 2004. – Vol. 10. – No 4. – P. 532.

³⁴ *Permanent exhibitions*. – (<http://www.visualnet.com.br/mhn>)

³⁵ Rottier P. *Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland* / P. Rottier // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – P. 467.

³⁶ *Itinerant exhibitions*. – (<http://www.visualnet.com.br/mhn>)

³⁷ Шнирельман В.А. *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье* / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 12.

³⁸ О теоретической стороне проблемы см.: Leniaud J.-M. *Le utopie française* / J.-M. Leniaud. – Paris, 1992.

³⁹ О таком сохранении и сбережении различных дискурсов прошлого, даже оппозиционных друг другу, см.: Нора П. *Между памятью и историей* / П. Нора // *Франция – Память*. – СПб., 1999. – С. 17.

⁴⁰ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485.

⁴¹ О рефлексии и ее месте в развитии исторической памяти и при формировании «мест памяти» см.: Артог Ф. *Время и история* / Ф. Артог // *Анналы на рубеже веков. Антология*. – М., 2004. – С. 148 – 149.

⁴² Козут З.Е. *История як поле битви*. – С. 218 – 219.

⁴³ *Historic archives*. – (<http://www.visualnet.com.br/mhn>)

⁴⁴ Эта проблема в латиноамериканской перспективе почти не изучена. См. работы по данной теме, посвященные Украине, которые могут стать ценным введением и методологическим подспорьем при анализе этого феномена в странах Латинской Америке: Yekelchuk S. *Stalin's Empire of Memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination* / S. Yekelchuk. – Toronto, 2004; Кирчанов М.В. *Иван Франко в советской Украине: социалистический реализм и украинская историческая память* / М.В. Кирчанов // *Славянский мир в социокультурном измерении*. – Вып. 2. – Ставрополь. – 2005. – С. 163 - 177. Возвращаясь к отечественной латиноамериканистике, следует признать, что некоторые аспекты этой проблемы упомянуты в исследовании Б.Ф. Мартынова, посвященном бразильскому дипломату барону Рио-Бранко, что подтверждает, что латиноамериканские штудии начинают включать в себя анализ проблем, связанных с национализмом, но пока крайне медленно. См.: Мартынов Б.Ф. *Золотой канцлер. Барон Де Рио-Бранко - великий дипломат Латинской Америки* / Б.Ф. Мартынов. – М., 2004.

⁴⁵ (<http://www.visualnet.com.br/mhn>)

ТЕМА НОМЕРА – III

КУБА И КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Кубинская Революция и развитие политического режима Фиделя Кастро на Кубе стали важными событиями в истории Латинской Америки XX века. Коммунистический режим в Кубе существует более 50 лет. Распад СССР и крах мирового коммунизма привел к многочисленным трудностям для кубинской экономики. Крах коммунизма в Восточной Европе, рыночные экономические эксперименты Китая и Вьетнама не уменьшили и не ослабили веру кубинских политических лидеров в силу социализма. Триумф левых движений и политических партий в начале XXI века в Венесуэле и Боливии актуализировали политический опыт кубинской революции. В 2010 и 2011 кубинские власти были вынуждены начать реформы. Политические элиты Кубы используют опыт вьетнамских экономических реформ при сохранении монополии на власть Коммунистической партии. Европейские политики и политические активисты левой ориентации, а также политические комментаторы и ученые относятся к Кубе различно. Некоторые авторы идеализируют кубинскую модель развития, другие указывают на ее классовый характер и политический авторитаризм.

Ключевые слова: Куба, кубинская революция, социализм, авторитаризм, экономика, кризис коммунизма, экономические реформы

Cuban Revolution and development of Fidel Castro political regime on Cuba became important events in a history of Latin America in the 20th century. The communist political regime in Cuba exists more than 50 years. Disintegration of USSR and crash of world communism led to numerous difficulties for Cuban economy. The crash of communism in the Eastern Europe, the market economic experiments in China and Vietnam did not decrease and did not lead to fall of Cuban political leaders' faith in virtues of socialism. The triumph of left movements and political parties in the beginning of the 21st century in Venezuela and Bolivia actualized the political experience of Cuban revolution. In the 2010 and 2011 Cuban authorities were forced to begin reforms. The political elites of Cuba use experience of Vietnamese economic reforms and attempt to save Communist party power monopoly. The European politicians and activists of left orientation, political columnists and scholars also have different viewpoints on Cuba. Some authors idealize Cuban model of development, others pay attention to its class character and political authoritarianism.

Keywords: Cuba, Cuban revolution, socialism, authoritarianism, economy, crisis of communism, economic reforms

ЗАКОНОМЕРНЫЙ КОНЕЦ КУБИНСКОГО КОММУНИЗМА*

Съезд Компартии Кубы, который недавно завершился в Гаване, в действительности можно называть историческим. Банкротство коммунизма на острове было фактически признано, а с большой трибуны провозглашен совсем новый курс.

Даже Рауль Кастро подверг критике своего брата Фиделя за катастрофическое положение, в котором оказалась страна.

Кубинское государство – банкрот. Странно, однако, едва лишь очутившись у власти, заняв место брата, второй человек в правящей иерархии понял, что в государственном секторе, который, кстати, составляет 85% экономики, люди получают зарплату, почти не работая. Кастро-младший вдруг увидел, что за полвека, на протяжении которого у руля стоял брат, уровень преступности в стране, за исключением армии, которой руководил лично Рауль, достиг «исторических масштабов». Еще в августе 2010 года он заявил: «Мы должны раз и навсегда положить конец потому, что Куба – единственная страна в мире, где можно жить, не работая».

Уже десятки лет на Кубе действует карточная система. Семья из пяти человек имеет право купить по карточкам: 2,25 кг риса на человека, а на семью – 560 грамм кофе, 3 пачки крепких папирос без фильтра, 3 пачки спичек, 1,4 кг фасоли, 340 грамм растительного масла, 2,25 кг сахара, 3 куса мыла. Кроме этого должна быть зубная паста и стиральный порошок, но их по карточкам почти не выдают. На карточки в принципе можно приобрести и другие товары. Однако есть проблема. Зарплату все получают в кубинских песо – «песо кубано» или «монета насъональ» – которые не конвертируются. Почти все товары можно приобрести лишь на искусственную денежную единицу, привязанную к доллару: но разница курсов столь велика, что многие не могут позволить себе приобрести даже товары первой необходимости. И даже такую достаточно скромную карточную систему страна уже не способна тянуть. Съезд принял решение ее упразднить. Не сразу, но однако достаточно быстро.

* Печатается по: Райхель Ю. Закономерный кінець кубинського комунізму // Український тиждень. – 2011. – 5 травня. – (<http://tyzhden.ua/World/21935>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова

В то же время будет происходить реформирование государственного сектора: постепенно уволят свыше 1 млн. его работников, то есть 20 % работоспособного населения страны.

Вместо этого планируется расширить частный сектор. Для открытия мастерских, кофеен и тому подобное можно будет брать кредиты в банке. С октября 2010 года уже свыше 200 тысяч кубинцев уже воспользовались такой возможностью. К тому моменту на Кубе уже был опубликован список из 178 видов деятельности, которыми граждане могут заниматься на свой страх и риск.

Но провести реформы, которые уже давно назрели, будет не так уж и легко. В кубинском руководстве немалое влияние имеют консерваторы, которые решительно настроены против каких бы то ни было изменений. Кроме того, большинство политического руководства составляли люди Фиделя Кастро. Поэтому одной из первых задач, которая возникла перед Раулем, стала кадровая революция, которая бы коснулась хотя бы вершины властной пирамиды.

Двух любимцев Фиделя Кастро и его возможных преемников – заместителя председателя Государственного Совета Карлоса Лахе и министра иностранных дел Фелипе Переса Роке освободили от должностей, признав их ренегатами и перерожденцами. Кроме этого они были вынуждены публично покаяться. Кроме этого на съезде приняли решение, что вторым человеком в стране после Рауля Кастро станет Хосе Рамон Мачадо Вентура, а третьим – Рамиро Вальдес. Первому в настоящее время 80 лет, а второму – 78. оба воевали с братьями Кастро и Че Геварой еще в горах Сьерра-Маестра, а один даже принимал участие в атаке на казармы Монкада 26 июля 1953 года.

На роль капитана кубинской экономики выдвинули 50-летнего бывшего армейского офицера Марино Мурильо. Вероятнее всего, это просто декоративная фигура. В действительности Рауль может рассчитывать лишь на так называемый клан, в который входят его высокопоставленные армейские соратники и близкие родственники. В частности, это 75-летний генерал Хулио Касас Регейро – министр Революционных вооруженных сил. Длительное время он возглавлял государственный холдинг GAE – Grupo de Administracion Empresarial – большую сеть хозяйственных предприятий. Самым влиятельным в холдинге считают Луиса Альберто Родригеса – мужа старшей дочери Рауля Кастро – Деборы Кастро Эспин. Вероятно, это – лишь промежуточная фаза перестановок. В конце 2010 года состоится партийная конференция, посвященная именно кадровым вопросам.

В настоящее время холдинг GAE контролирует большую часть экономики Кубы, в частности, такие отрасли, как туризм, почти всю

гражданскую авиацию и морской флот страны. Компания «La Gaviota», которая входит в состав GAE, владеет 30 гостиницами и возводит еще около десятка. Общий бюджет GAE составляет приблизительно 1 млрд. долларов США. По мнению экономических обозревателей, на повестке дня стоит легализация прибылей за пределами Кубы и нормализация отношений с США, что даст возможность привлечь американских туристов и возобновить прямые торговые связи. Поэтому кубинские власти уже запланировали упразднить запрет на посещение американскими гражданами Кубы. По данным информационного бюллетеня CUBANEWS, в январе 2011 года Кубу посетили свыше 296 тысяч туристов, которые приезжали по большей части из Европы и Канады. Это на 15 % больше, чем в соответствующий период 2010 года. Американцы могут попасть на Кубу через третьи страны и только полулегально, а кубинские пограничники не ставят печатей в их паспортах – таких гостей как будто и не было на острове.

Рауль Кастро за образец взял никоим образом не Китай, а Вьетнам. Там рыночная экономика соединена с жесткой монополией Социалистической, прежней Коммунистической, партии на власть. Однако здесь кубинских реформаторов ожидают немалые трудности принципиального характера.

За полстолетия коммунистической власти население уже потеряло привычку работать, оно развращено социальными льготами и психологически не воспринимает рыночных отношений. Во Вьетнаме ситуация была и остается совсем другой. В захваченной коммунистами южной части страны осталось немало людей, которые жили при условиях свободного рынка и легко воспринимают реформы. Когда были необходимы кадры – южные районы государства были флагманами развития экономики, постепенно подтягивая отстающий север. Кроме этого, плановая система во Вьетнаме, как и в Китае, никогда не была тотальной. В сельском хозяйстве всегда оставался значительный частный сектор, хоть и замаскированный под кооперативы.

На Кубе все намного более сложнее. Экономически активнейшая часть населения и большинство специалистов эмигрировали или были репрессированы, а те, кто остался, просто потеряли навыки работать. Кадровый вопрос на низшем и среднем уровнях постепенно обостряется. Рыночной экономики на Кубе не учат, к тому же таких специалистов на Кубе просто нет. Выпускники экономических факультетов Гаванского университета, например, спрашивали гостей из РФ, что такое оффшорные зоны. В стране есть интернет, однако он практически недоступен, поскольку тарифы на трафик простым гражданам не по карману. Кроме того, компьютеры на Кубе крайне дороги.

В настоящее время все более ярко заметно расслоение общества. Как только позволили переводить средства через систему Western Union, многие начали получать помощь из США от родственников. На полученные таким образом 200 – 300 американских долларов можно даже строить. Соответственно сформировалась прослойка людей, которые могут ничего не делать и нигде не работать. К ним очень быстро присоединятся те, кто выбился из общей когорты частников. Незвизирая на то, что Рауль Кастро на съезде заявил, что богатеть никому не позволят, но это лишь слова. В первую очередь начнут богатеть чиновники и все те, кто имеет доступ к государственной собственности, которой они и начнут распоряжаться как собственной. Немало будет зависеть от позиции таких латиноамериканских государств, как Бразилия и Аргентина. Если они будут инвестировать в кубинскую экономику, пошлют своих специалистов, то процесс реформирования пойдет быстрее, а трудности – смягчатся. По мнению заместителя директора Института Латинской Америки РАН, профессора В. Сударева, в реформах на острове заинтересованный также и давний враг – США. Американские родственники кубинцев пересылают на остров приблизительно 1,5 млрд. долларов в год. Америка – фактически главный поставщик продовольственных товаров и медикаментов на Кубу. Вашингтон совсем не заинтересован в том, чтобы в 90 милях от его берегов возникло государство похожее на Северную Африку. В этом случае массовая эмиграция уничтожит Флориду, а администрация Обамы будет вынуждена вмешаться в ситуацию и, возможно, пойти на непопулярные шаги.

Диана РЭЙБИ

ПОЧЕМУ КУБА ПО-ПРЕЖНЕМУ ВАЖНА*

Сегодня многие пребывают в восторге от достижений Кубы в сфере охраны здоровья, образования и спорта, однако при этом утверждает и то, что она должна быть более демократической и провести либеральные политические реформы. На фоне буйного восторга, вызванного народно-революционными процессами в Венесуэле, Боливии и Эквадоре, а также творческим ферментом других латиноамериканских общественных движений, Кубу из этого списка исключают будто она не более чем старая шляпа, которая не имеет отношения к действительности и еще хуже (не приведи Господь!) является сталинистской страной.

Куба никогда не была сталинистским государством, даже если атмосфера «холодной войны» вынуждала ее перенимать некоторые и не самые приятные аспекты советской модели. Именно эта чрезвычайная и оригинальная революция, которая всех захватила врасплох в 1959 и 1960-х годах, вдохновила левых во всем мире и положила начало беспрецедентной волне революционных движений во всем регионе. Ее вдохновляли собственно кубинские и латиноамериканские мотивы: по словам Фиделя Кастро, эта революция была «такой же кубинской, как пальмы», ее идеи шли от Хосе Марте, «нашего Апостола, который сказал, что родина принадлежит всем и призвана обеспечить благо всем», а также от афрокубинских борцов за свободу XIX столетия – движения мамби, направленного против испанского колониализма.

Кубинскую революцию осуществила не старая коммунистическая партия (Народная социалистическая партия), а Движение 26 июля (М-26-7) – широкое, демократическое и гибкое народное движение, заинтересованное вопросами социальной справедливости и антиимпериализма. Социалисты вскочили на подножку поезда в последнюю минуту, когда стало ясно, что восстание победит. Революция сотворила подготовленные и преданные кадры, которые помогли осуществить амбициозные социальные и экономические программы революции, но в действительности она никогда не руководила процессом. Это стало

* Публикуется по: Raby D. *Why Cuba is still important* / D. Raby. – (<http://www.redpepper.org.uk/Why-Cuba-is-still-important/>). Перевод с английского М.В. Курчанова.

понятно во время «дела Эскаланте» в начале 1962 года, когда Фидель осудил оппортунизм лидера старой Социалистической партии Эрнана Эскаланте, который пытался продвинуть старых партийных бонз на ключевые должности и вытеснить настоящих революционеров. Эскаланте отправили в дипломатическую ссылку в Прагу, и в дальнейшем, при неизбежном влиянии со стороны СССР, окончательные решения принимались блестящими, неортодоксальными и творческими партизанами Сьерра-Маэстри.

Фидель, Че, Рауль, Камило Сьенфуэгос, Селия Санчес, Хуан Алмейда и их товарищи достигли успеха потому, что они выросли из недр народной культуры Кубы и непрерывной традиции революционной борьбы еще со времен мамби. Они были настоящими органическими интеллектуалами кубинского народного движения. Все они также (в особенности Че Гевара, но он не был единственным) представляли латиноамериканский дух бунта, единства и общей борьбы, которая своими корнями уходит во времена Симона Боливара. В связи с этим через три недели после победы Фидель объявил, что «все мы чувствуем интересы нашей Родины и Нашей Америки, которая также является Большой Родиной».

Это чувство разделяли другие латиноамериканцы: в феврале 1959 года тогдашний чилийский сенатор Сальвадор Альенде объявил, что «кубинская революция принадлежит не только вам... мы имеем дело с самым значительным движением, которое когда-либо происходило в Америках». Двумя месяцами позже Глория Гайтан, дочь убитого колумбийского народного вождя Хорхе Гайтана, провозгласила, что кубинский опыт является «началом большого освобождения Нашей Америки».

Идеология кубинской революции выдвигала лозунги власти народа, единства, общего освобождения и недоверия к политическим партиям и традиционным политикам всех мастей; это чрезвычайно похоже на дух нынешних трансформаций в Латинской Америке и антиглобалистские движения во всем мире. Эта идеология не воспроизводила ни одной догматичной формулы: в первых речах руководителей даже не упоминался социализм. Лишь в апреле 1961 года, через два года и четыре месяца после победы и во время контрреволюционного вторжения в Заливе Свиней, Фидель объявил, что это – социалистическая революция. Обычно, когда выросла враждебность США, а с ней и потребность в поддержке СССР, он провозгласил себя марксистом-ленинцем, тем самым крепя геополитический союз с Москвой. Та Куба так и не потеряла своей оригинальности, и после 1989 года она постепенно вернулась к своим латиноамериканским и карибским кор-

ням, пытаясь при этом сберечь свои выдающиеся социалистические достижения.

Сегодня значение Кубы заключается не только в достойном удивления примере, который она подает своими достижениями в сфере охраны здоровья, образования и социальной помощи, но также в прямой практической помощи, которую она предоставляет другим странам, которые начинают радикальные трансформационные процессы. Без помощи со стороны тысяч кубинцев Уго Чавесу было бы практически невозможно внедрить знаменитую медицинскую программу «Баррио Адентро» и кампанию ликвидации неграмотности «Робинзон». Так же и Эво Моралес не смог бы внедрить такие программы в Боливии, по крайней мере, за короткое время; а учитывая критическую политическую ситуацию в обеих странах, короткое время – это очень важно.

Говоря шире, без Кубы Чавесу (а следовательно и Эво Моралесу в Боливии и Рафаэлю Корреа в Эквадоре) было бы значительно тяжелее заручиться доверием населения относительно проектов передачи политической власти народу, которые до сих пор осуществляются путем трансформации государственного аппарата. Во всем мире левые были настолько дезориентированы, что путь вперед могло предложить только такое неожиданное движение как движение Уго Чавеса, а без вдохновения и поддержки в критические моменты со стороны Кубы Чавес, возможно, был бы побежден. Следовательно, без Кубы не было бы Венесуэлы, а без Венесуэлы – Боливии, Эквадора и возрождения сандинистского Никарагуа.

Это не означает, что Венесуэла или другие страны копируют Кубу. Они вполне четко декларируют, что идут различными путями с взаимными заимствованиями, поддерживая друг друга и Кубу, но, не повторяя старую ошибку: они не пытаются навязать друг другу определенный ортодоксальный проект. В любом случае, кубинцы открыто говорили, что не считают свой социализм образцом для подражания.

В отличие от Восточной Европы, на Кубе социализм – это социализм собственного производства, а не навязанный Красной Армией; и по сравнению с Россией или Китаем, общество на Кубе было культурно более однородно (даже учитывая наследие рабства), что позволило объединить 90 % населения в освободительном движении против империализма янки и мелкой олигархии, ориентированной на Майями. Стратегический и тактический гений Фиделя Кастро, выдающегося харизматичного лидера, который воплотил чувство кубинского народа, открыл путь для беспрецедентного революционного проекта.

Многие западные социалисты и прогрессивные активисты утверждают, что Куба должна демократизоваться, но они не понимают реа-

лий американской блокады и особенностей кубинской социалистической демократии. В отличие от Советского Союза или Китая, на Кубе местные делегаты избираются из многих других кандидатов, и Коммунистической Партии закон запрещает вмешиваться в выборы. Избранные делегаты каждые шесть месяцев должны отчитываться на открытых собраниях избирателей, которые имеют право отзывать делегата. Муниципальные ассамблеи и Народные советы действуют как настоящие учреждения прямой демократии, в которых местное население активно вмешивается в управление собственными делами. Обычно, на национальном уровне существуют ограничения свободы организаций и слова, но и здесь важные вопросы часто выносятся на обсуждение в рабочих парламентах. Именно это наделяет легитимностью кубинскую систему, и те, кто это отрицает, никогда не поймут, почему на протяжении 50 лет революция – это все еще реальность.

Да, на Кубе нужны и будут проведены реформы, но не либеральные капиталистические реформы, за которые выступают западные государства и СМИ. При всех своих недостатках, Куба – вместе с Венесуэлой и другими странами Боливарианской альтернативы для Америки – это живое доказательство того, что другой мир действительно возможен.

КОГДА РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ИДЕТ ВПЕРЕД - ОНА ИДЕТ НАЗАД*

Китай стал огромной неолиберальной фабрикой, которая по-черному эксплуатирует своих рабочих и при этом имеет нахальство до сих пор размахивать красным флагом. Северная Корея – это голодный ад под руководством чрезвычайно деспотической наследственной квази-монархии. Но многим хочется верить, что существует остров в Карибском море, который может называть себя социалистическим и при этом не нарушать, по крайней мере, откровенно, Закон об описании товаров.

Для таких товарищей как Диана Рэйби, Куба является «живым доказательством, что другой мир действительно возможен». Главный аргумент Д. Рейби, похоже, заключается в том, что кубинская система (в отличие от ее аналогов в Восточной Европе) не была навязана Красной Армией, а выросла из местного революционного движения, которое трансформировалось из национализма, став тем, что мы называем «социалистической демократией».

Динамики кубинской революции мы коснемся позже, но на данный момент важно понять одну вещь: Куба – это не социалистическая демократия. Это вообще никакая не демократия. Это однопартийное государство, где нет независимых профсоюзов и СМИ подлежат строжайшей цензуре со стороны режима. Там нет «ГУЛАГов» как таковых, но есть многочисленные политические узники.

Если говорить честно, то Куба – это диктатура. Лозунги Сиэтла здесь неуместны; Куба – это никоим образом не прообраз мира, за который борется антиглобалистское движение. Диана Рэйби настаивает, что Куба «никогда не была в действительности сталинистской», но что означает «в действительности»? Если Куба не была сталинистским государством, тогда она очень правдоподобно им притворялась.

Диана Рэйби верно отмечает, что движущей силой в 1959 год и впоследствии было Движение 26-го июля Фиделя Кастро, а не близкая к Москве Народная Социалистическая Партия (Partido Socialista Popular). Но утверждать такое – означает не видеть сути дела. Определяющей характеристикой сталинизма является не близость к Москве,

* Публикуется по: Osler D. *If the revolution does not go forward, it will go backwards* / D. Osler. – (<http://www.redpepper.org.uk/If-the-revolution-does-not-go/>). Перевод с английского М.В. Курчанова.

а узурпация государственной власти новым потенциально господствующим классом, в основе правления которого лежит коллективизированная экономика.

Сталин однозначно не хотел, чтобы Тито получил власть над Югославией, и не был уверен, поддерживать ли Мао до тех пор, пока китайская революция не стала фактом. По-видимому, для Дианы Рэй-би и Югославия, и Китай являются образцами того, что она называет «настоящими революциями», однако это не означает, что государства, которые образовались после этих революций, не были сталинистскими в марксистском понимании этого термина.

Свержение Фульхенсио Батисты проложило путь не к рабочему контролю или какой-то форме социализма «снизу», а к правительственным экспериментам сторонников Ф. Кастро (по большей части представителей среднего класса) совместно с военными [...] президентство на Кубе стало семейным бизнесом, частной собственностью Фиделя, которая должна была при случае перейти к его младшему брату. Рауль неслучайно стал главнокомандующим кубинской армии. В конечном итоге, власть на Кубе (как и во многих других странах Латинской Америки) принадлежит людям в хаки.

Что собирается делать Рауль, который наконец стал у руля власти? На этот момент Куба пребывает в состоянии экономического склероза, невзирая на все добродетели, которые кое-кто видит в этой разновидности центрального планирования. Соглашаясь со многими комментаторами, новый президент считает Китай примером для подражания. Если это предположение верно, тяжело представить, что останется от предмета увлечения романтических кубофилов через пять – десять лет.

Да, действительно, эмбарго со стороны США и влиянием от распада СССР можно частично (но никоим образом не полностью) объяснить сложное положение, в котором сейчас оказалась Куба. Но невозможно обойти тот факт, что кубинское общество сейчас стремительно поляризуется. И именно по классовому признаку. В среде партийных функционеров и высокопоставленных госслужащих правительство имеет своих убежденных сторонников. Но чем младше человек (и чем более темный цвет ее или его кожи), тем с большей степенью откровенности она признает, что ей лучше жилось бы в Майя-ми.

Вместе с тем, другой слой кубинского общества явно не бедствует. Вход в главный гаванский сальса-клуб стоит больше, чем месячный заработок «белого воротничка», однако среди сотен его посетителей большинство – молодые кубинцы. Немало местных богатеев

получают деньги из-за границы, другие работают – легально или нелегально – в туристическом секторе. Некоторые женщины (не подумайте, не проститутки!) ищут иностранцев, в бумажниках которых достаточно валюты, чтобы хорошо развлечь девушку. Даже посыльные зарабатывают больше университетских профессоров, пока получают чаевые в долларах. А чтобы стать посыльным (как сказал мне квалифицированный архитектор, который сейчас работает билетером в кинотеатре), нужно иметь «связи».

Конечно, существуют контраргументы, большинство из которых Диана Рйэби и изложила. Какой бы важной не была демократия, это – не единственный критерий оценки. В Турции проходят регулярные выборы, однако грубо притесняется курдское население. В многопартийной Индии – самопровозглашенной «самой большой демократии в мире» – голодают сотни миллионов. С другой стороны, граждане Кубы получают бесплатное образование и лучшее медицинское обслуживание в третьем мире. Это единственная бедная страна, которую я видел, не обезображенная трущобами. Даже те из кубинцев, которые больше всего сетуют на правительство, этого факта не отрицают.

Возможно, Гавана не рай, но и не Гаити. Просто по определенным причинам население, как правило, хочет жить при системе, которая обеспечивает его туалетной бумагой. Ну и немного свежей рыбы время от времени тоже было бы неплохо.

Для левых демократов выводы очевидны. Исходя из демократических основ, мы должны бороться с американским эмбарго. В то же время, мы должны отметить: если Куба хочет избежать переворота типа переворотов 1989-го в странах бывшего социалистического лагеря, ей необходимо демократизоваться. Если революция не идет вперед, она пойдет назад. Мне бы очень не хотелось приехать в Кубу через пару лет и увидеть, что до боли прекрасная Старая Гавана опять стала тем огромным казино и борделем для гринго, которым она когда-то уже успела побывать.

КУБА: ОТВЕТ ДЭЙВУ ОСЛЕРУ*

Ответ Дэйва Ослера на мою первую заметку – это какая-то карикатура. Грустно, что такой активист социалистической и демократической левой политики повелся на либеральные клише.

Начнем с отдельных обвинений Дэйва Ослера. То, что сторонники Фиделя Кастро были по большей части представителями среднего класса – это миф, хотя кое-кого из них и можно так назвать – все же большинство революционеров было рабочего или крестьянского происхождения.

Во-вторых, управление Кубой – это не «семейный бизнес». Рауль Кастро заслужил свой пост – он с самого начала играл руководящую роль в борьбе и был рядом со своим братом. Никто из детей Фиделя не играет какой-то значительной роли в правительстве.

Также было бы карикатурно сравнивать Кубу с военными режимами Латинской Америки: революционная армия разделяет те же ценности и условия жизни, что и большинство кубинцев, она никогда не проводила репрессивных действий относительно собственного народа; в любом случае, за последнее время с внедрением оборонной стратегии «Всенародной войны», численно армия была сокращена.

Но для Дэйва Ослера Куба – это «диктатура», а «никакая не демократия». Что именно он имеет в виду? В частности, что такое демократия? Удивительный успех либеральной «демократии» в Великобритании, США или большинстве капиталистических стран заключался в кооптировании, нейтрализации и разделении какого-нибудь движения, выступающего за реальное наделение народа властью; это должно вынудить нас задуматься: это, в любом случае, не апология деспотического руководства – это аргумент, который вынуждает нас серьезно рассмотреть альтернативные механизмы народовластия.

Демократия – власть народа – формируется снизу. Она предусматривает прямое привлечение сообществ к управлению собственными делами, и это начинается на уровне улицы и района. Она предусматривает прямое привлечение к управлению рабочих и граждан на рабочих местах, на фабриках, в поле, в офисах или школах. В первом

* Публикуется по: Raby D. Cuba: response to Dave Osler / D. Raby. – (<http://www.redpepper.org.uk/Cuba-response-to-Dave-Osler/>). Перевод с английского М.В. Курчанова.

приближении, демократия – это координированная власть локальных сообществ в сфере управления муниципальными, государственными или региональными делами, а в общих чертах – на уровне национального правительства.

Куба имеет сильную систему локальной демократии. Прямое назначение кандидатов на собрания местного сообщества и их избрания делегатами на тайных выборах из нескольких кандидатов, а также их обязанность отчитываться лично за каждые шесть месяцев работы на нескольких местных собраниях (где возможность отозвания делегата – реальна), гарантирует уровень местного контроля, который невозможно представить в Великобритании. Я сама была свидетелем таких собраний, и они меня очень поразили.

Действительно, на высшем уровне есть ограничения, но все-таки существуют очень реальные усилия обеспечить народный вклад в принятие решений через систематические консультации с помощью комиссий Национальной Ассамблеи, «рабочих парламентов» и подобных институций.

Утверждать, что Куба имеет «много политических заключенных» – это проявление серьезного непонимания. Даже цифры, которые дают международные агентства, достаточно малы, а почти все заключенные задержаны за нелегальное получение средств из США.

Пока США активно пытается сбросить революцию, невозможно иметь легитимную и независимую оппозицию на Кубе. Да, это ограничивает полноценное функционирование социалистической демократии, но анализ должен строиться на реальных условиях, а не на абстрактных идеальных условиях, как это делает Дэйв Ослер.

Еще один миф, повторяемый Дэйвом, это то, что Куба столкнулась с «экономическим склерозом». В действительности со времен глубокого кризиса в 1994 году на протяжении последующих 14 лет она переживала процесс выздоровления, а в прошлом году ее экономика почувствовала рост на 12 процентов – самый большой показатель среди стран Латинской Америки. Существует потребность реформ (в частности в отрасли сельского хозяйства), и они проводятся, но они идут не неолиберальным или китайским путем. Куба отказалась от этих вариантов.

Номинальные зарплаты на Кубе действительно мизерны по западным стандартам, однако это сравнение некорректно по причине важности т.н. «социальной зарплаты» и предоставления рабочим прав на управление. Речь идет не только о бесплатном медицинском обслуживании и образовании, но и о субсидировании платы за электричество, газ и другие услуги, жилищных законах, согласно которым

рента или ипотека не превышают 20% от семейного дохода, а также других мероприятиях, которые обеспечивают цивилизованный минимум для всех. Прямое привлечение рабочих к управлению на предприятиях, профсоюзах и народных советах также означает, что произвольные увольнения, избыточная сверхурочная работа и другие нарушения прав рабочих почти не имеют места.

Действительно, на Кубе существует недостаток потребительских товаров, но это ожидаемое следствие блокады, а также попытка достичь рациональной системы распределения. Если мир когда-либо примет те мероприятия, о которых говорят зеленые, нам всем придется принять ограничения, после которых кубинское нормирование будет выглядеть как потребительский рай.

И, в конце концов, Дэйв Ослер совершенно игнорирует мое утверждение о важности Кубы для новой волны народных и прогрессивных правительств в Латинской Америке. Но тогда они, по-видимому, тоже не дотягивают до этих высоких стандартов.

РАБОЧЕГО РАЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ*

Диана, ты видела последние новости из Гаваны? Вот, например: Карлос Матеу, заместитель министра труда и социальной защиты, объявил о радикальной реорганизации структуры зарплат в государственном секторе, который охватывает 90 % экономики Кубы.

«Эгалитаризм нас не устраивает», – пишет одна из правительственных газет (однако на Кубе и нет газет другого типа). Так вот, когда рабочие заслуживают 5-процентной прибавки к своей мизерной зарплате в 10 фунтов в месяц, управленцам должны платить на 30 процентов больше.

Между тем, многие аналитики, также и те, что находятся на месте событий, прогнозируют движение к новому внедрению капитализма в современном китайском или вьетнамском варианте при сохранении авторитарного рыночного ленинизма. Ты настаиваешь, что этого не происходит. Ну, посмотрим.

Думаю, что, в сущности, основной пункт моего неприятия твоей идеалистской поддержки Кубы – это мое убеждение, что правительство не имеет целью реализовать социалистический проект. Как доказывали представители подлинных левых «попутчикам» из коммунистической партии после сооружения Берлинской стены, страна не может быть раем для трудящихся, если так много из этих трудящихся готовы рисковать жизнью, чтобы только вырваться оттуда.

Обычно, многое зависит от процветания Майями. Но это не основная причина для неудовлетворенности на улицах Гаваны, о чем вы узнаете, поговорив со многими обычными кубинцами. Желание настоящей политической свободы очень сильно.

Я не знаю, считаешь ли ты себя марксисткой, Диана. Но поскольку кубинское руководство примеряет это наименование к себе, взглянем на Кубу с точки зрения марксистской теории государства.

Для начала, рабочий класс не играл центральной роли в революции 1959 года. И это было предусмотрено; ему не приписывалось ни одной важной роли в планах Движения 26 июля, которые выжили после прибытия «Гранмы»: они тогда не рассматривали революцию как социалистическую вообще.

* Публикуется по: Osler D. No workers' paradise / D. Osler. – (<http://www.redpepper.org.uk/No-workers-paradise/>). Перевод с английского М.В. Курчанова.

И в дальнейшем рабочие и крестьяне так никогда и не получили контроля над кубинской экономикой и обществом. Вместо этого, управление находится в руках небольшой прослойки – да, я назвал бы ее господствующим классом. Именно эти элиты руководят национализированными отраслями экономики и управляют коллективными сельскими хозяйствами.

Если Куба не выродилась к семейному бизнесу, как же тогда случилось, что больной Фидель просто объявил младшего брата преемником?

Также и Кубинское государство никоим образом не отмирает, о чем свидетельствует то, что влияние Вооруженных Сил не уменьшается. Это - совсем не какое-то революционное ополчение (как ты, похоже, думаешь), кубинские военные быстро вышли на улицы, когда Фидель объявил о своем уходе. Армия на Кубе остается организацией вооруженных людей, которые являются крайним средством гарантирования власти элиты над подчиненными классами. Я не так представляю себе социализм.

«Poder popular» – этим можеь быть что угодно, но только не власть народа. Это – передача полномочий местному уровню. Это движение сверху вниз, передаточное звено господствующей партии, к которой все кандидаты подходят уже будучи заранее одобренными партией. «Ограничение», о которых говорит Диана, это, в сущности, и есть сердце системы.

Ничто из этого не оправдывает неолиберализм Британии. Но давайте не заключать в кавычки слово «демократия» в отношении Великобритании. Как университетский преподаватель, госпожа Рэйби выносит на обсуждение свою критику политической системы, будучи в безопасном положении и имея хорошо оплачиваемую работу в государственном секторе. На Кубе она бы уже сидела за решеткой.

И хоть я могу признать определенные заслуги Уго Чавеса, его популистскую нефте-социальную демократию, эту модель просто невозможно перенести в страны, которым недостает нефтяных ресурсов Венесуэлы в независимости от того вдохновляемы они Кубой или нет.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«БОЛЬШОЙ СТИЛЬ» В ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКЕ (синтетическая история и обобщающие исследования)

Латинская Америка – уникальный исторический, политический, культурный и социальный регион. Развитие Латинской Америки в 17 – 18, 19 – 20 веках характеризуется сочетанием общих и национальных особенностей. Страны региона имеют общий язык и единые религиозные традиции. Бразилия, несмотря на португальский язык, является неотъемлемой частью Латинской Америки. Тем не менее, существует дефицит обобщающих версий историй стран Латинской Америки, которые комбинировали и сочетали политические, экономические, культурные и социальные истории. Автор в этой обзорной статье анализирует книгу американского исследователя Маршалла Икина, который попытался предложить свою версию и концепцию истории Латинской Америки.
Ключевые слова: Латинская Америка, история, национальные истории, историография

Latin America is a unique historical, political, cultural and social region. The developments of Latin America in the 17th and the 18th, in the 19th and the 20th centuries were characterized by combination of common and national features. The countries of region have a common language and religious traditions. Portuguese speaking Brazil is also inalienable part of Latin America. Nevertheless, there is the deficit of summarizing versions of Latin American history which combine political, economic, cultural and social trends in histories. The author in this review article analyses the book of American scholar Marshall Eakin, who try to propose his own version and conception of Latin American history.

Keywords: Latin America, history, national histories, historiography

Маршъл Икин, Историята на Латинска Америка. Сблъсък на култури / М. Икин / превод от английски К. Грозев. – София: Издателство «Рива», 2010. – 439 с. ISBN 978-954-320-323-9

Латинская Америка представляет собой уникальный регион, который, как может показаться, не испытывает дефицита интереса (со стороны исследователей) к себе, способного привести к появлению обобщающих и фундаментальных (или претендующих на фундаментальность) работ, посвященных региону Латинской Америки в целом, но все не так просто, как может показаться. Обобщающих работ о Ла-

тинской Америке крайне мало, хотя существует ряд факторов, позволяющих изучать их в рамках одного исследования. К этим факторам относятся общность исторических путей и судеб, практически одновременное появление на исторической арене независимых государств, языковое и религиозное единство. Несмотря на привлекательность и яркость, неповторимость латиноамериканской мозаики историй и культур, их взаимную близость и, вероятно, возникшую на протяжении последних столетий латиноамериканскую общность, обобщающих исследований об этой части света не так много. Издание советских и позднее российских версий собственно историй¹ и историй литератур стран Латинской Америки² растянулось на несколько десятилетий, а об обобщающих историях латиноамериканских экономик, латиноамериканских африканских сообществах, кино, фотоискусства, живописи, архитектуры³ остается только мечтать. Кажется бы, дефицит обобщающих работ о Латинской Америке может быть ликвидирован при помощи переводов, но переводов на русский язык исследований в целом посвященных региону практически нет. В этом контексте остается только приветствовать появление на болгарском языке обобщающей и в определенном смысле этого слова фундаментальной книги американского историка Маршалла Икина «История Латинской Америки», которая вышла в 2010 году в софийском издательстве «Рива»⁴, оригинальная версия которой была опубликована в 2007 году⁵.

Современный российский историк Павел Уваров в одном из своих интервью 2007 года подчеркивал: «меня особенно веселят разговоры о “смерти больших нарративов истории”, таких как “нации” или “классы”. Насчет классов не знаю, а вот нации вовсе не собираются сходить с подмостков историографической сцены, скорее, наоборот»⁶. Рассматривая книгу М. Икина (в которой нашлось место всем историческим героям, упомянутым П. Уваровым – и нациям, и классам) следует признать, что «большие» нарративы никуда не ушли, а продолжают существовать, в том числе и в такой специфической форме как обобщающие, синтетические версии истории больших культурных пространств подобных Латинской Америке.

Обобщающие исследования интересны не изложением очередности событий и самих событий, которые хорошо известны латиноамериканистам, а самими оригинальными интерпретациями целых эпох и периодов, тех или иных политических, социальных, экономических и культурных процессов. Поэтому, вероятно, не имеет смысла останавливаться на подобном пересказе структуры книги Маршалла Икина (Marshall S. Eakin), а более интересным представляется обратиться к

интерпретационной составляющей его обобщающего исследования, посвященного истории Латинской Америки.

Надуманым и даже не оригинальным некоторым российским латиноамериканистам, которые как исследователи сформировались до 1991 года, в условиях многочисленных идеологических ограничений, может показаться признание американского исследователя в том, что он склонен воспринимать Латинскую Америку не как объективную реальность, но как «одновременно политическую и культурную конструкцию, которая постоянно развивается»⁷. Кроме этого М. Икин в лучших конструктивистских традициях пишет о подвижности границ самого понятия «Латинская Америка», границы которого в прошлом простирались западнее современного латиноамериканского региона. То, что для некоторых российских авторов звучит если не дико, то странно (восприятие Латинской Америки как конструкции) – для западного научного сообщества, которое испытало мощное конструктивистское влияние, связанное, в первую очередь с изучением национализма и нациестроительства⁸ – норма, связанная с особой ролью исследователей, которые придерживаются различных конструктивистских и модернистских теорий. Кроме этого очевидно и влияние классических работ, посвященных «воображаемой географии»⁹ – направления чрезвычайно влиятельного на Западе, но почти не получившего развития в российской латиноамериканистике.

Интересной следует признать интерпретацию М. Икином генезиса особого типа латиноамериканской культуры и идентичности. Латиноамериканские идентичности воспринимаются им как креольские, возникшие в результате синтеза, смешения, соединения, столкновения различных европейских (преимущественно – испанских и португальских), индейских и африканских культурных элементов и традиций [С. 43 – 52]. Утверждение испанцев и португальцев в Новом Свете привело к трансплантации иберийских социально-экономических институтов и отношений, что было связано со значительным развитием крупного землевладения, которое нуждалось в постоянном притоке рабочей силы. Это привело к одновременному развитию нескольких экономических систем, которые не только были ориентированы на рынок, но и инкорпорировали в фактически капиталистическую систему институт рабства [С. 101 – 112].

Кроме этого португальские и испанские колонии в Латинской Америки воспроизводили и неформальные отношения клиентелы и зависимости, разные формы социальной и культурной иерархии, которые ранее не только существовали в метрополии, но подверглись в Новом Свете значительным трансформациям, что наряду с ослаблени-

ем Испании и Португалии, которые не могли успешно конкурировать в Нидерландами, Францией и Англией, привело к постепенному отдалению колоний от метрополий и росту взаимных отличий между ними [С. 113 – 129]. В подобной ситуации на территории Латинской Америки одновременно сосуществовали и развивались различные типы идентичности: традиционные идентичности индейцев были разрушены в результате христианизации, аналогичные процессы имели место и в идентичностях принудительно завозимых в Южную Америку негров, которые доставлялись из Африки. Идентичности европейские – испанские и португальские – также в определенной степени трансформировались и изменялись, что усиливалось процессом постепенной креолизации [С. 139 – 144]. При этом расовые отношения в Латинской Америке развивались иначе чем в Северной Америке, где сложился биологический расизм – на юге расизм в большей степени имел культурные¹⁰, социальные и религиозные основания, а наилучшими кандидатами на роль жертв латиноамериканского расизма претендовали не негры, а цыгане и евреи, отторгаемые как религиозные другие.

Кризис колониального господства М. Икин связывает с эпохой революций, которые привели к появлению новых государств [С. 181 – 203]. Анализируя движения за независимость в Южной Америке, американский историк полагает, что недовольство креольских элит привело к появлению протестных движений, которые стимулировались не только социальными и экономическими, но и национальными причинами. В этом контексте для М. Икина характерно понимание движений на независимость в Латинской Америке как гражданских национализмов, которые в большей степени имели под собой политические и социальные, а не национальные мотивы.

Особое внимание М. Икин уделяет проблеме становления и ранней истории национальных государств в Латинской Америке. По мнению американского исследователя, трансформация бывших колоний в национальные государства была отягощена постколониальным наследием, которое выражалось в сохранении в значительной степени традиционных институтов, создании условий для возникновения недемократических диктаторских режимов, росте регионализма и внутренней фрагментации обществ новых латиноамериканских государств. Тем не менее, как полагает М. Икин, латиноамериканские страны оказались не только устойчивыми, но и способными трансформироваться в нации-государства. Анализируя специфику и особенности развития латиноамериканских государств в XIX веке, М. Икин выделяет два типа функционирования политических систем, а именно: 1) «нестабиль-

ность и хаос», в большей степени характерные для Мексики; 2) «ранняя стабильность», имевшая место в Чили, Коста-Рике и Бразилии, элиты которых оказались в состоянии утвердить «новый политический консенсус, заменивший старый колониальный порядок» [С. 212 – 221].

Значительное внимание в синтетической версии истории Южной Америки в концепции М. Икина уделено проблемам становления и развития идентичности. Американский историк полагает, что формирующие латиноамериканские нации прошли длительный путь трансформации идентичности, которая изменялась от иберийской в направлении американской. Маршалл Икин полагает, что несколько факторов сыграли особую роль в формировании латиноамериканских идентичностей, а именно: креолизация и смешения рас и культур, фактор влияния со стороны европейской романтической традиции, проникновение литературных и художественных школ реализма и натурализма. Разделяя позиции исследователей-модернистов и конструктивистов, в концепции М. Икина латиноамериканские нации фигурируют как новые явления, которые формировались в результате «создания национальных общностей» и поисков новых «общих символов, традиций и ценностей». Анализируя особенности идентичностных трансформаций, М. Икин полагает, что Латинской Америке формировались не только национальные, но и региональные или субнациональные идентичности. Особую роль в формировании идентичностей играли города. Буэнос-Айрес, например, определяется американским историком как «контрапункт региональных идентичностей» [С. 257 – 270].

История XX века – одна из центральных тем в книге М. Икина. Анализируя политическую динамику, М. Икин указывает на цикличность развития латиноамериканских государств, где периоды авторитарного и демократического развития могли чередоваться [С. 274]. Важным фактором в политической жизни стран Латинской Америки стала социальная поляризация обществ [С. 282]. Не обходит вниманием М. Икин и специфику революционного процесса в различных странах Латинской Америки – в Мексике [С. 289 – 298], Гватемале [С. 298 – 302], Боливии [С. 303 – 306]. Особое внимание М. Икин уделяет разного рода авторитарным политическим режимам (например, Кубе [С. 309 – 316]), институционализированным в результате латиноамериканских революционных процессов и советского влияния. Помимо революционной модели особую роль в развитии Латинской Америки, как полагает М. Икин, играл реформизм, в различных версиях реализованный в Уругвае [С. 330 – 334], Аргентине [С. 335 – 339], Арген-

тине [С. 340 – 345], Коста-Рике [С. 346 – 350]. Другие страны региона (Бразилия [С. 354 – 356], Колумбия [С. 356 – 358], Эквадор [С. 358 – 359], Венесуэла [С. 359 – 361], Перу [С. 361 – 365]), по мнению М. Икина, в значительной степени страдали от политической, социальной и экономической нестабильности. Доминантной тенденцией в развитии латиноамериканского пространства стало дальнейшее усиление наций, которые позиционируются М. Икином как «воображаемые сообщества». При этом, как полагает американский исследователь, в Латинской Америке параллельно развивались два типа идентичностей – собственно национальные (бразильская, чилийская и т.п.) и наднациональная (латиноамериканская) [С. 286 – 287].

Подводя итоги настоящего обзора, во внимание следует принимать ряд факторов. История Латинской Америки в восприятии М. Икина – это не просто событийная история, это не традиционная и привычная для российской постсоветской нормативной историографии, история, построенная на принципе сменяющего пересказа собственно исторических событий в их привязке к ключевым моментам социально-экономической истории. В этом отношении Автор рецензии не рекомендует книгу М. Икина ортодоксальным марксистам советского толка. Эта книга – книга для другого, более подготовленного читателя, который вырос в большей степени на англоязычных латиноамериканских исследованиях. При этом в работе М. Икина мы находим и событийную историю, и социально-экономические проблемы, и важнейшие моменты в культурной и интеллектуальной истории. Складывается впечатление, что создавая свое исследование, предлагая свою концепцию латиноамериканской истории, свое видение прошлого Южной Америки, Маршалл Икин пытался найти компромисс между различными (и порой взаимоисключающими) моделями исторического знания.

Вероятно, работа М. Икина в Болгарии найдет своего читателя. Не исключено, что она могла бы обрести своего читателя и в России в случае перевода на русский язык, пока же этого не произойдет российским читателям и латиноамериканистам придется довольствоваться или рецензиями или изданиями на близких нам языках, например – на болгарском.

История имеет свойство менять народы местами в разного рода негласных и неформальных иерархиях: если до начала 1990-х годов болгарские латиноамериканисты активно цитировали работы своих советских коллег, ориентируясь на них как на источник некоего универсального знания, не исключено, что российским латиноамериканистам будет нелишним и полезным обратиться к работам (не только

оригинальным, но и переводным), опубликованным в Болгарии – не как к истине в последней инстанции (как это делали латиноамериканисты с НРБ, цитируя своих советских коллег и проявляя лояльность московским кураторам софийских политических элит), а по причине элементарного отсутствия этих текстов на русском языке или недоступности их англоязычных оригинальных версий в российских библиотеках.

М.К.

¹ История Латинской Америки: Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / Н.М. Лавров (отв. ред.) и др. – М., 1991; История Латинской Америки, 70-е годы XIX века – 1918 год / Е.А. Ларин (отв. ред.) и др. – М., 1993; История Латинской Америки, 1918 – 1945 / Н.П. Калмыков (отв. ред.) и др. – М., 1999.

² История литератур Латинской Америки / В.Н. Вавилов. – М., 1985 – 2004. – Т. 1 – 4.

³ Примечательно то, что большая часть упомянутых проблем затронута в многочисленных обобщающих исследованиях, изданных в США или в Великобритании. См.: Andrews G. *Afro-Latin America, 1800 – 2000* / G. Andrews. – NY., 2004; Bakewell P. *A History of Latin America, 1450 – 1930* / P. Bakewell. – Malden, 1997; Bulmer-Thomas V. *The Economic History of Latin America* / V. Bulmer-Thomas. – Cambridge, 1994; Brown J. *Latin America: a Social History of the Colonial Period* / J. Brown. – Fort Worth, 2000; Keen B., Keith H. *A History of Latin America* / B. Keen, H. Keith. – Boston, 2004. Вероятно, особо следует отметить продолжающееся издание «Кембриджской истории Латинской Америки». К настоящему времени вышло уже 11 томов. См.: *The Cambridge History of Latin America* / ed. L. Bethell. – Cambridge, 1985 – 2010. – Vol. 1 – 11.

⁴ Икин М. *Историята на Латинска Америка. Сблъсък на култури* / М. Икин. – София, 2010.

⁵ Eakin M. *The History of Latin America. Collision of Cultures* / M. Eakin. – Palgrave Macmillan Press, 2007.

⁶ Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобринина с Павлом Уваровым // НЗ. – 2007. – № 55. – (<http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>)

⁷ Икин М. *Историята на Латинска Америка. Сблъсък на култури* / М. Икин. – София, 2010. – С. 7. Далее ссылки на болгарское издание книги М. Икина приводятся в тексте в квадратных скобках.

⁸ Anderson B. *Imagined Communities* / B. Anderson. – NY., 1983; Андерсън Б. *Въобразените общности: Размишления върху произхода и разпространението на национализма* / Б. Андерсън / прев. Я. Генова. – София, 1998; Anderson B. *Nação e consciência nacional* / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. *Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo* / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. *Problemas dos nacionalismos contemporâneos* / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: *um inquisito observador de estrelas* // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15; Gellner E. *Nations and Nationalism* / E. Gellner. – L., 1983; Геллнер Э. *Нации и национализм* / Э. Геллнер. – М., 1991; Гелньър Ъ. *Нации и национализъм* / Ъ. Гелньър / прев. Ив. Ватова и Алб. Знеполска. – София, 1999; Gellner E. *O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe* / E. Gellner // *Um mapa questão nacional* / ed. G. Balakrishnan. – Rio de Janeiro, 2000; Gellner E. *Nacionalismo e democracia* / E. Gellner. – Brasília, 1981; *The Invention of Tradition* / eds. Eric Hobsbawm, Terence Ranger. – Cambridge, 1983; Хобсбом Е. *Нации и национализъм от 1780 до днес: Програма, мит, реалност* / прев. от англ. М. Пипева и Е. Георгиев. – София, 1996; Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo desde 1780* / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990; Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E. *Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995.

⁹ Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* / Л. Вульф. – М., 2003.

¹⁰ Подробнее см.: *Children of God's Fire: a Documentary History of Black Slavery in Brazil* / ed. R. Conrad. – University Park, 1994.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА

НОВЫЕ КНИГИ БОРИСА ИОСИФОВИЧА КОВАЛЯ

Борис Иосифович Коваль – один из наиболее влиятельных российских латиноамериканистов. Борис Коваль известен как исследователь Бразилии, левого и коммунистического движения, истории бразильского рабочего класса. Поэзия и философские эссе – еще две стороны и измерения таланта Бориса Иосифовича.

Ключевые слова: *российская латиноамериканистика, Б.И. Коваль, литературное творчество ученых*

Boris Iosifovich Koval' is one of the most influential Russian scholars in Latin American Studies. Boris Koval' is known as researcher of Brazil, left and communist movement, the history of Brazilian working class. The poetry and philosophical essays are two sides and dimensions of Boris Iosifovich Koval's talent.

Keywords: *Latin American Studies in Russia, Boris Iosifovich Koval', literary creation of scholars*

*Коваль Б.И. Не-Ученые записки. Поэзы. Мадригалы. Трактаты / Б.И. Коваль. – М.: Издательский дом «Большая Ордынка», 2011. – 60 с.
Коваль Б.И. Харизма. Встреча с таинственной Незнакомкой / Б.И. Коваль. – М.: Academia, 2011. – 132 с. ISBN 978-9934-8113-4-X*

Борис Иосифович Коваль известен как один из крупнейших российских латиноамериканистов и специалистов по Бразилии. Как ученый и творческая личность Борис Иосифович имеет еще несколько ипостасей. Он – философ, и мыслитель, и культуролог.

Борис Иосифович – личность чрезвычайно творческая, о чем свидетельствуют новые книги, которые дают читателю возможность узнать о неизвестных ему раннее сторонах таланта одного из ведущих отечественных латиноамериканистов.

В 2011 году вышли две новые книги Б.И. Коваля – «Харизма. Встреча с таинственной Незнакомкой» и «Не-Ученые записки. Поэзы. Мадригалы. Трактаты».

На страницах этих книг их Автор раскрывается как тонкий наблюдатель, мыслитель, философ, поэт и художник.

Проблемы греческой мифологии, иудаизм, идеальное в христианстве, проблемы и противоречия развития, специфика человеческой воли, харизма в политике, культуре и жизни – это не самый полный перечень сюжетов, для которых нашлось место на страницах новых книг Б.И. Ковалья.

Кроме этого Б.И. Коваль и в относительно «легком» жанре эссе не смог обойти вниманием латиноамериканскую проблематику. В частности, он затронул проблемы, связанные с культурной и цивилизационной спецификой развития Латинской Америки, символической ролью Симона Боливара, теологией освобождения.

В книге «Не-Ученые записки. Поэзы. Мадригалы. Трактаты» признанный латиноамериканист предстает как поэт, чьи произведения не только глубоко ситуативны, но и посвящены различным моментам в истории и деятельности Института Латинской Америки РАН.

М.К.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Виктор Каспарук (Віктор Каспарук)* – журналист и политический обозреватель (Украина)
- Максим Валерьевич Курчанов* – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета
- Лиза Дж. Лапланте* – приглашенный адъюнкт-профессор в Школе юриспруденции при Marquette University
- Дэвид Ослер (David Osler)* – политический обозреватель, журналист и писатель (Лондон, Великобритания)
- Диана Романовна Орешева* – бакалавр регионоведения (ВГУ, 2011), магистрант Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета
- Дмитро Райдер (Дмитро Райдер)* – журналист и политический обозреватель (Украина)
- Юрий Райхель (Юрій Райхель)* – журналист и политический обозреватель (Украина)
- Диана Рэйби (Diana Raby)* – Д-р Философии, Институт латиноамериканских исследований (Institute of Latin American Studies), Ливерпуль, Великобритания
- Александр Анатольевич Слинько* – д.полит.н., профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета
- Александр Валерьевич Погорельский* – к.и.н., доцент Воронежского Государственного архитектурно-строительного Университета
- Инна Тарасюк (Інна Тарасюк)* – журналист и политический обозреватель (Украина)
- Келли Фениси* – журналист «Latinamerica Press», координатор проектов в Институте социальной справедливости «Praxis».